

Ранняя церковь *Данкан Хистер*

The Early Church (Russian edition) Duncan Heaster
Carelinks, PO Box 152 Menai NSW 2234 AUSTRALIA
www.carelinks.net email: info@carelinks.net

- 1 Привлекательный привкус первого столетия 1-1 “Единодушно” | 1-2 Ранняя церковь - наш пример |
  - 1-3 Собрание для молитвы | 1-4 Христос во всем | 1-5 Перевернутый мир | 1-6 Жены в ранней церкви | 1-7 Радость веры
- 2 Непривлекательный привкус первого столетия 2-1 Разделения в церкви | 2-2 Грязная политика в церкви |
- 3 Единство и разделения в церкви первого столетия 3-1 Единство и разделения в церкви первого столетия |
  - 3-2 Ойкумена и дом общения | 3-3 Богатые и бедные первого столетия | 3-4 Единство церкви |
- 4 Препятствия для роста Христианства 4--1 Препятствия для роста Христианства | 4--2 Соблазн креста |
- 4--3 Отказ от кесаря | 4--4 Положение женщин и рабов в первом столетии | 4--5 Трудности Римских граждан |
  - 4--6 Привлекательность Иудаизма | 4--7 Другие причины для неприятия Христианства
- 5 Причины распространения Христианства в первом столетии 5
5--1 Причины распространения Христианства в первом столетии | 5--2 Пример сообщества |
  - 5--3 Собрания в домах первого столетия | 5--4 Свидетельство на рабочем месте |
  - 5--5 Свидетельство о единство Христиан первого столетия | 5--6 Роль женщин в первом столетии |
  - 5--7 Образ проповедования в первом столетии | 5--8 Нравственность Христиан первого столетия |
  - 5--9 Исключительность Христианства | 5--10 Раннее Христианское учение |
- 6 С чего началось заблуждение 6-1 Заблуждение в учении | 6-2 Возникновение преданий и традиций |
  - 6-3 Закон и церковь | 6-4 Социальная напряженность в церкви | 6-5 Богатство в церкви |
  - 6-6 Приземленность в церкви | 6-7 Потеря милости | 6-8 Потеря в церкви веры | 6-9 Плохое руководство церкви | 6-10 Учение и законность |

1 ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ПРИВКУС ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ

При чтении Нового Завета очень легко подумать, что те, о ком он был написан, жили тогда, а мы живем в наше время, что они были тогда, а мы сейчас, что они были такими, какими были, мы же являемся такими, какими нас сформировала наша жизнь. Они нам могут представляться как уже очень давно умершие люди, ибо мы можем совсем забыть, что они являются нашими самыми настоящими братьями и сестрами, точно такими же, каким братьями и сестрами являемся мы друг другу. Тело Христово одно, и союзы его охватывают не только пространство, но и время. Мы - всего лишь продолжение того, кем были они. Мы не можем отделять себя в уме от первого столетия, ибо мы верим в то же самое, во что верили они, следуем за Тем же самым Господом, боремся с одной и той же плотью, имеем ту же самую надежду и знакомы с той же самой благодатью. А это все должно нас заставлять смотреть на себя со стороны и сравнивать, живем ли мы, каждый в отдельности и как сообщество в целом, по тем же принципам, что и Христиане первого столетия. Мое изучение этого вопроса показало, что кое в чем мы лучше, однако во многом они являются для нас отличным примером.

5-1-1 “Единодушно”

В Деяниях, особенно в первых главах, существует целый ряд бросающихся в глаза слов и выражений, ярко характеризующих раннюю еkkлeсию, и одним из таких слов является слово “единодушно”. Впервые оно встречается в Деян 1,14: “Все они единодушно пребывали в молитве и молении”. Затем в Деян 2,1: “При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе”. Затем в ст 46: “И каждый день единодушно... преломляя по домам хлеб... в веселии и простоте сердца”. Затем в Деян 4,24: “Они... единодушно возвысили голос к Богу”. Затем в Деян 5,12: “и все единодушно пребывали в притворе Соломоновом”. Еще один подобный пример находится в Деян 15,25. Читая это, становится очевидным, что в те первые, горячие дни, ранняя еkkлeсия была единодушна во всех, предпринимаемых ею делах. Однако в Деяниях тем же словом, “единодушно”, описывается направленная против братьев и сестер, и ненависть мира сего. Иудеи “единодушно устремились на” Стефана (Деян 7,57). Единодушны между собой были и Тиряне с Сидонянами (Деян 12,20 - церковнославянский). Иудеи “единодушно” напали на Павла в Коринфе (Деян 18,12) и в Ефесе (Деян 19,29). Это греческое слово, переведенное как “единодушно”, намеренно встречается почти исключительно в Деяниях, очевидно для того, чтобы дать читателям представление о единодушии ранней церкви, а так же еще и о единодушии, окружающего церковь мира. Ибо разница между миром и церковью была огромна. По мере того, как мир все сильнее и крепче объединялся против церкви, увеличивалась и сплоченность, “единодушие” церкви.

И тут нам нужно спросить себя, так же и мы “единодушны” между собой, как и они? Ведь было время когда они ежедневно преломляли хлеб, собираясь в своих домах и, как кажется, охотно продавали свои имения для того, чтобы помочь более бедным братьям. Бедные верующие Коринфа и Филипп собирали деньги для еще более бедных братьев Иерусалима. Разве такое происходит среди нас? Разве, скажем, индийские или русские братья пытаются собрать несколько долларов, чтобы помочь братьям-беженцам из Мозамбика, нашедшим убежище от войны в Конго? Разве западные братья помогают так, как они могли бы помогать, бедным братьям, например, Молдовы? Да и вообще, разве мы думаем об этом? Думаем ли мы, хоть иногда, о необходимости послать что-нибудь кому-нибудь? Возможно, это происходит от того, что мы не ощущаем той великой пропасти, которая отделяет нас от этого мира, что мы не чувствуем, так как должно, того единства между нами верующими, которое порождается “во Христе”. Возможно, что мы не

ощущаем достаточно сильно, что этот мир не просто равнодушен к Богу, не чувствуем того, что буквально все, кто не во Христе, являются врагами Его и чадами гнева Божия (Еф 2,3,15). Мы просто не склонны смотреть на мир под таким углом зрения. Верующие же первого столетия смотрели, ибо они точно чувствовали великую пропасть между собой и этим миром. Наш мир, в основном, как никогда прежде, сейчас оказывает *большую* терпимость, однако, все же не стоит забывать, что все власти мира сего являются воплощением “сатаны”. Буквально всё вокруг нас хитро и незаметно формирует в человеке вражду против истинной духовности и дела Христова. И чем больше мы понимаем это, тем сильнее сплачиваемся между собой, находясь “во Христе” на другой стороне баррикад. А раз так, то тем меньше мы будем уделять внимания несущественным различиям и разногласиям между собой.

Одним из того, что так сильно мешает нашему “единодушию” является предыдущее “общение” с верующими, с которыми нам теперь общаться не годится. Похоже что Господь полагал, что если мы будем всегда и везде провозглашать исключительно одну только истину, те, которые не от истины, сами прекратят свое общение с нами. И многие из нас знают насколько это верно. Как только люди начинают проповедовать в своих прежних церквах против веры в “Троицу”, их тут же изгоняют вон. Неверующий в “Троицу” будет искать общения с себе подобными. А потому для тех, кто проповедует истину не стоит вопрос, оставлять или не оставлять ранее посещаемую им церковь. А потому не стоит поднимать этот деликатный вопрос между своими братьями. Если в наших еkkлeсиях мы будем создавать атмосферу любви и истины, основанной на Писаниях, те, кто не от истины, сами покинут нас. Нам же не нужно искать различий между собой, а наоборот, больше и больше стремиться к единодушию со своими братьями. Противостояние, существовавшее 2000 лет назад, существовало не между верующим и верующими, а между верующими и этим миром. Так Петр призывал народ к спасению тем, чтобы отделиться от окружающего рода крещением (Деян 2,40). Павел видел в крещении образ исхода из Египта (1Кор 10; Евр 3 и 4). Мартин Лютер Кинг обычно говаривал (цитирую Билли Грэхема), что для всех американцев 11 часов утра в воскресенье стал исключительно особенным часом. Грустно признать, но то же самое может случиться и с нами. А этого не должно быть. Наше единство должно обращать мир. Однако единство это не однообразие, и, конечно, не разделение.

Одним из того, что так поражает воображение в ранней церкви было то, как организовывались проповеднические кампании, когда вместе собирались самые разные люди, которые не брав ничего от этого мира, шли благовествовать ему. Подумайте о компании из четырех человек, которая благовествовала Македонии: Павел бывший фарисей из Тарса, Сила новообращенный из Иерусалима Еллин, Лука языческий врач, и полуеврей, полуязычник Тимофей (Деян 16,610). Очень похожие на них небольшие группы людей также совершили необычайно громадную миссионерскую работу, когда четверо, поляк, англичанин, литовец и канадец начали благовествовать Евангелие в восточной Европе в 1990 году, отвечая постоянно на один и тот же естественный вопрос, “как вы вообще смогли собраться вместе, чтобы жить в одной машине, приехать в такую даль, со своим благовестием?” Тогда за нас свидетельствовало наше единство. И не только...

5-1-2 Ранняя церковь - наш пример

В Флп 1,27 ранняя церковь ставится нам в пример: “вы стоите *в одном духе*, подвизаясь *единодушно* за веру Евангельскую”, разве это не звучит, как описание, как характеристика

ранней еkkлeсии? А теперь перейдем к Флп 2,2: “имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте *единодушны* и единомысленны”. И опять то же самое слово, “единодушны”. Это слово чаще всего встречается в Деяниях, а потому и должно пониматься нами, как характеристика той, ранней церкви. Это Послание, как бы призывает, вернуться обратно к Деяниям. Павел как бы говорит: “Вы, верующие, должны всегда помнить о важности единодушия, существовавшего в первой Иерусалимской еkkлeсии. Пусть ранняя церковь будет для вас примером”. Присмотревшись же можно найти еще целый ряд ссылок на первые главы Деяний. Например, ст 4: “Не о себе [только] каждый заботься, но каждый и о других”. Дважды в Деяниях мы читаем о заботе не о себе, а о других. Когда Павел писал эти слова, очевидно в памяти его было Деян 4,32: “У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа (т.е. они были единодушны, как о том говорит Павел в Флп 2,2); и никто ничего из имения своего не называл своим (Флп 2,4), но все у них было общее”. В 3-м же стихе Павел предупреждает ничего не делать по тщеславию. Разве это не напоминает нам Ананию с Сапфирию? Так же он предупреждает их и в ст 14, все делать “без ропота и сомнения”. Не может быть простым совпадением то, что дважды, в Деян 6,1,9, в ранней еkkлeсии упоминаются ропот и спор (□ сомнениям). В Флп 2 говорится о превознесении Христа по Его воскресении. И опять-таки не может быть простым совпадением то, что здесь встречаются почти одни и те же слова, которые Апостолы употребляли в первых главах Деяний. Так в ст 9 написано, что “Бог превознес Его”, а это намек на слова Петра, что “Он, быв вознесен десницею Божиею... Его возвысил Бог” (Деян 2,33; 5,31). Главное, о чем говорится в Флп 2 - это страдания Христа на кресте, Его превознесение Отцом и дача Ему имени, которое выше всех других имен. О том же самом говорится и в Деяниях (Флп 2,9-11 = Деян 2,36; Флп 2,10 = Деян 4,10; 3,6,16).

Несмотря на легкомысленное отношение к этому чувству, нам также знакомо “единодушие”, когда неопишуемые чувства, для которых не подыскать никаких слов, охватывают нас после удачно проведенной вместе Библейской школы, когда двое взрослых мужчин, как женщины, утирают слезы с глаз при расставании в каком-нибудь аэропорту. То же самое чувство единения, единодушия, охватывает нас, когда мы покидаем могилу после похорон любимого брата. Каждому из нас знакомо это чувство, эти узы единства, которые не известны миру сему. И это-то, в конце концов, и является самым лучшим доказательством того, что мы обладаем истиной. Когда Павел призывал нас содержать “слово жизни” (Флп 2,16), он, конечно же, думал о тех словах жизни, которые говорили людям самые первые проповедники (Деян 5,20). А это значит, что и нам стоит следовать тому же духу.

5-1-3 Собрание для молитвы

“Они постоянно (не отходя) пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах” (Деян 2,42,46; 8,13). Так же нам сказано о том, чтобы мы “постоянно” молились (Рим 12,12; Кол 4,2), или же следовали в том примере ранней еkkлeсии. Ученики Господа после Его вознесения “единодушно пребывали в молитве и молении”(Деян 1,14), теперь же, следуя их примеру, тем же самым занимались уже обращенные ими. К слову сказать, мы все следуем примеру обративших нас. Так, например, и Симон поначалу “не отходил от Филиппа” (Деян 8,13). А это значит, что наше внутренне, “я” оказывает сильное влияние на духовное формирование других. В раннем сообществе молитве уделялось такое большое внимание, что понадобилось выбрать семь человек, которые могли бы заниматься насущными делами еkkлeсии, но чтобы самим отдавать большее время для молитвы (Деян 6,4), ибо занятие молитвой почиталось более важным, чем “административная” деятельность. Мужья и жена на время удалялись друг от друга для того, чтобы помолиться в сосредоточении единения (1Кор

7,5). Общая молитва в то время была для верующих источником “единодушия”, ибо “они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах” (Деян 2,42), будучи особенно постоянны в молитве (Рим 12,12). И молились чаще всего коленапреклоненно. В Деян 12,5 говорится, что специально было собрано собрание для того, чтобы помолиться за Петра. В 1Тим 5,5 говорится, что отличительной особенностью истинной вдовицы являлось ее постоянство, “день и ночь”, в молитве и молениях. Ей помогали материально только для того, чтобы она продолжала творит молитвы за других (понятие, надо сказать, сильно искаженное католиками и православными). В ранних же еkkлесиях были особые группы “вдовиц”, такие, о которых упоминается в Деян 6, чьей обязанностью было молиться за других - настолько большое внимание уделялось молитве в те времена. В 1Пет 3,7 приводится неожиданная причина благоразумного обращения мужей с женами - “дабы не было вам препятствия в молитвах”. Насколько важна была молитва в глазах Петра. Сравнивая себя с ранним сообществом верующих, приходишь к выводу, что мы просто-напросто не уделяем молитве такого же должного внимания, какое оно уделялось ей в то время. В 1Тим 2,1 говорится: “Итак *прежде всего* прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человек”, где “прежде всего”, скорее означает, “важнее всего”. Среди скудной информации, данной нам о Лидии и Корнилие, нам, *прежде всего*, известно, что перед своим обращением каждый из них молился. Да и вообще, их приход к благовестию произошел, как видно, исключительно благодаря их молитвам и свидетельствам о молитвах собраний (Деян 10,31; 16,13,16).

Серьезное отношение к молитве в первом столетии должно заставить изменить наше легкомысленное отношение к ней. Не стоит стесняться просить молиться друг о друге, или же помолиться о проблемах того, или иного брата, или сестры, когда мы собираемся вместе. И в этом плане нам предстоит много потрудиться, чтобы изменить свое отношение к молитве. Впрочем и среди нас есть приятные исключения. Не так давно я позвонил одной сестре. Трубку подняла ее младшая дочь. Я спросил:

- Позови, пожалуйста, маму.
- А не могли бы Вы перезвонить попозже? - ответила она.
- Ну... если она дома, я мог бы подождать... - настаивал я.
- Да, она дома, но не может подойти к телефону, потому что молится. Она всегда молится после обеда.

5-1-4 Христос во всем

Если сразу после Евангелия от Луки прочитать Деяния, то становится очевидным, что писавший их (Лука) видел в Деяниях Апостольских продолжение повествования о Господе Иисусе. Именно по этой причине Деяния начинаются с упоминания первой книги, в которой говорилось о том, “яже начат Иисус творити” (см. церковнославянский), из чего напрашивается вывод, что Деяния являются продолжением рассказа о том, что делал и учил Иисус руками Апостолов (ср. с Евр 2,3, где говорится о начале проповеди Господа, которое было продолжено нами). В Деяниях неоднократно говорится о “народе”, о “множестве” обращенного народа и учеников (Деян 2,6; 4,32; 5,14,16; 6,2,5; 14,1,4; 15,14,30; 17,4; 19,9; 21,22), где употребляется то же самое слово, которым Лука описал “множество учеников”, следовавших за Господом еще при Его жизни (Лк 5,6; 19,37). Очевидно Лука хотел сказать, что множество обращенных, ходивших за Господом по Палестине с 30 по 33 годы Н.Э., которых одолевали мелочные мысли и непонимание своего Наставника, которых так было легко увлечь в сторону от главного... все-таки были Его соратниками. Лука рассказывает о том, как Господь, и как Его последователи,

ходили и учили (Лк 2,15; 4,30; 5,15; 8,22; 9,6; 11,24; 17,11; 19,1,4), употребляя то же самое слово, для описания проповедования Апостолов в Деяниях (Деян 8,4,40; 9,32,38; 10,38; 11,19,22; 12,10; 13,6,14; 14,24; 15,3,41; 16,6; 17,23; 18,23,27; 19,1,21; 20,2,25). Одно и то же слово, “благовествовать”, которое только однажды встречается в другом Евангелии, много раз встречается в Евангелии от Луки (Лк 1,19; 2,10; 3,18; 4,18,43; 7,22; 8,1; 9,6; 16,16; 29,1) и в Деяниях (Деян 5,42; 8,4,12,25,35,40; 10,36; 11,20; 13,32; 14,7,15,21; 15,35; 16,10; 17,18). Ясно, что Лука видел, что ранняя еkkлeсия благовествовала то же самое, что благовествовал Иисус и Апостолы, продолжая свидетельствовать миру сему о том же самом. А это значит, что мы должны свидетельствовать и благовествовать о том же самом, о чем свидетельствовали и благовествовали, ходя по Галилее, Господь с Двенадцатью. Нам необходимо продолжать дело благовестия так успешно, начатой ими. В Лк 24,47 Евангелие заканчивается заповедью идти проповедовать покаяние и прощение грехов, т.е. продолжать то, что было начато Самим Господом (ср. Лк 4,18 с Лк 1,77). В Деяниях особо подчеркивается, что верующие делали то же самое, проповедуя прощение грехов во имя Иисуса, являясь Его представителями (Деян 2,38; 5,31; 10,43; 13,38; 26,18).

Лука говорит об “удивлении” (об ужасе, изумлении), которое вызывало благовестие Иисуса и Сам Иисус (Лк 2,47,48; 4,36; 5,26; 8,56; 24,22), и он же рассказывает об “удивлении”, которое вызывали Апостолы (Деян 2,7,12; 8,13; 9,21; 10,45; 12,16). Именно в этом кроется причина, по которой первые братья полагали, что пророчества, сказанные об Иисусе, также сказаны и о них (Деян 4,24-30; 13,5,40). Одни и те же греческие слова и выражения употребляются Лукой и в Евангелии и в Деяниях для описания того, что было сделано Иисусом, и для того, что было позже сделано Апостолами, таким образом подчеркивая, что свидетельство ранней еkkлeсии после воскресения было продолжением свидетельства ходивших по Галилее с Иисусом Двенадцати. Он не стал составлять религиозных правил, ибо по мере роста церкви, кто выше в ней, а кто ниже, а также что кому делать, определялось Духом Святым. Главным же было, и остается то, что и мы, как и они, следуем за ходящим по Галилее Агнцем, слушаем Его слова, во всем следуя Его стопам вплоть до несения вместе с Ним на Голгофу креста. Лука заканчивает свое Евангелие тем, как Господь напоминает Своим ученикам, что они являются свидетелями (Лк 24,48), о чем они постоянно и говорят в Деяниях (Деян 1,8,22; 2,32; 3,15; 5,32; 10,39,41; 13,31; 22,15,20; 26,16). И это важно, ибо та же мысль должна обладать и нами, мысль о том, что и мы являемся свидетелями Господа, свидетелями своих собственных отношений с Ним. Они свидетельствовали о том, что Христос воссел одесную Бога, что Он является Спасителем, и что только через Него доступно прощение (Деян 5,32), при этом их свидетельство о прощении и спасении было написано на них самих. Они вообще не были бы никакими свидетелями, если бы их свидетельство не было видно на них. Ведь они не восходили на небо и не видели Его. У них не было на руках никаких документов, подтверждающих их прощение. Они несли свидетельство в самих себе. В Деяниях об этом сказано более лучше, ибо написано, что обращенные прилагались не только к еkkлeсии, но и к Самому Христу. Ибо Он был Своей еkkлeсией, а они были и есть, как и мы в этом мире - Его Телом.

Проповедование Христа

Верующие первого столетия постоянно проповедовали распятие и воскресение Христово (Деян 2,23,24; 3,13-15; 5,30,31). Логичное возражение на проповедь воскресшего Иисуса из Назарета было: “Но Он же мертв! Мы видели Его тело! Где Он? Покажите нам Его!” Их ответом на то, как и нашим, было: “Я – свидетель тому, как и все остальные мои братья и сестры. Мы свидетельствуем о том, что Он жив. Если вы видите нас, то вы видите Его, воскресшего и живого в нас”. В таком духе мы умоляем людей от имени Христа. Павел в Гал 2,19,20 пишет об этом: “Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но

живет во мне Христос”. Дух воскресшего Христа живет и в нас, если мы свидетельствуем о Его воскресении. Для этого мира, мы – это Он. Также и крест был *светом* в жизни их. Они убеждали людей в том, что их положение пред Богом безнадежно. Восполняя естество креста, они утверждали, что они – закоренелые грешники. Что человек не может при виде креста, остаться к нему равнодушным, но должен увидеть в нем дар для себя и креститься. Настоятельная необходимость покаяния была одной из особенностей их свидетельства (Деян 2,38; 5,31; 7,51; 11,18; 17,30; 18,18; 20,21; 26,20; Евр 6,1). Не будет ли излишним напомнить, что нашей Христадельфианской проповеди сильно не хватает этого? Именно в покаянии была причина того, что люди крестились сразу после проповедования, ибо только так могут быть прощены грехи (Деян 22,16). В их проповеди не было слышно апологетики, но только полная уверенность в том, что они несут людям слово, дарующее вечную жизнь. Их слова, поведение, всё их существо, говорили о неизбежной гибели всех тех, кто оказался вне Христа. Своим свидетельством они освобождались от вины в крови человеческой (Деян 20,26) – очевидный намек на стража, который, в случае если он не предупреждал об опасности, должен был умереть (Иез 3,18). А если так, то “горе мне, если не благовествую!” (1Кор 9,16). Павел чувствовал невыразимое горе и собственную вину за неверующих Иудеев настолько, что он, как Моисей, был готов ради них пожертвовать своим спасением (Рим 9,1). А это уже было что-то, что ясно проявлялось и в нем и в его свидетельстве – на выражение *такой* любви очень трудно не ответить взаимностью. Одно это убеждало слушателей в его искренности. Павел должен был благовествовать всем (Рим 1,14). Но если должен, значит ты что-то взял и должен это что-то отдать? Он же ничего не брал у людей, а отдавал Христово. Ибо Сам Господь даровал нам богатство жертвы Своей, а потому мы в долгу у *Него*. И этот-то долг превращается в долг благовестия всему человечеству! Осознание креста Его должно озаряться в нас великой и естественной благодарностью Ему, благоговением пред Человеком, Который возлюбил нас больше, чем мы Его. Но даже из-за осознания своего долга Ему, который невозможно вернуть из-за величины его, мы можем и должны любить Его, отвечая на Его любовь к нам, искренним служением Ему. И если это есть в нас, то мы уже ничего не будем проповедовать, кроме креста Христова.

Именно по этой причине, услышавшие благовестие хотели немедленно креститься, ибо их убеждало делать это не размышление и не взвешивание всех “за” и “против”, а поведение проповедника (Деян 8,36; 9,18). Лидия, темничный страж в Филиппах, Павел, Эфиопский евнух, множество народа на праздник Пятидесятницы... Все они крестились не откладывая. Господь *ежедневно* прилагал верующих к церкви (Деян 2,47; 16,5), не ожидая ближайшего воскресения, не говоря уж о том, чтобы откладывать это на несколько месяцев, чтобы “было время подумать”, ибо они понимали главное – крещение необходимо для спасения. Поверить или погибнуть. Они отлично сознавали, что последует за отвержение Сына Божия. “Берегитесь же...”, - слышали они от благовествующих (Деян 13, 40). Благовестники не извинялись, не подслащивали Благой Вести. Они говорили о нужде в покаянии, не доказывая того, что они правы, а остальные нет (хотя, мы и вынуждены делать это в силу понятных обстоятельств). От них исходила ясность того, что они не проповедуют никаких философий и не ищут теологических дискуссий. Они говорили с дерзновением, т.е. открыто (Деян 2,29; 2Кор 3,12). Они не давали хорошего совета, они – несли Благою Весть. Они “давили” на дух, убеждая народ (Деян 13,43; 18,4; 26,28; 28,23; Гал 1,10). Они свидетельствовали, проповедовали слово, убеждали, рассуждали и опровергали Иудеев, увещевая креститься (Деян 8,25; 18,4,19,28; 2,40). Короче говоря, они говорили так, что им верило великое множество народа (Деян 14,1). Так и Павел не был против “убеждений”, ибо он не “проповедовал истину”, оставляя людям решать, принимать ее или нет. Агриппа вынужден был сказать ему: “Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином” На что Павел ответил, что он

молил бы Бога, чтобы мало ли, много ли он убеждает, но только не он один, но и все, слушающие его, могли бы сделаться такими же, как он (Деян 26,28,29). Павел совсем не был против убеждений, против того, чтобы “надавить” на людей, но чтобы все-таки привести их к Богу. А потому так же следует поступать и нам. Он понимал, что все, что мы предлагаем людям, может повлиять на их обращение, однако за самое лучшее почитал личное общение. “По этой причине я и призвал вас, чтобы увидиться и поговорить с вами” (Деян 28,20). Он предпочел лично встретиться с людьми, чтобы они не только услышали о нем, но услышали и увидели его лично... ибо мы свидетельствуем самими собой.

Последствия неграмотности

Нам необходимо немного поразмышлять над тем, что подавляющее большинство первых Христиан было неграмотным. Грамотных в Палестине первого столетия самое большее было 10%⁽¹⁾. Некоторые полагают, что грамотных во все Римской империи насчитывалось самое большее 10%, а в Палестине не больше 3%⁽²⁾. Большинство из образованных Палестинцев должно быть были люди либо богатые, либо Иудейские книжники. И все-таки Евангелие проповедовалось прежде всего бедным, даже в еkkлeсии Коринфа не было много образованных членов, или же, как называет их Павел, “сильных”. Обратите внимание на то, как Господь, обращаясь к фарисеям, говорит: “Не читали ли вы...” (Мк 2,25; Мф 12,5; 19,4)? Тогда как к уверовавшим в Него, Он говорил: “Вы слышали...” (Мф 5,21,27,33), ибо последовавшие за Ним, были неграмотны.

Для нас сегодняшних трудно представить себе, каково жить в обществе, в котором большинство людей неграмотны. Мы привыкли, что написанный текст, напечатанный на бумаге, или в электронном виде, является единственным путем передачи какойнибудь важной информации, или истолкования тех или иных слов другим. Когда мы чтото хотим узнать о прошлом, мы просто находим, где можно прочитать о нем. Первые же Христиане жили в малограмотном обществе, где информация, главным образом, передавалась устно. Новости, мысли, события передавались из уст в уста среди тех, или иных групп людей. Некоторые полагают, что между тем, что на самом деле было сказано Иисусом и тем, что было записано, существует большая разница. Однако, нам, верующим в Богодухновенность Библии, не стоит обращать внимание на подобные разговоры. Впрочем, стоит заметить, что во многих странах при изучении народного фольклора, было отмечено удивительная точность воспроизведения одной и той же истории, сказки, песни или былины через многие и многие годы. Так Альфред Лорд посвятил свою жизнь изучению фольклора и саг, передававшихся из поколения в поколения на территории бывшей Югославии, и был весьма удивлен той точности, с которой передавались друг другу устная информация, и как мало из пересказанного было утеряно⁽³⁾. То же самое было отмечено и в Африке⁽⁴⁾. Так неужели за те 50 лет (а может быть и значительно меньше) могла образоваться такая большая разница между тем, что говорил Иисус и тем, что было потом записано? Так что нет причин для сомнений в том, что слова Иисуса были хоть както искажены Евангелистами.

Происхождение Евангелий

Главное, о чем говорят все выше упомянутые изучения фольклора, состоит в том, что точность передачи и воспроизведения информация обязана тому, что она передавалась среди ограниченной какойто группы людей⁽⁵⁾. Так что мы в точности можем представить себе все то, что происходило в первом столетии, как группы верующих рассказывали и пересказывали друг другу Евангелия. Очень может быть, что каждый из Евангелистов написал свое Евангелие для своей группы обращенных, которые рассказывали и по много раз пересказывали его другим, которые делились с ними своим, также Богодухновенным

Евангелием. Именно по этой причине каждое из Евангелий имеет свои специфические особенности, зависящие от слов, сказанных Иисусом. Таким образом Евангелия стали не только первоначальным источником прежде услышанного предания, но и самой основой всего благовестия другим людям. Мы уже упоминали проведенные исследования в Европе и Африке, но самым значительным можно считать, проведенное в течение 30 лет исследование устных преданий в деревнях Среднего Востока⁽⁶⁾, которые также обнаружили, что за многие века эти предания мало чем изменились. Главное же, на что было обращено внимание, так это то, что все жители деревни в конце рабочего дня собирались вместе, рассказывая и пересказывая друг другу различные поучительные истории, среди которых преобладали истории о том, что происходило в деревне, или в деревнях, в прошлом. Очень похоже, что именно так собирались вместе и верующие в Иисуса первого столетия Палестины, рассказывая и пересказывая друг другу Евангелия. Легко представить, что особенно часто это происходило в тех деревнях и селениях, где учил и исцелял Господь Иисус. Именно так возникали и начинали возрастать первые еkkлeсии, так впервые начиналось проповедование Евангелий и, конечно же, так они были, в конце концов, записаны в том виде, в котором и дошли до нас. В Лк 1,4 говорится, что новообращенный уже был “наставлен” (гр. слово, от которого происходит “катехизис”) в учении Иисуса, как будто он был наставлен устно многократным повторением немного позже записанного Евангелия. Лука, с присущей основательностью историка, называет источники своего труда повествования, переданные “очевидцами и служителями Слова”. Греческое слово, переведенное здесь, как “служители”, встречается так же и в Лк 4,20, где так называется “служитель” синагоги, задачей которого было следить за свитками. “Ящик с книгами приносился в синагогу и помещался в одной из комнат, из которой, по мере надобности, книги доставались, и снова помещались на место после использования”⁽⁷⁾. Здесь Лука явно намекал на то, что вместо того, чтобы горбиться над кучей свитков, “служители” Слова были свидетелями и очевидцами, слыша его от Самого Иисуса. Однако, потому что они умерли, возникла необходимость для таких людей, как Лука, записать на бумагу их устное свидетельство.

По мере взросления еkkлeсий Павел писал им вдохновенные Послания, которые должны были читаться братьям и сестрам. Отсюда и огромная важность “учителей”, тех людей, которые могли правильно прочитать и передать прочитанное ими другим.

А потому легко можно представить себе тех, далеких братьев, которые слушают Евангелия и Послания Павла, слушают и верят слышанному. Однако можно также спросить, как понимали и истолковывали те неграмотные люди слышанное ими? Так же, или как-то иначе, нежели мы, читающие те же слова, которые слышали они? Раннее Христианство должно быть очень много времени посвящало чтению, размышлениям и обсуждениям написанного Евангелия о делах и учениях Иисуса. Новозаветные Послания были написаны с той же самой целью. Однако, и это очень грустно, современным Христианам, очень легко недопонять, а то и просто, исказить суть существовавшего в первом столетии понимания Евангелий.

Важное место, которое отводится в Новом Завете учителям, вполне понятно - ибо их обязанностью было совершенно правильно прочитать, а потом и передать записанное учение Иисуса, и именно в том виде, в котором оно записано в Евангелии. К тому же в то время существовали дары Святого Духа, помогавшие Апостолам вспомнить все то, что было сказано и сделано Иисусом. И все это к тому же объясняет, почему Евангелия написаны в такой форме, которую принято называть “отдельными частями преданий”, когда притчи, или рассказы о соделанных чудесах, описаны (и особенно в Евангелии от Марка) “отдельными частями”. Ибо это несет отпечаток того, как эти записанные истории, сначала были услышаны. Можно представить себе, как сначала все они были рассказаны и

не раз пересказаны по вечерам в Палестинских деревушках теми, кто действительно знал, или просто встречался с Иисусом. Так что получается, что Евангелия являются записью сначала рассказанного и услышанного благовестия.

Значение всего этого для нас сегодня

Мысль о том, что Евангелия являются записью рассказанного первоначально благовестия становится более очевидной, если задуматься о происхождении Евангелий, подумать о том, как рассказы и слухи о Иисусе и Его учении начали шириться, и как недоверчиво к ним относились некоторые люди. Встречавшим Иисуса лично, должно быть очень хотелось убедить своих родных и соседей в том, что они видели и слышали, было самой что ни на есть истиной. Те, кто знал Иисуса, собирались вместе для того чтобы поговорить о тех поразивших их вещах, которые они видели и слышали от Него. Так что начало Евангелий укоренялось на проповедовании благовестия об Иисусе⁽⁸⁾.

Господь говорит о пребывании в Его слове (Ин 8,31), а также о пребывании в Нем и о пребывании Его слова в нас (Ин 15,7). Думаю, что это в первую очередь относится к новообращенным Христианам, которые снова и снова повторяют в уме слова благовестия. Они должны быть на все случаи жизни помнили “слова Иисуса”. Пребывание во Христе было, и остается пребыванием в нас Его слова. Очевидным примером в то время жизни наших братьев, является пример Павла, которому, конечно же, было хорошо знакомо все, сказанное Господом. Интересно, так ли часто им приходили на память слова Иисуса, как они приходят нам, ведь именно в этом и находится самая глубинная суть Христианства. И здесь, конечно, вопрос не стоит о намеренном запоминании Его слов, ибо речь идет о любви к Нему, а значит, и всего сказанного Им, что само собой, неосознанно приходит на память и на язык при различных обстоятельствах жизни. Нет ничего удивительного в том, что члены ранней церкви помнили наизусть целиком Евангелия. Возможно, в 1Ин 2,24 говорится как раз об этом, когда читаем, что в обращенных еkkлeсии Иоанна должно было пребывать слышанное от начала (например, Евангелие от Иоанна?), дабы они таким образом могли пребывать в Иисусе. Очень может быть, что 1Ин 3,9 говорит о том же самом, что семья Божие (Евангелие, возможно, от Иоанна, слышанное в начале обращенными) должно пребывать в обращенных, дабы они перестали грешить. Постоянное размышлением над словами Господа, записанными в Евангелиях, производит точно такое же действие и в нас, а это по-настоящему ведет к преодолению греха, к достижению подлинной духовности и знанию Христа, ибо только так Господь Иисус пребывает в нас Своим Духом (1Ин 3,24). Пребывание в слове Христовом является пребыванием Его слов в нас, пребыванием в любви и пребыванием в Отце и Сыне (1Ин 4,16). Сам Иисус “оживляет”, или же животворит нас Своим Духом, Своими словами, которые “суть дух” (Ин 5,21; 6,63). И опять здесь видно Его личное присутствие, Его жизнь и дух, оживляющих нас Его словами, сущими в нас. Среди монотонно протекающей обычной жизни, при однообразии изо дня в день делаемой одной и той же работы, ежедневно проделываемого одного и того же пути на работу и обратно, при вставании в одно и то же время каждое утро по будильнику... мы оживляемся, животворимся обновленной жизнью через Его слово, которое в любой момент пребывает в нас. И оно “оживляет” нас сегодня точно так же, как оно оживит нас, но уже в буквальном смысле, в воскресение (1Кор 15,22).

Примечания

(1) A. Millard, *Reading And Writing In The Time Of Jesus* (Sheffield: Sheffield Academic Press, 2000) pp. 223-229.

(2) See C. Hezser, *Jewish Literacy In Roman Palestine* (Tubingen: Mohr Siebeck, 2001); W.V. Harris, *Ancient Literacy* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989).

(3) Его труды обобщены в A.B. Lord, *The Singer Of Tales* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978). Note especially in our context chapter 5.

(4) See R. Finnegan, *Oral Literature In Africa* (Oxford: Clarendon, 1970); I. Okpewho, *African Oral Literature: Backgrounds, Character and Continuity* (Bloomington: Indiana University Press, 1992).

(5) See M. Halbwachs, *On Collective Memory* (Chicago: University Of Chicago Press, 1992).

(6) K.E. Bailey, *Poet And Peasant: A Literary-Cultural Approach* (Grand Rapids: Eerdmans, 1976). В одной из книг Bailey говорит, что, “несмотря на то, что он не написал ни слова, Акиба (живший в первом-втором столетии) процитировал из одой только Мишны более 270 мест. (K.E. Bailey, *Jacob And The Prodigal* (Downers Grove: IVP, 2003) p. 29). Что говорит о точности записанного того, что первоначально передавалось устно. А потому есть много оснований для веры в то, что слова Иисуса из Назарета были записаны точно таким же путем.

(7) S. Safrai, 'The Synagogue', in *The Jewish People in the First Century* (ed. M. Stern and S. Safrai), (Philadelphia: Fortress, 1976) Vol. 2, p. 915.

(8) This point is well developed in Gerd Theissen, *The Shadow of the Galilean: The Quest of the Historical Jesus in Narrative Form* (London: SCM, 1987).

5-1-5 Перевернутый мир

Успех в этом наших первых братьев был феноменален. Даже их враги признавали, что они перевернули мир. Двенадцать мужчин и несколько женщин наполнили Иерусалим учением своим (Деян 5,28). И я сосем не думаю, что присутствие тогда даров Святого Духа слишком сильно повлияло на рост церкви. Тогда большинство из братьев были простыми, не образованными рабочими людьми, а потому очень трудно представить их, доказывающими всем и всякому теологические заблуждения под законом Моисеевым и истинность во Христе. Можно представить себе, как на берегах Адриатики, может быть там, где сегодня крестятся настоящие Христиане, проповедуется Человек, Которого имя – Иисус, Который был Сыном Божиим и жил в Палестине. И это рассказывается тем, кто понятия не имеет о Палестине, ибо никогда дальше 50 км. от своей деревни никуда не выезжал. А ему рассказывают о Каком-то совершенном Человеке, Которого распяли римляне, но Который после воскрес, как о том и было написано в книгах Ветхого Завета, которые можно увидеть в местной синагоге, к Которому вы можете присоединиться крестившись в смерть Его, получить прощение грехов и надежду на воскресение, стать сопричастником обетований, данных Богом Аврааму, который является праотцем как настоящих Иудеев, так и духовных, которыми и вы можете стать, если примете Христианскую веру, несмотря на то, что этот народ и презирается среди вас... И т.д. и т.п. Тут можно еще говорить и говорить. Однако не думаю, что такое проповедование смогло бы принести хоть какие-то плоды. В их благовестии должно было обязательно присутствовать нечто, что неизменно убеждало людей в истинности их Благой Вести. Истина и искренность проявляются в тех, кто благовествует истинно и искренно.

Проповедь распятого Спасителя была отвратительна для Иудеев и огромной глупостью для греков. И все же, не объяснимо для людей, благовестие распространялось.

Исключительность благовестия

Благая Весть, проповедуемая ими, имела одну исключительную особенность – она была истиной, самой важной истиной из всех, существующих на земле. В римской империи была “религия”, по которой боги благословляли империю, если империя поклонялась им, а следовательно, каждый гражданин должен был соблюдать эту религию. Впрочем, не запрещалось при этом *также* иметь и свою собственную религию. Любую. Кроме Христианства. Ибо только Христианство признавало, что в мире *больше нет имени; кроме имени Иисуса*, которым можно было бы спастись (Деян 4,12). А это было прямым вызовом существующей религии. После крещения, Господом признавался Христос, что противоречило тому, что господом (господином) признавался исключительно кесарь. Христианин не мог служить двум господам, ибо одного он любил, а другого ненавидел. Да и само понятие “Царства Божия” было в то время революционным, ибо не должно было существовать никакого другого царства, кроме царства кесаря. Братья же наши благовествовали о Царстве *Божием*. А значит, принявшие эту Весть, были неизбежно преследуемы: их лишали прав торговли, не давали работы, ущемляли в социальных правах, не давали детям верующих возможности получить образование. Давид Бош писал⁽¹⁾: “Христианское признание Иисуса Господом всех господ, было в Риме самым революционным и самым радикальным политическим понятием”. Так же и Филип Янсей⁽²⁾: “По мере распространения церкви по Римской империи, распространялся и лозунг, “Христос – Господь”, что было прямым вызовом Римской власти, которая требовала от своих граждан присяги на то, что “Кесарь – Господь”. Так что признание Христа Господином, было опасным во всех отношениях шагом. Как и в наши дни. Люди умирали за это, как умираем и мы, получившие такое ведение. У нас есть склонность, на которую указывал и Сам Господь – называть Его Господом, но не делать того, что Он повелевает нам делать. Признание же Его Господом – есть беспрекословное подчинение Ему (Лк 6,46).

Известно, что во времена Нерона Христиане не пользовались Римскими монетами, на которых было выбито изображение кесаря, как господа⁽³⁾. И в этом смысле невозможно было ни продавать, ни покупать – точно так, как написано в Откр 13,17, где в следующем стихе дается определение числа зверя, числа человеческого – 666. А это – сумма, получаемая при сложении букв, составляющих фразу, “Нерон кесарь”. Как бы этот стих ни относился к последующему католицизму, нет никакого сомнения в том, как он понимался преследуемыми верующими в первом столетии. Позже император Домициан требовал, чтобы ему поклонялись как Господу и как Богу, “*Dominus et deus noster*” (Suetonius, *Domitiani Vita*, 13.4). Иоанн пишет о том, как Фома называет Иисуса “Господь мой и Бог мой” – что, как раз, совершенно противоположно тому, что от него требовали власти (несмотря на то, что Домициан царствовал позже). Нельзя одновременно поклоняться и кесарю и Господу Иисусу, о чем и предупреждал ранее Христос. Домициан требовал, чтобы его называли Господом, а это было невозможно для Христианина. Похоже большая часть Откровения посвящена именно тому, как в первом веке верные отказывались поклоняться кесарю, отказываясь обожествлять Римскую империю, за что и подвергались гонениям (Откр 13,4; 14,9,11; 16,2; 19,20). “Во времена гонений при Нероне, быть Христианином означало то же, что быть преступником, и Христиане (в отличии от остальных религий) наказывались только потому, что они были Христианами” (Tacitus *Annals* 15.44.5; Pliny *Letters* 10.96.2-3). “Всё их преступление состояло в том, что они отказывались поклоняться любому богу, кроме их собственного, включая сюда и то, что греки называли “атеизмом”. Отказ приносить жертвы языческим богам и обожествлять

императоров, воспринималось как прямая угроза отлаженным отношениям между людьми и богами” (J.L. Mays, Editor, *Harper's Bible Commentary*, (New York: Harper and Row, 1988). И хотя в наше время противостояние между верующими и зверем не настолько жестко и серьезно, суть его остается прежней, а потому и должна нами остро ощущаться.

Некоторые из нас обращают многих, несмотря на очевидные трудности (например, обращение мусульманина, или же обращение бизнесмена материально нуждающейся матерью одиночкой с пятью малышами на руках). Другие никого не обращают. И это должно тревожить нас. Если бы под конец своего поприща я никого не обратил, это сильно бы меня обеспокоило. Что тогда я свидетельствовал миру сему? Какая соль была во мне, и была ли она вообще? Зачем я приходил в этот мир? Наш свет загорелся после крещения для того, чтобы мы светили другим, а не прятали его под сосудом. Являемся ли мы светом Христовым в этом мрачном мире, или же просто верными членами религиозной секты? Глядя на верующих первого столетия, мы не можем ссылаться на неудачную обстановку, или же прятаться за то, что “им не интересно наше благовестие”. Конечно, не интересно, но *до тех пор, пока они не познакомились с нами!* Ясность и простота нашего свидетельства, наш облик, наше поведение *должны* вызывать интерес. Несмотря на то, принималось или не принималось свидетельство в первом столетии, оно неизменно достигало самого сокровенного в людях (Деян 2,37; 5,33; 7,54). Ибо они, сами того не сознавая, *заставляли* людей обращать на себя внимание, примечать себя (Деян 4,13).

Как часто вы, или я, разговариваем о кресте и воскресении друг с другом или же с людьми мира сего? Вместо этого мы предпочитаем больше говорить об археологических находках, или же о нашествии России на Израиль, или же просто о вчерашней погоде. А это говорит о том, что мы не думаем много о кресте и истине его. Подобно 12-ти мы предпочитаем менять тему разговора, как только речь начинает касаться креста. Хлебопреломление не должно быть единственным толчком думать о кресте. Крест всегда должен стоять перед нашим мысленным взором. Первые наши братья видели и знали Иисуса отверженного, всеми презираемого, усталого и изможденного от дорог и проповеди, оплеванного, окровавленного и постыдно обнаженного. Но после Его воскресения, Он стал для них другим – превознесенным одесную Бога, способным спасти других, готовым вернуться на землю. И они говорили об этом, ибо они знали Его. “Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа” (Деян 4,33). Мы также, благодаря Евангелию и вере, знаем Его. И это знание должно быть основой нашего свидетельства.

К тому же я уверен, что успех ранней церкви объясняется еще и тем, что они не страдали манией отделения тех, кто был виновен в общении с грешниками, ибо они просто стремились, не обращая ни на что внимание, проповедовать. Они несли людям исключительную благую весть, при этом совсем не желая быть самими исключительными людьми. Сам Господь учил их, предсказывая о том времени, когда их будут изгонять из синагог. Он не заповедовал им самим оставлять синагоги, несмотря на то, что Иудаизм первого столетия был развращен как теоретически, так и практически. Из Деян 26,11 видно, что Христиане были “по всем синагогам”. Павла называли “братом” еще до его крещения, как и он обращался к Иудеям, как к своим “братьям” (Деян 22,5,13). Само собой, что ему было очень хорошо известно, что значит быть братом во Христе, и все-таки он не был настолько категоричен, чтобы не называть “братьями” Иудеев. Так же вполне ясно, что он не обладал манией отстранения от таких грешников, которое так сильно мешает нам свидетельствовать и благовествовать по всему миру.

Уверенность Павла

В 1Тим 6,1 Павел говорит о том, что верующим рабам нужно вести себя перед неверующими своими господами так, чтобы из-за них не хулилось имя Божие. Отсюда следует, что раб должен был своим поведением благовествовать своему господину спасение, тем самым приводя его к вере. В Тит 2,5 он пишет то же самое, но о женах, чтобы они вели себя так, чтобы не порицалось слово Божие. Он считал, что все верующие являются благовестниками миру сему, если же благовестник ведет себя не достойно, то Благая Весть хулится и порицается окружающими его. В 1Кор 3,10-12 он убеждает своих читателей, что каждый из них должен обращать людей на прочном основании, чтобы не потерять их в день суда. Такая уверенность Павла говорит о том, как он хорошо думал о тех, кто по-настоящему был слаб в вере и много грешен. В Рим 6 он пишет так, как будто он полностью уверен, что все, читающие его Послание, крещены. Той же уверенностью был полон и Лука. Так о рассеянных “по разным местам” он пишет как об одной группе “рассеянных” для того, чтобы благовествовать слово (Деян 8,1,4; 11,19), чтобы резко “умножать” число учеников (Деян 6,1,7; 9, 31; 12,24), “умножать” так, как было обетовано Аврааму (Деян 7,17; Евр 6,14; 11,12). В каждом крещении он видел славное исполнение данного Аврааму обетования, даже несмотря на то, что позже из этого “множества” многие и отпали.

Notes

- (1) David Bosch, *Transforming Mission* (New York: Orbis, 1991)
- (2) Philip Yancey, *The Jesus I Never Knew* (London: Marshall Pickering, 1995) p. 246
- (3) John Stott, *The Cross Of Christ* (Downers Grove, IL: I.V.P., 1986).

5-1-6 Жены в ранней церкви

Причины, по которым одинаковое активное участие в благовестии принимали и мужчины и женщины, были одни и те же. Из 1Кор 14,34, 1Тим 2,12 и ветхозаветных примеров ясно, что женщина не должна была учить братьев на собраниях еkkлeсии. Но также ясно, что она могла учить, обладая даром пророчества. Если ей было запрещено учить в еkkлeсии, то остается три возможности для использования ее дара.

- Она могла учить других женщин, как то делали Елизавета и Мариам, наставляя жен Израилевых, используя дар пророчества (ср. с Тит 2,3,4). Намек в 1Тим 2,9 на то, что “также и жены” молились подобающим образом, говорит о том, что в те времена были, так называемые “школы” и для сестер. Так же известно, что в Греции обучение мальчиков и девочек было раздельное, а потому подобный обычай мог быть перенесен и в еkkлeсии.

- Учить детей в “Воскресных Школах”.

- Обучать неверующих, как это было в первых церквях. Так Еводия и Синтихия вместе с Павлом подвизались в благовествовании (Флп 4,2,3). Акила помогала Прискилле в обучении Аполлоса Евангелию (Деян 18,26). По крайней мере о шести сестрах в Рим 16 сказано, как о сотрудницах. Семь дочерей Филиппа были “пророчицами”, несущими слово не крещеным братьям, а миру и другим сестрам.

Для многих, живших в те времена, благовествовавшая женщина была объектом анафемы. “От всеобщего обозрения у честной женщины должна храниться не только рука, но и голос, ибо она должна стыдиться быть услышанной... она может разговаривать либо со своим мужем, либо через него” (Plutarch, *Advice to Bride and Groom* 31-32). Совет же “учиться в безмолвии” был прямым вызовом женскому долгу верить в то, во что верил ее супруг, уделяя больше внимания домашнему хозяйству, нежели богословским вопросам. Так и одобрение Господом Марии, больше чем Марфы, шло в разрез обычаям и различиям по половому признаку тех времен. Вне всякого сомнения Христианки первого столетия были более свободны, нежели верующие женщины какой бы то ни было другой религии. Так и наши сестры не должны ограничивать себя лишь домашними обязанностями. В некоторых странах Африки и Азии существуют подобные обычаи, которые надо преодолевать нашим сестрам, самим неся миру Благоую Весть, не полагаясь исключительно на братьев. Сестрам же, которые живут в Европе и Америке, нужно разрывать узы прогнившего безбожного феминизма, которыми их оплетает окружающее их общество.

5-1-7 Радость веры

Почти 70 раз в Новом Завете упоминается радость наших первых братьев, ибо, несмотря на их отступления, грехопадения, трудности жизни и гонения, их радость была и их же отличительной особенностью. Радость была и у обращенных и у обращающих (Деян 2,41,46; 3,8; 5,41; 8,8; 13,52; 15,3; 1Фес 1,6). Послание к недавно обращенным в Филиппах, хотя и написанное в узах, буквально пропитано радостью. Павел и Сила, заключенные в темницу, пели от радости. Братья радовались тогда, когда несли на себе бесчестие Христово (Деян 5,41). Павел ежедневно “хвалился” (радовался) крещенными Коринфянами (1Кор 15,31). Ту же самую радость можно увидеть и сегодня на лицах выходящих из вод крещения. Сеющий и жнуший радуются вместе (Ин 4,36). В Евр 3,6 об обладании истиной сказано как о нашей радости, как о нашей “хвале”. Теряем радость (хвалу) – теряем веру.

Если мы потеряли радость, это означает, что мы потеряли веру. То же самое произошло и с ветхозаветным Израилем. “Засохла виноградная лоза (Израиль)... ибо веселье исчезло”. Народ Божий был народом радости, когда же радости больше не стало, они перестали быть народом Божиим, ибо “веселье и радость” были отняты от дома Божия (Иоиль 1,12,16 церковнославянский). Для сообщества народа Божия присутствие радости в нем является лакмусовой бумажкой. Эта мысль толкает серьезно и трезво взглянуть на самого себя, особенно тому, кто полагает, что “хранение веры” является утомительным и скучным занятием на пути через этот мир зла, по которому мы бредем, неуклонно придерживаясь нашего положения о вере и оплакивая ужасное положение окружающих нас людей. У нас никогда не будет радости, если мы будем являться сообществом несоприкасающимся с внешним миром. Все те, включая и ектесии, кто перестал хоть как-то благовествовать, отмечены отсутствием радости, которой так благословенна настоящая жизнь во Христе. Радость и хвала - понятия не только мало стоящего эмоционального качества, ибо они также еще и являются истинной и могучей движущей силой к совершению совершенно определенных действия. Так церкви Македонские преизобиловали радостью и богатством своего радушия (2Кор 8,2). Их радость из-за того, что Господь сделал для них, из-за того, что они получили от Него “обилие благодати и дар праведности” (Рим 5,17), толкало их помогать бедным.

Когда мы обращаем других, все сообщество оживает духовно в радости и ревности, ибо настоящая семья всегда радуется своему приращению. Так Аполлос “много содействовал уверовавшим благодатью, ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая

Писаниями, что Иисус есть Христос” (Деян 18,27,28). Он “содействовал”, помогал вдохновлять других верующих тем, что всенародно обращал людей, тем самым подталкивая благовествовать и обращать других. Та, тогдашняя еkkлeсия была увеличивающейся семьей. Когда Апостолы были отпущены из синедриона, “они пришли к своим” (Деян 4,23). Каждое крещение было и остается – рождением нового члена нашей семьи. Радушный прием путешественников, как и желание прибывших в чужой город увидеть братьев – естественное и радостное положение вещей (Деян 21,7,17; 27,3; 28,14; 3Ин 5). Их представление о географии вселенной того времени было связано с живущими там и сям братьями – примерно так же, как для меня вся огромная страна Бразилия сводится лишь к одному городку в Амазонии, где живет наш брат Христианин. В те времена обращались целыми домами (Деян 10,2; 16,34; 18,8; Кол 3,15), где, как показывают раскопки, в богатых домах и происходили собрания первых Христиан. Так и в наши дни наше сообщество зависит от истины Божией и от ее места в семейной жизни, замешанной на радости и все пропитывающей веры.

5-2 Непривлекательный привкус первого столетия

5-2-1 Разделения в церкви

К сожалению не всё было хорошо в церкви первого столетия, и что самое печальное, проблемы возникали не снаружи, не от гонений, а изнутри, разрушав то, что было вначале так чудесно устроено. В изучении “Протестантов” брат Алан Эйр приходит к тому же выводу: те, кто в различные времена истории вновь находили истину, в скором времени сталкивались с теми же проблемами, что и ранняя церковь. Не стоит ли и нам, если пришествие Господа задержится, ожидать тех же бед? Одной из главных тем Деяний является повествование о том, как правильное и хорошее начало продолжилось раздором в теле верующих. В Посланиях Павла неоднократно затрагивается та же самая проблема. Верующие из Иудеев, составлявшие Иерусалимскую еkkлeсию, тянулись обратно к закону Моисееву. Они никак не могли принять того, что спасены будут и верующие из язычников, а потому и считали себя за одну из сект Иудаизма. Таких называли “обрезанными” (Деян 11,2), а их учение “фарисейской ересью” (Деян 15,5). Господь предупреждал, что настоящих верующих в Него будут изгонять из синагог и преследовать Иудеи так же, как они гнали и преследовали Его. Те же братья настолько срослись с Иудаизмом, что этого не случилось.

Другая крайность – тогда были и такие крещеные язычники, которые продолжали жить в развращенном мире, поклоняться идолам, напиваться и ходить к храмовым блудницам. Печально, но они поступая так, считали, что благодать Божия позволяет им так жить. На тот же манер, они позволяли себе увлекаться и философиями других религий. Между этими крайностями металось большинство остальных верующих. Для законников слово “благодать” было неприличным. В своей гордыне они похвалялись своими добрыми делами, отстраняясь от любого слабого, по их мнению, в вере. “Освобожденные” же Христом, впадали в другую крайность, почитая всё и вся тщетою, ибо, как они думали, крещение позволяло им жить в мире так, как им вздумается.

Право, лево, середина

Я примечаю, что в новом Израиле пребывают все те же крайности. Наше сообщество любит разделять еkkлeсии и членов еkkлeсий на склонных к тому или иному экстремизму. Хотя каждый из нас говорит, что общается со всеми братьями и сестрами на равных,

однако бывают случаи, когда, например, в одном и том же месте одновременно устраиваются две Библейских Школы, одна для “консерваторов”, другая для “либералов”. Я хочу сказать, что каждый из нас склонен к той или иной крайности мышления и образа жизни, свысока поглядывая на тех, кто уже свалился в ту или иную крайность. Такая склонность присуща не только каждому в отдельности, но и группам. Так о чем-то мы можем судить очень мягко (напр., в отношении к разводу), тогда как в другом случае (напр., в отношении к алкоголикам) – слишком строго. Наше отношение к этому может меняться со временем, а также в зависимости от того, с кем мы общаемся. В небольших группах недавно уверовавших такие вещи особенно заметны. Какая-нибудь сестра, положим, все время говорит об отлучении кого-нибудь от церкви, о слабости в вере и о том, что *нам нужно с этим делать*. Тогда как брат, с сигаретой между пальцами, толкует о благодати и о нашем всепрощении. За одно под обсуждение также, например, попадает и одежда сестры. “Нам нужно установить правило, по которому в такой короткой юбке было бы нельзя приходить на собрание Христиан”, - отчеканивает сестра. “Ну, это уж слишком. Лучше видеть всех сестер, чем не видеть их вообще. Надо быть терпимее и спокойно, милостиво объяснить ей всё”, - отвечает брат, при этом не предпринимая ничего, что бы могло хоть как-то разрешить проблему. Заканчивается всё это тем, что им становится неприятно видеть друг друга. Вот почему есть такие города в Африке, Европе и Азии, где живут всего-навсего два-три Христианина, не встречающиеся друг с другом. Увы, это настолько широко распространено, что приходится писать об этом. Однако то же самое касается и городов Англии, Северной Америки и Австралии, где существуют две-три *екклесии*, которые почти не общаются между собой. Наше же ни с чем несравнимое единение, о котором пред крестом размышлял Господь, должно обращать к Нему весь мир!

Приверженцы закона “учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, *не можете спастись*” (Деян 15,1). И те же самые слова повторяет Павел во время шторма: “Если они не останутся на корабле, то вы *не можете спастись*” (Деян 27,31). И здесь видится нечто общее с Лукой. Законники учили, что ради своего будущего спасения нужно отделиться от некоторых верующих, тогда как Павел призывал оставаться всем вместе, вне зависимости от положения, в котором мы можем оказаться. Время шло, и пропасть между Иудеями и язычниками, между правым и левым крылом, между законниками и вольнодумцами первого столетия, увеличивалась. Противостояние становилось жестче. Но победителя не было. Верующие от Иудеев вернулись к закону, забыв о спасительной благодати Иисуса. Язычники все больше смешивались с мирскими философиями, забывая про Иудейские корни Христианства, приходя к таким богохульным учениям, как Троица, которых никто, из более менее знакомых с Иудейскими понятиями об Отце и Сыне, никак не мог принять. И так терялась вера до тех пор, пока она не ожила в тех, кто принял Христианство как “надежду Израилеву”. И сейчас то же самое происходит с нами. В тех городах, в которых Христиане не хотят примириться друг с другом, однажды может статься, вообще не будет Христиан. Ради любви, братия, ради Господа и креста Его, “примиритесь”! Не оставляйте друг друга. Постарайтесь посмотреть на себя со стороны, чтобы понять к какой крайности вы склоняетесь, на право, или на лево. Так много Посланий в Новом Завете написаны только для того, чтобы соединить эти две полярности. Нам надо читать эти Послания, как наставление и назидание для самих себя. Нам нужно не только знать, но и жить со знанием о том, что есть только один Господь, одна вера и одно крещение (Еф 4,5).

5-2-2 Грязная политика в церкви

В нашем сообществе противостояние между правым крылом и левым проявляется различными путями. Между Иудеями, говорящими по-гречески, и Иудеями, говорящими по-еврейски, разногласия начались из-за оплаты (Деян 6). С самого начала ортодоксально настроенные верующие не желали делиться потребным с более либерально настроенными членами еkkлeсии. За регулировку этого недоразумения взялся Стефан, после чего описывается его убийство, которое, как кажется, было подстроено в синагоге Иудейскими Христианами. И это понятно, ибо дело касалось больших денег. Ведь Иудеи платили 10% или 20% в храмовую сокровищницу, а поскольку этот обычай мог перейти и в еkkлeсию с тысячами крестящихся (продававших свои имения), то возникала борьба за то, кто будет контролировать всё это. Очень может быть, что и ссора между Павлом и Марком возникла именно на этой почве, после крещения первого верующего на Кипре, Сергия Павла, когда Иоанн Марк вернулся в Иерусалимскую еkkлeсию (Деян 13,13). В Деян 15,38 говорится, как Павел “полагал не брать отставшего от них в Памфилии”, что подразумевает духовные причины для такого решения. Нужно также помнить, что Христианство было тогда новой, не официальной религией в Римской империи, предметом, постоянно возрастающих гонений и притеснений. Иудаизм был известен Риму. А потому было намного легче оставаться под прикрытием синагог, не признавая крайних требований Господа Иисуса, исповедуя Его лишь на словах, а не на деле.

Иерусалимская еkkлeсия полагала, что она имеет право на главенство среди прочих еkkлeсий, ибо центр Иудаизма находился в Иерусалимском храме. Они посылали братьев в Антиохию, чтобы узнать, что там происходит, ибо слышали о крещении верующих язычников! И они же призывали к ответу бедного Петра, чтобы тот объяснил им, как это он мог есть вместе с язычником Корнилием? Позже они же посылали еще раз в Антиохию, чтобы припугнуть братьев Иудеев, чтобы те не преломляли хлеб с уверовавшими из язычников. Такие возмутители приходили в Коринф с рекомендательными письмами (ср. 2Кор 3,1 с 2Кор 4,2; 5,12; 6,4; 10,12,18; 12,11), которые, скорее всего, были из Иерусалима, ибо известно, что такое правило было распространено среди синагог, по образу которых существовали первые еkkлeсии. И такие письма писались Иерусалимскими раввинами. Вспомните о тех письмах, которыми запасся Савл, чтобы преследовать Христиан Дамаска. Их политика в этом вопросе была жестка и агрессивна настолько, что, при крещении Корнилия, почти заставила Петра забыть все то, чему он был научен от Господа, ибо, когда пришли их представители, он, от страха перед ними, даже перестал преломлять хлеб с язычниками. Иаков, главный в Иерусалимской еkkлeсии, призвал Петра и Иоанна, чтобы им всем вместе разрешить Павлу проповедовать язычникам, а самим – Иудеям (Гал 2,9), что противоречило тому, что заповедал Павлу Господь (Деян 9,15), благовествовать не только язычникам, но и Израильтянам. Однако Павел не придал особого значения их “соглашению”, ибо он всегда прежде всего стремился благовествовать своим, Иудеям, а уж потом язычникам. И делал он это до самого конца, на чем заканчиваются описания Деяний Апостольских. И хотя он согласился с постановлением Деян 15, он никогда не упоминал о нем ни в своих речах, ни в Посланиях. Позже, когда он писал о пище и об отношении язычников и подзаконных к этому, видно, что он на самом деле не был согласен с тем постановлением. Возможно, со временем его духовного роста, он все больше и больше приходил к выводу, что нужно выступать против законников, даже если это грозило разрушить мирное сосуществование в еkkлeсии.

Иаков (не обязательно Иаков, написавший Послание), похоже действовал очень “дипломатично”. Он послал своих друзей оказать давление на Петра, чтобы тот не преломлял хлеб с язычниками в Антиохии (Гал 2,12), после чего в Иерусалиме был созван собор для обсуждения возникшего вопроса. Если бы вспомнили слова Иисуса, то не было бы никакого “долгого рассуждения” о принятии язычников. Но Иаков встал и сказал, что

он никого и никогда не посылал с тем, чтобы приказывать язычникам обрезываться и соблюдать закон Моисеев, ибо для них достаточно соблюдать только некоторые уставы из закона, такие как воздержание от крови и блуда. А это противоречило вдохновенному учению Павла о конце закона. В Гал 2,12 написано, что Иаков посылал братьев в Антиохию, чтобы утвердить там закон Моисеев! Позже они похвалялись тысячами уверовавших Иудеев, которые все были “ревнители закона”, прося Павла, чтобы тот перед ними показал и себя таким же ревнителем (Деян 21,19-24). Здесь так же надо заметить, насколько всё это было больно Павлу, который, рискуя оборвать хорошие отношения с такими верующими, как верующие в Коринфе, собрал для Иерусалимской еkkлeсии помощь и привез ее с собой. Он смиренно согласился с их предложением, хотя и писал Колоссянам и всем прочим о тщетности обрезания и соблюдения закона, которые на самом деле были отрицанием веры в Иисуса.

Очень трудно связать вместе то, что Павел повиновался их желаниям вопреки своим самым главным принципам. И Лука, и Послание Галатам убедительно говорят о том, что на этом Иерусалимском соборе были решены все проблемы, хотя на самом деле всё осталось, как и было – верующие из язычников, как почитались, так и остались почитаться верующим второго сорта. Обратите внимание на то, как позже писал Павел: “О идоложертвенных [яствах] мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает” (1Кор 8,1). Это звучит как намек на соглашение, выработанное в Иерусалиме, о котором, как вроде бы говорит Павел, мы все знаем и соглашаемся с ним. В соглашении, в компромиссе нет ничего плохого, однако надо также помнить, что назидает все же не “знание” (закона), а любовь. О крещении язычников говорится, что оно принималось с большой радостью, даже несмотря на “долгие рассуждения”. Да и во всех Деяниях не сильно заметен дух несогласия и борьбы против отступлений, о которых так много сказано в Посланиях. Павел не протестует против постановления, чтобы ему не ходить к его братьям Иудеям – он просто молча делает свое дело, проповедуя им. Иерусалимская еkkлeсия поручила Варнаве не ходить дальше Антиохии, он же, не споря с ними, пошел в Тарс, взял оттуда Павла и пришел вместе с ним в Антиохию (Деян 11,22,25). Нам нужно уважать только тех, кто заслуживает уважения, ибо каждый из нас является рабом Господа, Который умер за нас, а значит нам нужно слушаться прежде всего Его и свою совесть. Главное, оставаться в здравом учении, находясь между притягивающими нас крайностями, и особенно тогда, когда мы говорим или пишем о подобных проблемах. Нам нужно продолжать нести Благовест, несмотря ни на какие неурядицы, возникающие среди уже крещенных братьев и сестер. Из 1Кор 10,25-27 ясно, что Павел либо не обращал никакого внимания, либо сильно изменил запрещения, на которые согласились в Деян 15, особенно, касательно запрещения есть кровь. Возможно, после длительных размышлений, он пришел к выводу, что уступил слишком много в этом соглашении, хотя, скорее всего, он истолковал это постановление в более духовном виде так, чтобы не разрывалось духовное единство между Иудейскими и языческими верующими.

Распродажа

В Деян 8,1 говорится о том, что почти вся Иерусалимская еkkлeсия была рассеяна, однако то, о чем мы читаем в Деян 21,20 заставляет предположить, что тысячи крещенных к тому времени, чтобы избежать гонений, возвратились обратно в свои синагоги, к храму, обосновав еще одну секту от Иудаизма, возможно, платя десятину и сборы храму, а не еkkлeсии. Эти “тысячи”, о которых говорится в Деян 21, были обращены, главным образом, во время гонений, начавшихся после убийства Стефана. Первоначальная Иерусалимская еkkлeсия (Деян 11,19,20) проповедовала и язычникам, что позже не было поддержано членами ее. Так в Деян 11,22 говорится, что Иерусалимская еkkлeсия послала

своих представителей, чтобы узнать, что делается среди народов. Чтобы избежать дальнейших гонений, Иерусалимская еkkлeсия объединила свою судьбу с храмом и ортодоксальным Иудаизмом. Потом Павел обращался к Иерусалимской еkkлeсии словами, записанными в Послании к Евреям, в котором он сожалеет об их конечном предпочтении Моисея Христу, о том, что несмотря на все потери (во время первых гонений), они потеряли настоящую веру в Христа. Да уже одно то, что они *тогда* не были рассеяны говорит о том, что они вернулись в храмовой системе. Им же нужно было хранить веру, держа ее в той радости, которую они первоначально получили и не скатываясь к жестокосердию, к осуждению и “делам”. Однако они ничего не хотели об этом слышать. Они оказались в положении Галатов, которых Павел предупреждал, что все их горести и печали оказались напрасными из-за их возвращения к делам закона (Гал 3,4). Совсем не случайно, что в Гал 4,25 описывается разница между двумя Иерусалимами – возможно, намек на Иерусалимскую еkkлeсию, вернувшуюся в узы закона и духовный Иерусалим. И здесь же Павел заходит настолько далеко, что требует “изгнать” закон из настоящей, из истинной еkkлeсии (Гал 4,30). Обрезание могло избавить от гонений в Галатии (Гал 6,12)⁽¹⁾, благодаря тем “лжебратиям”, которые проникли в еkkлeсию (Гал 2,4), и которые были наверняка виновны в смерти многих апостолов и пророков первого столетия. Возможно, что обрезанные в еkkлeсии имели прочные связи с Римскими и Иудейскими властями, которые все подпадали под одно наименование “сатаны”. Это также объясняет почему Павел использовал судебскую терминологию для описания раздражающих еkkлeсию Коринфа конфликтов: “Вот мое защищение (чисто судебский термин) против осуждающих (то же самое) Меня” (1Кор 9,3). Лжеучителя предстояли на судах, говоря от имени Павла, передергивая всё то, чему он учил. В Откр.17 и 18 говорится о “Вавилоне”, о той структуре, которая была виновна в смерти святых. Как бы не истолковывали эти места, они неизбежно связаны с множеством мест Ветхого Завета, где говорится о Иерусалиме, Иудеях и храме, ставшими духовным Вавилоном⁽²⁾. Лично я предполагаю, что именно Иерусалимская еkkлeсия, связанная с Римскими и Иудейскими властями, была первопричиной гонений первой церкви и что именно она в первом столетии называлась “Вавилоном”.

В еkkлeсиях не должны были существовать те, кто называл себя “обрезанными” (верующими в обрезание), принадлежа к “фарисейской ереси”, а также “представителей Назорейской ереси”. Иерусалимской еkkлeсии совсем не следовало стремиться нравиться всем. И совсем не сложно увидеть то, где они были не правы. Ведь и мы сами легко составляем группировки в еkkлeсии, обозначая свои разномыслия, как о том было сказано в Деян 15, принимая более жесткий курс (как о том написано о решении Иерусалимской еkkлeсии по отношению к язычникам в Гал 2,9), и более мягкий, дабы избежать неприятностей (Деян 21). В принципе, мы должники перед всеми. Мы смотрим на наших более зрелых братьев тех времен, которые обсуждали, нужно было им, или нет, преломлять хлеб с язычниками, которые “долго рассуждали” о том нужно, или не нужно обрезываться... вопросы, на которые мы легко даем ответы, ссылаясь на множество высказываний Господа Иисуса и цитат из Ветхого Завета, не думая о том, что у них были веские причины для недопонимания таких простых истин. А ведь то же самое может происходить и с нами. Мы точно так же можем не замечать основополагающего учения, если не прилагаем усилий, чтобы видеть себя со стороны, вне связи с нашим миром и нашими временами, которые так ослепляют нас. Например, живя в мире, наполненном порнографией, мата, лжи, измен, неверности, заботами о собственном благосостоянии, в мире, в котором всем всегда всего мало, и где всё это почитается нормой поведения, мы можем запросто и сами “долго рассуждать” о том, можно ли и нам поступать так же, несмотря на то, что в Библии все ясно и подробно сказано о том, как нужно жить народу Господню.

Примечания

(1) Еще на одну особенность в политике церкви указывает Раймонд Браун (Raymond Brown, *The Community Of The Beloved Disciple* (New York: Paulist, 1979) p. 43): “До тех пор, пока подавляющее большинство Христиан состояло из евреев, Римлянам до них не было никакого дела. Когда же их начали изгонять из синагог, когда они уже перестали быть Иудеями, но и не стали поклоняться ни языческим богам, ни императору, тогда-то на них и обратили внимание. Во втором столетии Христиане уже обвиняли Иудеев в предательстве их в руки Римских инквизиторов. Мученик Поликарп (13:1) говорит, что “Иудеи были исключительно ревностны, когда, *по своему обыкновению*, приготавливали дрова для сожжения святых... тем что изгоняли их из своих синагог, что и осуждалось Иоанном, как осуждение Иудеев”. Я уже писал, что в Новом Завете преследовавшие святых Иудеи, называются “сатаной”.

(2) Последующее, в основном, взято у Гарри Виттакера, “Откровение с Библейской точки зрения”.

Приготовьте ей вдвое.	Иер 16,18; Ис 40,2.
И шума от жерновов не слышно уже будет в тебе.	Иер 25,10.
В нем найдена кровь пророков.	Иер 2,34; Лк 11,50 (в 70-м году с Иерусалима взыскана вся кровь).
Великая блудница.	Иез 16,23; Иер 2 и 3; Ос с 1 главы по 4-ю.
Одетый в виссон и порфиру и багряницу.	Иез 28,5,6,8 – священник; ср. с Иер 4,30.
Украшенный золотом и камнями драгоценными.	Наперник первосвященника.
Золотая чаша в руке, наполненная мерзостями.	Иез 23,25,32-34 ср. с Мф 23,28.
На челе ее написано имя.	Пародия на имя “Яхве”, написанное на ки первосвященника.
Мать блудницам.	Иез 16,44-52.
Упоена кровью святых, свидетелей Иисусовых.	Мученики первого столетия.
И сожгут ее в огне.	Наказание для блудницы, ср. с Иез 16,37-41.
Жилище бесов.	Мф 12,43-45.
Выйди от нее, народ Мой.	Говорит о том, что народ Божий уже был в ней. Лк 21,20,21, с необходимостью Христианину оста Иудаизм.
Придут на нее казни, смерть и плач и голод.	Иер 18,21.
Откр.18,12,13 – перечисление “товаров”.	Все они использовались в храмовом поклонении (2Пар 2,4,7,8).
Веселись о сем, небо... ибо совершил Бог суд ваш над ним.	Вт 32,43.
Камень, подобный большому жернову, повержен в море.	Что произошло с Иудаизмом, с храмовой г благодаря вере Христовой (Мф 21,21; 18,6).
Голоса играющих на гусях.	В храме.
Свет светильника.	В напоминание.
В нем найдена кровь пророков.	Пророк не умирает вне Иерусалима (Лк 13,33).

Вавилон, город великий.	В котором был распят Иисус (Откр 11,8), Иерусалим.
Вавилон делится на суде на три части.	Как Иерусалим (Иез 5,1-4; Зах 14,1-4).

5-3 Единство и разделения в церкви первого столетия

5-3-1 Единство и разделения в церкви первого столетия

Крещение в Тело Господне было только началом пути. Мы сразу же начинаем ощущать себя не только соединенными с Ним, но и со всеми остальными членами Тела. Однако также, через какое-то время, мы начинаем видеть и большую разницу между членами. И это “открытие” оказывает на нас такое впечатление, что может легко разорвать связь с теми, с кем, действительно, стоит поддерживать отношения. Возможно, мы не до конца понимаем важность нашего единения, того, что нам необходимо быть Одним Телом? Но нам необходимо приспособливаться друг к другу, сживаться с нашими братьями и сестрами. Если мы стараемся избегать встреч друг с другом, то мы тем самым отрекаемся от Христа, ибо Он *состоит* из Его братьев и сестер. Он не говорил, что Он – ствол, а мы – ветви. Он сказал, что “Я есмь лоза, а вы ветви”. Мы – это Он, Тело Его. Наше отношение к нашим братьям и сестрам – это наше отношение к Нему. Мы не можем говорить о нашей любви к Богу, если не любим брата своего. И это настолько ясно, насколько и истинно.

Если честно, то нам всем нужно приложить большие усилия ради нашего единения. Наше сообщество разделено, разрываемо на части так, как не должно быть. От Америки до Австралии, включая Индию и Зимбабве, происходят исключения от “общения”, отказ совершать хлебопреломление с кем-то. В некоторых ектесиях происходят разделения между мужской половиной и женской! Между богатыми и бедными! И это происходит по всему миру!!! Часто совсем открыто демонстрируется неприятие чисто по этническим причинам! И, конечно же, на уровне индивидуального общения. И ведь всем известно, что дом, разделившийся сам в себе, падет, даже если живущие в этом доме “строго придерживаются Истины”. Не стоит надеяться, что старейшины нашего сообщества каким-то образом разрешат эту проблему, или она как-нибудь разрешится сама собой, ибо разрешение этой задачи зависит *от каждого из нас*, так как каждому из нас нужно понять и принять необходимость единения в братстве, заботясь о нем, молясь о нем, встречаясь с членами его, сообщаясь через письма, думая о них. Мы призваны преодолевать между собой чисто человеческие преграды. Именно по этой причине Господь призывает совершенно разных людей на Балканах: албанцев и сербов, хорватов и македонцев... (вместо, скажем, 20 сербов из Белграда). По той же причине в одном и том же городе призываются молодой и старый, мужчина и женщина (а не двое мужчин, или двое женщин). И делается это не для “пушного эффекта”, а как раз для того, чтобы слава Божия и Господа нашего была видима в единстве Духа, несмотря ни на какие человеческие препоны. Он умер для того, *чтобы* собрать во едино весь рассеянный народ Божий. Он умер ради единения нашего, которое должно бы обращать весь мир. А потому нами должны двигать, руководить крест и причастие к нему, наше спасение через Него.

В первом столетии сама мысль объединения в одной вере людей различных национальностей была очень и очень необычной. Разные этнические группы по всему в то время известному миру, начинали верить в одного и того же Спасителя, становились членами одной и той же религии. Это было настолько необычным в то время, что нам, сегодняшним, даже и представить трудно, ибо в первом столетии “люди сами собой

становились членами той религии, которая царил в том народе, а то и городе, где рождался человек” [see Robert Wilken, *The Christians As The Romans Saw Them* (New Haven: Yale University Press, 1984)].

5-3-2 Ойкумена и дом общения

Эта проблема близко касалась наших братьев первого столетия. Раб и господин, мужчина и женщина, Иудей и язычник собранные все вместе... это было не возможно представить, с социальной точки зрения тех времен. Историки никак не могут объяснить причин такого быстрого распространения Христианства в первом веке! У нас же есть на то объяснение Самого Господа, которое Он оставил нам незадолго до Своей смерти, ибо, как написано в Ин 17, смерть Его должна была объединить Его народ так, что одно это единение должно было обратить весь мир к Нему! Такое единение между людей было неслыханным явлением, а потому и привлекающим внимание мира того времени. Из 2 и 3 глав Послания к Ефесянам следует, что все преграды, существовавшие между мужчинами и женщинами были разрушены примирением людей с Богом посредством благовестия Иисуса. Он намекает на это, когда говорит о том, что Его ученики, рожденные Иудеями и приверженцы Иудаизма, будут Ему “свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли”. Почему выделяется Самария? Почему Он не определил более широкое географическое поле для миссионерской деятельности, а назвал Самарию, часть Библейского Израиля? Вероятно потому, что хотел тем самым сказать, что благовестие не ограничивается географическими пределами, так как оно должно преодолевать также еще и границы обычаев, культур и предубеждений, ибо Иудеи не общались с Самарянами.

Сообщество первого столетия строилось на основе социологии *ойкумены*, домостроительства. Глава дома, в то время, был непререкаемым авторитетом, за которым следовали все члены его. В том числе и в религиозных вопросах. Для рабов непослушание хозяину дома грозило смертью. А ведь Христианское призвание всегда отличалось *индивидуальностью*, которое в те времена было призванием в неслыханную до сих пор религию. Впрочем и религия была тогда чем-то, равносильно хобби. Философы обнадеживали только тех, кто мог почитаться чистым. Религии тех времен не могли служить утешением ни уставшим от жизни, ни обремененным грехами. А потому Христианство воспринималось либо как хобби, либо как то единственное, ради чего стоило жить. Всё так же, как и сейчас! Говоря по-человечески, призвание Христово не давало никаких привилегий в жизни, как оно не дает их и сейчас. Ибо *каждому*, уверовавшему в Него, надо оставить все привязанности в этом мире, будь то к отцу, к матери, к детям, ради одного – ради связи с Ним и с Его еkkлeсией. Это непривычно, и... необходимо! Ибо в еkkлeсии, по всему миру, можно найти в сто раз больше, скажем, отцов. А из этого следует, что единение просто *должно существовать*. Люди оставляли всё, всех своих родственников, а потому искали родственных чувств между собой. Их полное отделение от мира сего вело к прочным связям между собой в еkkлeсию. И Павел неоднократно повторяет мысль, что спасение – дело общее, которое не может быть достигнуто каждым в отдельности. Тертуллиан (*Apology* 39) и Минусис Феликс (*Octavius* 9,2; 31,8) говорят, что язычники были сильно недовольны Христианами из-за их близости между собой, и особенно тем, что они называли друг друга братьями и сестрами.

Когда Римляне начали преследовать первую церковь, гонению подвергались, в первую очередь, главы домов, тогда как основная масса остальных Христиан оставалась ненаказанной. Возможно, это происходило из-за того, что в любой языческой вере было

достаточно убрать макушку, главу, как остальное тело гибло уже само собой. И это объясняет некоторые Библейские загадки. Например, почему благоговейные мужи могли спокойно погребать Стефана, сами оставаясь при этом не тронутыми. Или же почему в Иерусалиме могли остаться Апостолы (почитавшиеся за некнижных, необразованных рыбаков), тогда как всем остальным святым пришлось спасаться бегством от гонений (священники, принявшие веру Христову). И Христианство распространялось все дальше и дальше. Вера простых людей не зависела от веры их начальников... А если организованность и лидеры наших ектесий исчезнут, останутся ли сами ектесии? Ранняя церковь осталась. Нам нужно быть очень осторожными, чтобы наша организованность и система старшинства не подавляла личные устремления проповедовать и личное стремление к общению с людьми. Христианство первого столетия было массовым движением, распространявшимся от одного человека к другому. Точно таким же образом не мешало бы благовествовать и нам... И эффект от такого проповедования был бы наверняка больше, чем от многочисленных собраний и кампаний (против которых я тоже ничего не имею).

Рассказывается об обращении и крещении целых “домов”: Корнилия, Лидии, тюремщика в Филиппах, Стефана (1Кор 1,16) и Криспа (Деян 18,8). А из этого вытекает, что верующие тех времен “встречались домами” (Деян 1,13; 2,46; 5,42; 12,12; Рим 16,4,5,14,15,23; 1Кор 16,19; Кол 4,15; Фил 1)⁽¹⁾. Именно по этой причине археологи не могут найти никаких останков Христианских сооружений тех времен, ибо они собирались тогда в больших горницах богатых и больших домов. Раскопки одного из археологов, привели его к выводу, что в таких “горницах”, как правило, собиралось около 30 человек (примерное количество многих ектесий наших дней). Подводя итог своему глубокому исследованию, он приходит к выводу, что археологические находки не подтверждают существование Христианских храмов вплоть до 180 года Н.Э., ибо до этого времени Христианство распространялось отдельными людьми, или же небольшими группами⁽²⁾. Негласным законом того времени было то, что в религиозных вопросах все члены дома следовали его за главой. По законам того мира обращение главы дома означало обращение и всех остальных членов этого дома. Призвание же Христиан было слишком личностным. А это значит, что, когда мы читаем об обращении целых домов (Деян 16,15,31-34; 18,8; 1Кор 1,11,16; 16,15; Рим 16,10), нам нужно понимать, что главам этих домов нужно было избежать искушения быстрого и разового обращения всех членов своего дома, дабы все они слепо следовали за ним. Он должен был *благовествовать* им! А удача благовестия зависела от самого главы дома. То же самое относится и к нам сегодняшним. Может произойти и так, что какая-нибудь небольшая церковь решит обратиться к поискам Истины. Тогда некоторые члены ее последуют за “старейшинами” и большинством. Особенно это касается, когда речь заходит о женах и детях, которые, подражая своим мужьям и отцам, слепо следуют по их стопам “в истине”. Ни родители, ни мужья, никакие другие родственники не могут спасти никого, кроме самих себя. Обращение к Богу и Господу было, и должно оставаться, *исключительно* личностным. Христадельфиане в 3-м, или в 4-м поколении не могут быть спасены одним крещением, ибо *необходимо еще и обращение*. Не должно быть слепого следования вере отцов. Также нужно не забывать о том, что наша вера является верой первого столетия. Тогда женщины и рабы принимали ее просто потому, что это было их долгом. В то время из-за веры одного главы дома образовывались целые религии (напр., Митраизм). И здесь, опять-таки, настоящее Христианство выходит из ряда вон всего и вся. Женщины и рабы в нем занимали такое высокое положение, что оно само напрашивалось на осмеяние.

Повторюсь. Было обычным делом, что глава дома был тем, на кого в религиозных вопросах смотрел и следовал весь дом. Для настоящих же Христиан, такой обычай не был необходимостью, ибо Господь учил, что даже раб может стать во главе дома и судить

маловажные дела (1Кор 6,4). Павел говорил, что старейшины (пресвитеры) церкви должны избираться в зависимости от их духовных качеств. И мы можем очень легко упустить главное в его учении. Как много случаев, когда во главе еkkлeсии (особенно в Африке и Азии) становится тот, кто богаче остальных, или речистее, или же образованнее, что *почти каждым* воспринимается как должное. А ведь этого не должно быть! Повсеместно за старейшин принимаются те, кто способен с кафедры произносить красивые слова. Нам срочно нужно выискывать настоящее смирение и духовность, ибо, как мне кажется, в нашем сообществе больше стали цениться ораторские способности, чем истинная духовность.

Один Господь, один Учитель

С другой стороны, из Нового Завета видно, что было много рабов, обращавших своих хозяев, которые, вероятнее всего, уже имели иную веру. На эти места указывают, как на те, где Библия не может быть права. А это, конечно же, не так. Мы просто знаем и верим, что людьми двигала великая сила благовестия, единая надежда на Царство, соединенная с естественным Христовым, заставлявшая их рисковать всем, даже жизнью и репутацией, и все ради того, чтобы обратить хотя бы одного настоящего верующего. Прежде всего они, вероятно, искали отношений с домами, в которых происходили собрания еkkлeсий, ибо нам вменено в обязанность быть всем вместе, чего бы это ни стоило. Для нас это может стоить тратой времени и средств на дорогу, различных неудобств в отношении с теми, которые сильно отличаются от нас самих. Для тех же, первых, это стоило крупных неприятностей, когда, например, раб уходил на собрание от хозяина, купившего его. Чтобы провести какое-то время в другом доме примерно 1 час в неделю, он рисковал для этого, возможно, жизнью. Ибо господа имели право убить своего раба за любую провинность. К тому же Христианство всегда было и остается особенной религией. Мы не можем поклоняться какому-нибудь еще Господу или Учителю. Мы не можем служить сразу двум господам. У нас один Господь – Иисус Христос. А потому для раба, признавшего Его своим Господином, плата за это признание была очень высока. Но те, первые Христиане, обладали благовестием такой силы, которое, несмотря ни на что, вопреки всем человеческим логикам, обращала и обращала все новых членов Тела Христова. Многие становились безумцами ради Христа, ради общения со своими братьями и сестрами принимали над собой Его господство. Можно много и долго представлять себе, как верующие братья и сестры тех времен собирались на встречи для хлебопреломления, отказываясь служить на это время своему неверующему господину, ради одного настоящего Господа, ради Которого они были готовы пожертвовать всем...

Примечание

(1) Robert Banks, *Paul's Idea Of Community* (Exeter: Paternoster, 1980) pp. 29,41. Можно лишь удивиться, по-настоящему ли соответствует наша ревность к содержанию молитвенных домов для проведения собраний Новому Завету?! Когда находишься в Индии или в Африке на собраниях, проводимых хозяевами, ощущаешь себя “странником”. Если бы кто-нибудь из них, увидел нашу “роскошь” из глубины своей нищеты, то он вряд ли бы всем сердцем принял настоящее благовестие и захотел немедленно креститься. В первом столетии, похоже, было несколько домов для собрания еkkлeсии. “Юстин мученик, в своей “Первой Апологии” упоминает несколько домов в Риме, где проходили собрания верующих через век после написания Нового Завета”. Также и из Рим 16,4, 14,15 следует, что тогда существовали небольшие группы верующих, хотя Павел и обращался ко всем им, как к одной целой еkkлeсии. Обратите внимание на то, что в этой еkkлeсии существовало несколько семей (Рим 16,10,11,13,15), которые встречались также и со всеми остальными. Учитывая это, Павел пишет о месте,

занимаемом сестрой, в Коринфской еkkлeсии. Возможно, они встречались все вместе только в исключительных случаях, таких как, например, хлебопреломление, остальное время проводя среди своего “дома”. Это объясняет возникновение некоторых проблем в Коринфе. Похоже там не все верующие встречались регулярно со всеми и в одном месте, предпочитая проводить собрания в своем узком, домашнем кругу (задумайтесь над Рим 16,23; 1Кор 5,4; 14,23; 1Фес 5,27; Евр 10,25; 13,24). Существование домашних церквей в Коринфе объясняет “собрание” “всей церкви”, когда, в частности, проходило хлебопреломление (1Кор 11,17,18,20,33,34; 14,23,26). Это также объясняет почему Павел, писав в Коринф, говорил о повиновении ему всех церквей (1Кор 7,17; 14,34). И дальше, в ст 35, Павел заповедует женам задавать свои вопросы “дома у мужей своих”, явно подразумевая более маленькие, “домашние” еkkлeсии, а не просто верующих мужей этих женщин. Также, “если кто голоден, пусть ест дома” (гл 11,34), звучит довольно жестоко, если под этим подразумевается просто дом, где живет верующий. Как и где может голодный и бедный брат удовлетворить свой голод, если не на братской вечере? Нет, гораздо логичнее будет, если понимать этот призыв, как призыв не обременять всю церковь проблемами, которые можно решить на более низком уровне. В этом Послании в некоторых местах под словом “дом” подразумевается еkkлeсия (1Кор 1,16; 16,19). Психологи говорят, что людям полезно соединять себя с тремя разными группировками: первая, большая группа, причастие к которой дает человеку чувство собственной значимости, поднимающее его над окружающим его ограниченным миром (каждый из нас, например, принадлежит к Телу Христову, Которое не ограничено ни временем, ни пространством.); вторая группа – в размере “собрания”, когда каждый знаком со многими членами его, но где все же встречаются и незнакомые лица (как, например, в Коринфе). И третья группа – узкий круг, в котором собираются близкие друзья, понимающие друг друга с полуслова. Последнее возможно в домашней еkkлeсии. Можно лишь удивляться, почему наши большие еkkлeсии не хотят замечать подобных разделений. Нам необходимо, наконец, понять, что наше служение не должно походить на выступление на театральных подмостках, где заранее известно, кто (хотя и талантливый) актер, а кто зритель. Мы – члены Тела Христова, ощущающие присутствие друг друга. Тело растет, созидая себя в любви. Мы – не только зрители, мы – одна семья, связанная по-настоящему крепкими узами. Мы в себе являем Христа друг другу, а это гораздо легче сделать на домашнем уровне.

Такое понимание помогает разрешить некоторые вопросы этого Послания. Из 1Кор.11 видно, что женам можно и говорить, и молиться, и пророчествовать на собраниях. В 1Кор.14 же звучит запрет на все это. Возможным решением может быть то, что в 1Кор.11 говорится о собраниях домашних, тогда как в 1Кор. 14 о больших соборах. Это объясняет также почему Павел был вынужден отвечать на вопрос, почему то, что позволительно жене делать дома, запрещается ей делать в большом собрании? Также было замечено, что “в пяти местах, где упоминаются домашние церкви, среди глав их также упоминаются женские имена” (Mary Evans, *Woman In The Bible*, Paternoster, 1998 ed., p. 124). Из Ветхого и Нового Заветов видно, что сестра не может возглавлять еkkлeсию. И все же, как в случае с Лидией, вслед за ее обращением, последовало обращение, скорее всего не без ее влияния, всего дома ее. Очень может быть, что то же самое относится и к “избранной госпоже” из 2Ин 1. В наставлении Иерусалимской еkkлeсии говорится, чтобы они не забывали собрания своего, ибо, как кажется, они предпочитали собираться в своем, узком кругу, пренебрегая собранием всей церкви вместе.

(2) Graydon Snyder, *Archaeological Evidence Of Church Life* (Macon GA: Mercer University Press, 1985).

5-3-3 Богатые и бедные первого столетия

Бедные мира сего

Сам Господь говорил о том, что благовестие было большей частью для бедных. Так же и Павел, писав о еkkлeсии Коринфа, констатировал, что в ней большинство призванных были бедняками (1Кор 1,26-28). “Христианство в своем начале было, несомненно, движением отверженных классов... Христианские собрания первоначально образовывались из пролетариата и были почти полностью пролетарской организацией”⁽¹⁾. Так же замечено, что Новый Завет, в отличие от другой греческой литературы тех времен, написан на очень простом и грубом греческом языке⁽²⁾. То, что Павел призывал Фессалоникийцев работать своими собственными руками, дабы мир сей не смог ничего сказать против них, говорит о том, что большинство читавших его Послание были рабочими (1Фес 4.11; Еф 4,28). Павел писал о бедности македонской еkkлeсии, как о всем хорошо известном факте (2Кор 8,1,2), однако чуть дальше он называет их бедность, в сравнении с “недостатком” Иерусалимских Христиан, “избытком”. Христиане из Иудеев называли себе “ибионитами”, словом, корнем которого является еврейской слово “нищий” - “возможно это было сознательным напоминанием о самом первом названии Христиан Иерусалима и Иудеи, которое характеризовало все Послания Павла”⁽³⁾. Даже если все эти бедняки не все были рабами, они зависели от своих нанимателей, дававшим им средства к существованию. Ремесленники должны были входить в гильдии, в которых, как правило, поклонялись языческим богам, идолам, что было запрещено Христианам. Рабу же вообще запрещалось верить во что-то отличное от того, во что верил его господин. *Все было против распространения Истины среди бедных первого столетия.* И все же Истина росла и крепла, переходя из одного города Римской империи в другой. Нет никаких сомнений в том, что это происходило лишь благодаря духовным усилиям верующих первого столетия, а не каким-то благоприятным социальным условиям. И все же это было и остается настоящим чудом первого столетия.

Бедные Африки, Европы, Азии и Америки, для которых истина так не удобна, которым так подходит все смягчающая и успокаивающая лжерелигия, не только всеми руками и ногами хватаются за неудобную для них правду, но еще и разносят ее всем и вся. Настоящая бедность невыносима и ужасна. Чем кормить детей? Чем платить за квартиру? Во что одеть быстро растущих детишек? Как жить в комнате без окон, да еще и при – 30 градусном морозе? Все это невыносимо и страшно уводит от духовных вещей. Однако и это преодолевается силой настоящего благовестия самыми простыми мужчинами и женщинами. Впрочем и Западных братьев и сестер касаются и уводят от истины вещи мира сего и они нуждаются в ежедневной встряске, дабы обратиться к силе истины, как то произошло примерно 120 лет назад.

Во главе ранней церкви ставились люди, отличавшиеся от других своей высокой духовностью, что к огромному сожалению было совершенно утеряно в наше время. А потому нам необходимо понять, что любая религия всегда была нечто вроде хобби для богатых, которые покровительствовали своими деньгами какому-либо культу, или религиозным идеям. Настоящее же Христианство никогда не было хобби. Оно всегда было и остается делом, требующим всего человека, всего без остатка. Никогда в нем не было главным ни обычаи, ни обряды, ни одеяния, ибо всегда главным было изменение внутреннего облика человека, его моральной стороны поведения. Христианство никогда не было простым времяпрепровождением и никогда не было причиной для удовлетворения общественного положения. Более того, высокое положение бедного в

какой бы то ни было религии, было просто невысказанным в первом столетии. Бедный человек и уважение, были для того времени несовместимыми понятиями. “Если ты беден, то над тобой все и всегда смеются. Как смешно, когда ты одет в грязное и рваное платье, когда твоя тога в пыли, а у твоих сандалий порваны ремни. Когда несколько заплат всем рассказывают о частой штопке! Самое большое проклятье - это бедность, ибо бедность становится во много раз хуже не от того, что ты беден, а от того, что ты становишься объектом насмешек, издевок, брани и презрения... Свободнорожденные предпочитают раба богатого человека”⁽⁴⁾. Так что Христианство стало настоящим вызовом всему обществу, призывая бедных учеников следовать *за бедным* Учителем. Впрочем, Христианство распространялось не только среди бедных, но и среди богатых. Что служит для нашего ободрения здесь, так это то, что даже когда мы благовествуем и проповедуем обществу очевидно не то, что бы ему хотелось слышать, сила Евангелия такова, что оно само найдет себе достойных слушателей, нам же остается только по-настоящему свидетельствовать о нем. Когда Павел приказывал поставить бедного брата, который мог бы судить между судящимися богатыми братьями (ибо только богатый человек мог позволить себе заниматься тяжбами), он, воистину, потребовал от них очень многого. И все же он был в этом непоколебим. Он всегда бесстрашно и не сомневаясь отстаивал дело Христово, требуя той же бескомпромиссности и от всех верующих.

Богатые

Нужно также заметить, что о приходе к истине богатых также говорится и в Новом Завете. Говорится и о их общении с бедными. Среди следовавших за Иисусом были богатые женщины (Лк 8,3), да и Иаков с Иоанном пришли к Нему из семьи, обладавшей своими собственными лодками с наемными рабочими (Мк 1,19,20). Так же был богат и Закхей (Лк 19,1-10). Кстати, обратите внимание на то, что ему не было сказано ни слова о том, чтобы раздать все, что он имел. Посмотрим на еkkлесию в Филиппах. Богатая дама из Лидии, бездомная девочка рабыня, средняя прослойка, уважаемый темничный страж, плюс рабы его и дома Лидии. В том древнем мире не было другого места, кроме еkkлесии, где бы все эти люди могли объединиться вместе. Да и сам Павел не был бедным человеком. “Быть гражданином Тарса, означало иметь состояние ценою, по крайней мере, в 500 драхм”⁽⁵⁾. О нем думали, что он достаточно богат, чтобы от него можно было получить выкуп (Деян 24,26). Вот еще несколько обращенных: проконсул Кипра (Деян 13,12), Лидия, Иасон, который был настолько богат, что мог удостоверить Павла от лица знатных женщин (Деян 17,4,9), почетные женщины Верии (Деян 17,12), греки Дионисий и Дамарь (Деян 17,16-34), Крисп начальник синагоги в Коринфе (ср. Деян 18,8 с 1Кор 1,14), Ераст, городской казначей (Рим 16,23). Эти несколько богатых людей связали себя с великим множеством бедных и рабов, которые, как и они, пришли к Христу. Это было уникальное сообщество. Список имен верующих в Рим 16 дан не напрасно, ибо из него видно, как все слои общества встретились вместе в одной Римской еkkлесии. Не в пример Иудейскому обычаю тех времен, женщины не только приветствуются в Послании, но и называются поименно. Некоторые имена типичны для рабов: Флегонт, Ермия, Филолог, тогда как в то время в письмах было принято перечислять лишь самых почтенных членов того дома, которому писалось письмо. Приветствия передавались от двух Коринфян: “Приветствует вас Ераст, городской казначей, и брат Кварт” (Рим 16,23). Нарочитая близость имен? Богатый Ераст и никому неизвестный (раб?), но все же “брат”, Кварт. О Фиве сказано, как о *диакониссе* еkkлесии Кенхрейской, а также помощнице самого Павла (Рим 16,1,2). Очень может быть, что она, возможно отчасти, но помогала финансами благовестию Павла. Возможно также, что то же самое следует и из Рим 16,13, где Павел называет мать Руфа также и своей матерью. Перечень богатых женщин, следовавших за Иисусом можно было бы продолжить Иоанной (Лк 8,3).

Если читая Деяния и новозаветные Послания, составляя список имен, то получится 78 человек. О 30 из них говорится, какое они занимали положение в обществе, из чего видно, что большинство из них занимали в обществе среднее положение. Например, имена Ахаик, Фортунат, Тертий и Луций в Коринфе, а также Клемент в Филиппах, все являются именами латинскими, что говорит об их происхождении из Римских колоний, а значит и о высоком мнении о себе, какое они имели в сравнении с местным населением. Гаий обладал достаточно большим домом в Коринфе для того, чтобы в нем могла собираться вся церковь (Рим 16,23). Крисп был начальником синагоги в Коринфе, однако именно он и Гаий были первыми из тех, кого обратил Павел (1Кор 1,14). Так что в данном случае первыми крещенными были люди богатые, за которыми последовало крещение более бедных. Однако, в любом случае сравните их с богатой Лидией, первой обращенной в Филиппах. Любой домовладелец, обладавший достаточно большим домом для собрания в нем еkkлeсии, естественно, занимал высокое положение в обществе. Так темничный страж в Филиппах, Стефан и домашние Хлоины (1Кор 1,11; 16,15), как Филимон и, даже Ахилла и Прискилла были довольно богаты, чтобы иметь достаточно места для собраний членов еkkлeсии (1Кор 16,19; Рим 16,3-5). Иуст (чьё имя выдает его как Римского гражданина) жил в Коринфе в смежном синагоге доме. Мать Марка имела дом в Иерусалиме, который мог вместить целое собрание (Деян 12,12). У Варнавы была своя земля (Деян 4,36). Иасон был достаточно богат, чтобы выкупить себя и несколько братьев (Деян 17,5-9). В Афинах был обращен Дионисий Ареопагит (Деян 17,34). Аполлос и Фива могли свободно путешествовать. Вспомните, что большинство людей в то время жили в маленьких узеньких комнатах, а потому большую часть времени вынуждены были проводить вне стен своего жилья. Тертий был по образованию писцом, Лука - врачом. Однако рядом с ними названы такие братья, как Амплий (Рим 16,8) - имя, которым, как правило, назывались рабы. Из Рим 16 видно удивительное единение между богатыми и бедными членами ранней еkkлeсии. Несмотря на то, что большинство верующих в Коринфе были бедными, они все-таки всё еще оставались достаточно уважаемыми людьми, которых часто приглашали в гости (1Кор 8,10; 10,27). После обращения раб становился “свободный Господа”, а свободный Его рабом (1Кор 7,22). Таким образом единение между различными социальными слоями общества давало возможность членам церкви быть “во Христе”.

Из обращенных в Фессалоники “поверило также много знатных гречанок и немало греков” (Деян 17,12; современный перевод). Лидия была женщиной богатой, торговавшей дорогой одеждой (багряницей), а также было хозяйкой, главной в доме. Большое внимание Евангелий к богатым женщинам, притягивало к себе многих писателей. Нам же остается только представлять себе, как богатые сестры того времени выходили замуж за бедных братьев, или же оставались изнывающими от желания иметь детей незамужними девами, находящими утешение и поддержку лишь в общении между собой да в познании своего Господа Иисуса, что в первом столетии было делом не только необычным, но и неприличным.

И все же, вне всяких сомнений, главной чертой ранней церкви была ее бедность, ибо в то время благовествовали нищие, и благовествовали успешно. “То, что некоторые Христиане продавали себя в рабство для того, чтобы помочь своим братьям по вере, говорит об исключительной бедности Христианского сообщества в целом”⁽⁷⁾. И это также свидетельствует об отношениях между богатыми и бедными, ибо в первом столетии пропасть между богатыми и бедными, главным образом, только увеличивалась⁽⁸⁾. И все-таки истинное Христианство образовало один социальный класс, отличавшийся своим удивительным и ни на что непохожим единством. Мы уже говорили о том, что внутри еkkлeсии совершались, так сказать, “неравные браки”, что также придавало привлекательную пикантность и увеличивало разницу между еkkлeсией и миром первого

столетия. То, что Христианство, в основном, разрасталось за счет бедных, не оспоримо, однако существует и множество сведений о том, что оно состояло не только из рабочего класса. Чудо состоит в том, что оно объединяло вместе бедных и богатых так, что это единство привлекало к себе внимание окружающего их мира, начиная еще со служения Иисуса, ученики Которого были из самых различных слоев общества. Из Лк 5,30 видно, что за одним столом с Иисусом и Его учениками сидели не только мытари и грешники, но и фарисеи и книжники. Очевидно, в личности Иисуса было нечто такое, что притягивало к Нему всяких людей.

Экклесия Иерусалима является хорошим примером объединения богатых и бедных. В ней были очевидно богатые члены: Симон Киринаянин был таким же собственником земли (Мк 15,21), как и Варнава (Деян 4,36), и Анания с Сапфирией. Среди них были члены принадлежавшие среднему классу. У Марии был в Иерусалиме дом, и, по меньшей мере, одна служанка (Деян 12,12-17). Сборщик пошлин Левий был достаточно богат, чтобы устроить большой обед, из чего следует, что у него был достаточно вместительный дом (Мк 2,14-17). Иаков с Иоанном в Галилее ловили рыбу на своих лодках, на которых трудились нанятые ими рыбаки. Но среди них также были и бедные. Господь Иисус и Апостолы исцеляли нищих и больных, которые впоследствии, скорее всего, становились членами церкви. Из Деян 6,1; 2,44; 4,34 можно прийти к выводу, что в церкви в то время было очень много бедных. Иаков, брат Господа, возможно, был так же, как и Сам Господь, бедным плотником. И все-таки он возглавлял раннюю церковь. В отличии от всех других религий, Христиане смотрели на своих членов не так, как на них смотрело общество, ибо даже самый бедный из ее членов, мог стать во главе всего сообщества! И все же, что примечательно (и замечательно!) в Деяниях мало что говорится о социальных или экономических различиях - и все это только потому, что не это главное. Любой другой, не богодухновенный автор, придал бы социальным различиям в церкви гораздо больше внимания.

Примечания

(1) Karl Kautsky, *Foundations Of Christianity* (Orabis & Windrush, 1973 ed.), pp. 9,323.

(2) Adolf Deisman, *Light From The Ancient East* (Hodder & Staughton, 1927); A.J. Malherbe, *Social Aspects Of Early Christianity* (Louisiana State University Press, 1977), ch. 2. More recently, a translation of the Gospels has been produced by Andy Gaus, entitled *The Unvarnished Gospels* (Threshold Books, 1988). Последнее, “Евангелия без прикрас”, написано с целью показать резкость языка Евангелий в сравнении с современным языком. Эту книгу стоит прочитать. Послания Петра – странное исключение из этого правил, что возможно объяснимо его неграмотностью и тем, что его Послания были написаны под его диктовку. Резкость Посланий Павла объясняется тем, что он писал на понятном его читателям языке, не выказывая своей собственной грамотности.

(3) Henry Chadwick, *The Early Church* (Penguin, 1993 ed.), p. 23.

(4) Juvenal, quoted in Roland Worth, *The Seven Cities of the Apocalypse and Roman Culture* (New York: Paulist, 1999), p. 41

(5) Derek Tidball, *The Social Context Of The New Testament* (Carlisle: Paternoster Press, 1997 ed.), p. 93.

(6) Marti Sordi, *The Christians And The Roman Empire* (Norman: University Of Oklahoma Press, 1986), p. 28.

(7) K. Donfried & P. Richardson, *Judaism and Christianity in First-Century Rome* (Eerdmans, 1998) p. 131.

(8) Wayne Meeks and Robert Wilken, *Jews And Christians* (Missoula, MT: Scholars Press, 1978).

5-3-4 Единство церкви

Само собой, что для первых верующих такое сообщество не было легким делом. Это не для слабых. Так в Коринфе богатые пышно проводили хлебопреломление Христово, тогда как бедные оставались голодны. Возможно, что бедные отвечали на это своим даром говорения языками, показывая свои способности, например, говоря по-японски, когда их никто об этом не просил. Однако, несмотря на все огрехи ранней церкви, быстрое распространение Христианства говорит о том, что единение верующих тех времен было достаточно прочным и мощным, чтобы охватить своим свидетельством весь мир, как то и было предсказано Господом. То же самое касается и нас. Мы разделены. Объединение между нами кажется невозможным. Мы состоим из совершенно противоположных по своим характерам членов, разных и широко рассеянных этнических групп, да и ленивы мы для примирения. Нам надо бы спрятать свои лица от стыда за слабость нашего сообщества. И все-таки, для большинства из нас, Господь не напрасно умер. Его крест, Его воскресение и жизнь вечная вдохновляют к жизни в любви, единстве и благовестии. Даже, несмотря на то, что мы так далеки до идеала во всем этом.

Одна из причин, по которой нам так трудно соблюдать единство, убеждение в том, что мы обладаем истиной в основных вопросах Евангелия, выискивая в Библии все больше и больше подтверждений этому, готовые подогнать под нее все, что угодно. Ради все той же “истины” мы готовы прибегать к силлогизмам, например, к таким, как этот: Библия – истина, а этому, полагаю, учит Библия, а значит и это – истина, а потому, если ты со мной не согласен, то это значит ты не веришь ни истине, ни Библии. Мы легко соглашаемся с тем, что если мы терпимо относимся к тем, кто в главных вопросах не думает так же, как и мы, то мы впадаем в отступление от истины Божией. И почему-то в таких делах совершенно забываем о совете Павла: “Немощного в вере принимайте без споров о мнениях”. Т.е. не обсуждая слабых мест его веры, не возвращаясь к больной теме. Оставив все так, как есть. Однако доходит до того, что само хлебопреломление с теми, кого мы считаем не так живущими и не так толкующими Библию, причисляют за знак согласия с неверным толкованием и жизнью по этим неверным толкованиям. Основные учения, такие, например, как изложенные в “Положении о вере”, являются *единственной* основой нашего общения. Отличное толкование пророчества, отличные личные качества, из-за которых люди одеваются по-разному и по-разному проводят собрания и многие другие подобные разности, созданы лишь для того, чтобы мы могли преодолевать их. Они призывают нас к долготерпению. Такие консерваторы, как я, должны принимать это как данную нам благодать, для оказания милости отличным от нас. И наоборот! Не принятие этого породило среди некоторых наших братий учение о “вине через общение”, которая, как они говорят, переходит от одного к другому через совершение хлебопреломление. Мысль совершенно чуждая Библии, ибо каждый из нас умирает за свои грехи, а не за грехи брата.

Ну, а если нет “вины через общения”, то нам и не нужно слишком сильно ломать голову по поводу того, с кем нам преломлять хлеб *в Теле Христовом*. Когда же нужно определить, что есть Тело Христово, то у нас есть на то четкие Библейские определения.

Мы крещены в Тело Его (1Кор 12,13), а потому любой некрещеный – вне Тела. Истинность же крещения определяется истинностью “одной веры”, которая четко определена учением о Едином Боге Отце, об одном Господе Иисусе, об одной надежде Израилевой, о Царстве на земле, обо всех обетованиях, данных Аврааму и Давиду, о диаволе, о смертности человека, о крещении через погружение и проч. (Еф 4,4-6).

Мы уже упоминали, что о великой заповеди благовествовать по всему миру, сказано и в Евангелии от Иоанна, о чем в нем сказано более духовным языком. Благодаря единству верующих, весь мир должен знать Евангелие (Ин 17,18,21,23). А потому ныне возникает положение, по которому из единства настоящих Христиан, разделенных этническими, социальными и географическими барьерами, мир может получить от нас то же самое свидетельство, что и в первом веке. Господь обещал Своим, что настанет время, когда “будет одно стадо” (Ин 10,16), когда Его ученики “будут совершены воедино, и да познает мир” это (Ин 17,23). Господь искренне надеялся, что это произойдет уже в первом столетии, ибо в Еф 3,9 Павел говорит, что единение Иудеев с язычниками *открывает* всем благовестие. Это призыв Павла к единству в Ефесе, которое, как он знал, будет свидетельствовать миру, во исполнение заповеди Господа благовествовать всему миру (Ин 17,21-23). Но, увы, Иудеи и язычники уже в первом веке пошли разными путями, после чего, возможно, повсеместное обращение мира, постепенно прекратилось. И нам стоит извлечь из этого урок, ибо в наши дни к Богу обращаются люди по всему миру.

Распятый мир

Понимание существования огромной пропасти, разделяющей нас с миром, помогает убирать все пропасти, *разделяющие нас*, ибо то, на что мы надеемся и о чем думаем, сильно отличается от того на что надеется и о чем думает окружающий нас мир. Эта разница далеко не поверхностна, она существенна и глубока. Новый Завет полон прямых и захватывающих дух замечаний о том, как верующим нужно было жить среди Римлян. Римлянам позволялось поклоняться любым местным, городским богам, если только при этом жители одинаково приклонялись и перед императором. Новый же Завет совершенно четко говорит, что поклоняться надо исключительно одному, истинному Богу, сравнивая верующих с жителями такого города (Еф 2,19; 3,20; Евр 12,22; 13,14; Откр 21). Писавшие по вдохновению эти строки, должны были хорошо сознавать последствия. Дух Божий мог не вступать в такое открытое противостояние с этим миром, и все же между ним и народом Божиим прокладывается непреодолимая пропасть, о которой так открыто говорится в Новом Завете. И основная причина тому та, что Христос умер за нас. Он умер ради того, чтобы соединить нас во едино, единственным единением, о котором говорится в Новом Завете (Ин 11,52; 17,23; Еф 1,10; 2,14; 4,3). Мы были одновременно примирены друг с другом и с Богом “в одном теле” (Еф 2,16). Его смерть соединила нас, дабы всем нам вместе стоять пред крестом Его, сознавая то, что если уж Один умер за всех, то и мы должны полагать свои души за братьев наших (1Ин 3,16). И в этом простом заявлении содержится вся истина! Ведь Его смертью мир распят для нас, а мы для мира (Гал 6,14). В этом мире нам нечем ни хвалиться, ни прославляться, кроме как тем, что Христос умер *за нас* за меня ибо мы, братья во Христе, уверовавшие по благодати данной нам. А потому и этот мир со всеми его соблазнами мертв для нас точно так же, как было мертво тело Христово, повешенное на древе.

5-4 Препятствия для роста Христианства

5-4-1 Препятствия для роста Христианства

То, что сделали братья и сестры первого столетия, просто замечательно! Группа из 11 работающих человек, без образования и денег, почитаемые за ничто в своем обществе, живя на задворках Римской империи, без какой бы то ни было финансовой и моральной поддержки, создали движение, через короткое время охватившее тысячи и тысячи. От Господа они приняли завещание, чтобы каждый старался привести ко Христу других. Обращение всего мира ко Христу было единственным желанием первой церкви. Это было целью всех и каждого в отдельности. Во-первых, нужно было проповедовать среди своих, как это происходит обычно среди недавно обращенных. В Деян 6 говорится, что Апостолы не могли оставить своего благовестия ради чисто хозяйственных дел, а потому и перепоручили это избранным братьям, из чего ясно – старейшинам еkkлeсии должно проповедовать. Сравнивая церковь первого столетия с современной еkkлeсией видно, что наши старейшины занимают почетные административные посты... Точно так же, как это принято и во всем мире.

У нас есть склонность мысленно отделять верующих первого столетия от себя, мол, они были такими, какими они были, а мы совсем другие, думать, что они сделали так много, чего мы не сможем повторить никогда. И так, по отношению к любому историческому событию – любое из них не очень-то касается нас лично. Мы можем сожалеть о том, что вдохновение, дарованное им, ныне не дается нам. Мы полагаем, что то, что для нас невозможно, было легко и доступно другим. И особенно это касается проповедования. Успех братий первого столетия может рассматриваться нами просто, как древняя история, а не как призыв, делать то же самое. Хочу предложить три логических связи.

1. Бог хочет, чтобы все спаслись. Сила спасения – в благовестии, в Евангелии, призывающем людей к Богу. Желание Бога человеческого спасения и способность благовестием призывать людей с 1-го столетия ничуть не изменились.

2. В первом столетии существовали серьезные препятствия для распространения Евангелия. С человеческой точки зрения, ни религия тех времен, ни культура не благоприятствовали широкому благовестию, и все же, несмотря ни на что, оно разошлось по всему миру.

3. Какими бы ни были препятствия для благовестия в наши дни, они намного меньше тех, которые были в первом столетии, к тому же нам доступно многое из того, что не было доступно нашим первым братьям. Ранняя церковь писала Новый Завет не как историческую книгу, а как наставление, как руководство для нас.

А потому стоит задаться вопросом, почему наше благовестие не столь успешно, как то было в первом столетии? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно не только сравнить их способы благовестия с нашими, но задуматься и о других причинах. Для начала же, давайте посмотрим на то, что стояло на пути первых благовестников.

5-4-2 Соблазн креста

Крест был безумием для язычников и соблазном для Иудеев. Для Римского мышления понятие креста было ужасающим, словом, которое было невыносимо слышать. И это понятие было связано исключительно с рабами. Обратите внимание на то, что писали в те времена⁽¹⁾.

- Цицерон писал: “Само слово “крест” было чуждым и очень далеким для Римского гражданина, для его мыслей, глаз и ушей. Ибо крест никоим образом не относился, и не мог относиться к нему... о нем даже не упоминали, настолько крест не соответствовал понятиям Римского гражданина и свободного... твои почести (т.е. Римского гражданина) охраняют человека от... ужаса креста”.

- Сенека Старший в “Полемике” (*Controversiae*) пишет о выходе замуж дочери господина за раба. Он пишет о ней, как о вышедшей замуж “за распятого”. Таким образом получается, что в то время “распятие” было синонимом слову “раб”. Над отцом этой девушки насмехались: “Если ты захочешь найти родственников своего зятя, **пойди к кресту**”. Для нас сегодня трудно понять, как в то время могли видеть раба настолько ниже человека. Связать себя с крестом тогда было позором и чем-то из ряда во выходящим.

- Ювенал в “6-й сатире” пишет о жене, приказывающей своему мужу: “Распни раба”. “Но какое преступление достойное смерти совершил он? - спрашивает муж, - ведь ничто не тянется так долго, как человеческая жизнь на древе”. Она отвечает: “Как же ты глуп! Как ты можешь называть раба человеком?”

Чувство позора, связанное с крестом, присутствовало и у Иудеев. Любой, повешенный на дереве, почитался за проклятого Богом (Вт 21,23). Юстин Мученик в “Разговоре с Трифоном-иудеем” пишет о том, как Трифон отрицал Христианство: “Мы понимаем, что Христу надлежит пострадать... но чтобы Он бы *распят*, чтобы Он умер такой постыдной и позорной смертью, смертью которая проклята законом... Убедите нас в этом, ибо мы совершенно не можем принять такого”⁽²⁾. Также в “Апологии” Юстин Мученик пишет: “Они говорят, что наше безумие состоит в том, что мы помещаем распятого человека на второе место после вечного Бога”. Римляне также насмехались: как можно следовать за распятым?! Есть карикатура, на которой нарисован распятый человек с головой осла. Осел был образом рабства (вспомните, как Господь въезжал в Иерусалим на осле). Саркастическая подпись гласила: “Алексаменос поклоняется Богу”.

Примечания

1) These quotes are from Martin Hengel, *Crucifixion In The Ancient World*.

(2) Quoted in Maurice Goguel, *Jesus The Nazarene*.

5-4-3 Отказ от кесаря

“Царство Божие” было революционным понятием, ибо в то время не разрешалось говорить ни о каком другом царстве, кроме царства кесаря. Наши же братья благовествовали Евангелие Царства *Божия*. Все, принимавшие его, неизбежно подвергались гонениям: изгнанием из торговых союзов, потерей работы и социальных привилегий, опасности дискриминации своих детей. Давид Бош замечает: “Христиане исповедуют Иисуса Господом господствующих – весьма революционная идея, какую только можно себе представить, в Римской империи”. Во времена Нерона Христианам запрещалось пользоваться монетами с изображением на них кесаря. А потому было невозможно, не приняв изображение зверя, ни покупать ни продавать, точно, как в Откр 13,17. В следующем стихе дается число 666 для этого человека-зверя, которое составляет сумму из букв “Кесарь Нерон”! Как бы эти стихи и подсчеты не соответствовали католицизму и его гонениям, не остается никаких сомнений, на кого указывало это число

первым братьям. Позже божественного поклонения для себя стал требовать кесарь Домициан. Апостол Иоанн пишет, как Фома называет Господа Иисуса своим Господом и Богом, что было совершенно противным тому, что приказывалось кесарем. Нельзя было одновременно поклоняться и Господу и кесарю. Домициан требовал, чтобы его называли “Господом”, а это было невозможно для Христиан. Похоже, что многое в Откровении посвящено именно этому – отказу поклоняться кесарю в первом столетии, отказу, под страхом гонений, обожествлять Римских императоров (Откр 13,4; 14,9,11; 16,2; 19,20). “Во времена гонений Нерона, быть Христианином означало принадлежать преступной группировке, и Христиане (не в пример другим религиям) наказывались только за то, что они были Христианами” (Tacitus *Annals* 15.44.5; Pliny *Letters* 10.96.2-3). “Их преступлением было то, что они не хотели поклоняться никакому другому богу, кроме их собственного, включая сюда и то, что греки окрестили “атеизмом”. Отказ приносить жертвы языческим богам и обожествлять Римских императоров воспринимался как угроза установленным связям между народом и богами” (J.L. Mays, Editor, *Harper’s Bible Commentary*, (New York: Harper and Row, 1988). И хотя в наше время противостояние между верующими и зверем не так велико, каким оно было в первом столетии, суть конфликта остается той же, а потому и касается нас.

5-4-4 Положение женщин и рабов в первом столетии

Общество первого столетия было построено по принципу *ойкумены*, по принципу домостроя. Все члены “дома”, родственники и рабы, должны были во всем, в том числе и в религии, следовать и повиноваться главе дома. Неповиновение для рабов могло закончиться смертью. Призвание же Христово было очень *личностным*, даже, несмотря на то, что о единичном обращении в те времена ничего не было слышно. Обычно, обращение главы дома означало автоматическое обращение всех остальных челнов дома. Для истинного же Христианства такое правило было совсем не обязательным, ибо Господь учил, что раб мог стать во главе, и что именно “ничего не значащие” могли судить между братьями (1Кор 6,4). Старейшины (пресвитеры) дома еkkлeсии, как говорил Павел, должны были избираться по своим духовным качествам. Нами не замечается сила этих учений для того времени. Даже, если не все из обращенных были рабами, подавляющее большинство из них зависело от работодателей, дававших им средства к существованию. Мастерские, как правило, принадлежали гильдиям, где обычно существовал языческий культ поклонения идолам, что было непозволительно Христианам. Рабы же, естественно, не имели никакого права на веру, отличающуюся от веры того дома, к которому они принадлежали. *Все в первом столетии было против распространения истины среди бедных*. И все же истина росла и процветала, переходя из одного города Римской империи в другой. Римляне позволяли поклонение разным местным богам (у каждого города был свой бог покровитель), если это поклонение не мешало поклонению императору. И всё же писавшие Новый Завет говорят об еkkлeсии, как о самостоятельном, независимом городе, в котором поклоняются одному истинному Богу (Еф 2,19; 3,20; Евр 12,22; 13,14; Откр.21). Писавшие по вдохновению эти строки, должны были хорошо сознавать последствия. Дух Божий мог не вступать в такое открытое противостояние с этим миром, и все же между ним и народом Божиим прокладывается непреодолимая пропасть, о которой так открыто говорится в Новом Завете.

В первом столетии на рабов смотрели как на принадлежащее хозяевам, или хозяйке, тела. Именно по этой причине рабы в Откр 18,13 называются “тeлaми”. Они были самой обыкновенной собственностью, с которой ее владелец мог делать все, что хотел⁽¹⁾. Вполне вероятно, что Павел, когда писал о том, что у нас есть только один Господь, Христос, и

что наши тела не принадлежат нам, а только Ему, Его воле, думал как раз об этом. Ибо редко какой раб осмелится вести себя так, чтобы быть наказанным смертью, или, по крайней мере, поркой. Но даже, невзирая на такие суровые требования, Христианство быстро распространялось и среди множества рабов первого столетия.

Совершенно ясно видно, что несмотря на то, что женщинам не дозволено было учить братьев, они *все же* учили – учили либо неверующих, либо, как мы полагаем, других сестер. Для многих, живших в то время, благовестовавшая женщина была объектом анафемы. “От всеобщего обозрения у честной женщины должна храниться не только рука, но и голос, ибо она должна стыдиться быть услышанной... она может разговаривать либо со своим мужем, либо через него” (Plutarch, *Advice to Bride and Groom* 31-32). Совет же “учиться в безмолвии” был прямым вызовом женскому долгу верить в то, во что верил ее супруг, уделяя больше внимания домашнему хозяйству, нежели богословским вопросам. Так и одобрение Господом Марии, больше чем Марфы, шло в разрез обычаям и различиям по половому признаку тех времен. Вне всякого сомнения Христианки первого столетия были более свободны, нежели верующие женщины какой бы то ни было другой религии.

Платон считал, что ни один мастеровой человек не мог быть идеальным гражданином государства. От Аристотеля известно, что человек мог стать гражданином города Фивы только по окончании десятилетнего срока после того, как он бросал заниматься каким-либо ремеслом или торговлей. Цицерон полагал, что “никакая мастерская не создает никаких культурных ценностей”. И в это-то общество пришел Иисус! К рабочим, которые в своих мастерских на деле познавали ни с чем несравнимую Его духовность, а основателями религии была небольшая кучка таких же работяг из Галилеи. Воистину эти Христиане, состоявшие из женщин и рабов, перевернули мир первого столетия с ног на голову. А это могло быть только при условии собственного полного изменения личности, “чего-то такого”, что само обращало обыкновенные массы, а также, как мы знаем, и многих из аристократ.

Примечание

(1) Jennifer A. Glancy, *Slavery In Early Christianity* (Oxford: OUP, 2002).

5-4-5 Трудности Римских граждан

В Фессалониках и Филиппах сильное противостояние проповеди Евангелия было вызвано тем, что благовестие призывало поклоняться другому царю, не кесарю, а Иисусу, тем самым сильно отличаясь от имперских культов (Деян 16,21; 17,7). Так оно и было, ибо Христианство говорило, что обращенный становился членом нового, духовного Израиля. При этом не имело никакого значения, кем он был: Иудеем ли, Римлянином ли или язычником. Обращенный вливался в общую массу Христиан, ничем не выделяясь от них. Для Римского гражданина добровольно стать гражданином, жителем духовного Израиля, членом изгоев и рабов еврейского общества, было очень нелегко. Не участвовать в поклонении императору было опасно, ибо Римский гражданин, в таком случае, мог потерять все. Плиний писал, что Христиане поэтому “не могли, (ибо) им не дозволялось, участвовать в социальной жизни общества”. На них смотрели, как на живущих по Библейской истине настоящих Христиан: немного странные, необщительные, сторонящиеся мирских удовольствий, а потому и подвергающиеся косым взглядам тех, кто не отказывает себе в этих удовольствиях. “Христианину не к лицу посещать

гладиаторские бои, игры и представления. Ему не к лицу читать языческие книги. Он не должен числиться среди воинов, ибо тогда он может попасть в положение, которое не соответствует ни его правилам, ни его положению во Иисусе Христе. Ему не к лицу быть художником или скульптором, ибо эти занятия порождают идолопоклонство. Не может он быть и учителем в школе, ибо тогда он будет вынужден рассказывать ученикам аморальные истории о языческих богах. Христианину следует остерегаться заключать деловые сделки, ибо при этом необходимо произносить клятву, которую Христианин никогда не произносит. Ему не к лицу государственная служба, ибо и там присутствует идолопоклонство... и так далее”⁽¹⁾. Римляне смотрели на любого вне Римского мира, или на не принимающего Римских законов, как на варвара, тогда как благовестие призывало Римских граждан оставить все эти взгляды вместе с законами. Так Рамсей пишет: “Для Римлян *человечеством* было не все человечество вообще, а только живущие в Римском мире, живущие по Римским законам и правилам. Всё остальное было врагами и варварами. Получается, что Христиане были врагами цивилизованного человека, врагами обычаев и законов, по которым жило цивилизованное общество... они производили разделения в семьях, возбуждая детей против родителей”⁽²⁾.

Римский взгляд на вещи, как кажется, нарочно подвергался сомнению в благовестии Нового Завета, утверждая ценности Царства Божиего и Господа Иисуса, которые были диаметрально противоположны ценностям царства Рима и его господ.

Римская империя в сравнении с Царством Господа Иисуса

Динарий, монета бывшая в обращении во времена Иисуса, имела надпись: “*Tiberius CAESAR DIVI AUGusti Filius AUGUSTUS Pontifex Maximus*”. Из которой следовало, что кесарь – сын божий. Для Христиан же Господь Иисус был Единственным Единородным Сыном Божиим. Из чего следует, что не было другого единородного сына Божия, кроме одного истинно Сына Его (Ин 1,14,18; 3,16,18).

Кесарю нужно было поклоняться, как Богу (see L.R. Taylor, *The Divinity Of The Roman Emperor*). После смерти Юлия Цезаря (кесаря), его стали называть “Божественным Юлием”. Впрочем многие другие кесари были “воскрешены” на небесах, получив “Божественное” положение. “Но у нас (подчеркивается) один Бог Отец... и один Господь Иисус Христос” (1Кор 8,4-6). Звучит совершенно противоположно, как и все учение Нового Завета о воскресении Христовом и последующем Его славном обожествлении.

Римского проконсула необходимо было именовать “спасителем”. Для любого же Христианина был только один Спаситель, Господь Иисус.

“Господь – это кесарь”, - говорилось в Римской империи. Плиний писал, что он признает отказ признавать общепризнанное положение императора за преступление достойное наказания смертью. У нас же есть только один Господь – Иисус Христос – Иисус Мессия, презренного и странного еврейского народа.

Римское представление о *религии* позволяло любому народу иметь своих собственных богов, если при этом соблюдался культ поклонения императору. Однако в Рим 3,29 ясно говорится, что Бог Израилев был также Богом и язычников. А это резкий контраст представлениям Римлян о Боге Израилевом, Которого они ставили наравне со всеми другими национальными богами.

Кесарь был царем над многими царями и господом (господином) над многими другими господами. Этому в 1Тим 6,15,16 мы видим прямой вызов, ибо там говорится, что есть *только один* Господь господствующих и Царь царей – Иисус Христос.

Многие слова, относящиеся к поклонению кесарю, намеренно использовались в Новом Завете с той лишь разницей, что они относились исключительно ко Христу, показывая и доказывая их единственно правильный смысл. Так всем было хорошо известно, что такое “*евангелие*” – понятие определявшее благие (хорошие) вести с поля сражения, принимая которые, следовало благодарить и восхвалять за них кесаря. Поклонение императору под этим словом подразумевало так же возвешение народу не только о победах кесаря, но и о его дне рождения, о его вступлении на престол, о его *спасении*, дарованном им его народу... В Евангелии же от Марка греческое слово “*евангелие*” употребляется с особым окрасом, дабы лучше выделить разницу с тем, как оно использовалось в поклонении императору. Это – благие вести о рождении, победе, воскресении и Царстве Господа Иисуса, “*евангелие*”, призывавшее людей к самопожертвованию.

Большая семья (дом) императора именовалась, в соответствии с именем самого императора, особым именем. Так во времена императора Августа, все его далекие родственники и преданные рабы, назывались Августинами. Было большой честью принадлежать к императорскому дому и носить его имя. Наименование “Христиане” было придумано в Антиохии, как пародия на Римский обычай. Эти люди имели честь принадлежать другому имперскому дому, были родными и рабами другого императора, имя которому Христос. Это имя было открытым вызовом существующей имперской системе. Некоторые кесари, такие как Гай, Нерон и Домициан считали, что они заслуживают божественных почестей не только после смерти, но и при жизни, а потому и хотели, чтобы их и принимали как посредников между богами и Римскими гражданами. Те места в Новом Завете, где говорится и высочайшем положении Христа, были написаны не только для того, чтобы верующие в “Троицу” имели так называемые “доказательства”. Они преднамеренно писали о “превознесении” Господа Иисуса, о том, что только Он один стал Божеством и вознесся после Своей смерти, и как Он, даже при жизни, был достоин поклонения, которое достойно одному лишь Богу, Которого Он являл, бив образом Отца Своего Небесного, и что только Иисусу, а не кесарю, была дана настоящая власть не только на земле, но и на небесах. Что *только* Он один, а не кесарь, был посредником между Богом и людьми. Да и Сам Господь, говорил, что кесарю нужно было отдавать *честь*, но не поклонение.

Несмотря на то, что восторженное Фомы, “Господь мой и Бог мой”, можно объяснить произвольно вырвавшимися словами восхваления, позвольте предположить, что за этими словами скрывается нечто большее. Думаю, что он тем самым пытался процитировать слова из Пс 34,23: “Подвигнись, пробудись для суда моего, для тяжбы моей, Боже мой и Господи мой!” Господь Иисус, действительно пробудился и подвинулся в воскресении, и Фома понимал, что в данный момент, для его суда. Если повнимательнее приглядеться к словам псалма, то можно увидеть, что он описывает кой-какие мысли Самого Господа Иисуса. Так Ему хотелось, чтобы Бог пробудился ради Него Самого. Теперь же Фома думал точно так же, как его Господь, но уже по отношению к Иисусу. И в этом состоит самое что ни на есть настоящее явление Яхве, когда отношения между Отцом и Сыном становятся также отношениями верующих, воплощаясь в их отношениях с восставшим Господом Иисусом. Впрочем, возможно, Фома имел в виду Пс 90,2: “Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: “прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!”” Название Фомой Иисуса, “Господь мой и Бог мой”, вполне могло быть так же и пародией на обращение к императорам, особенно это касается Домициана, который требовал называть

себя, “*Dominus et Deus noster*”, “наш Господь и наш Бог”. Так что получается, что Фома сказал очень опасные слова, назвав Господа Иисуса так, как полагалось называть исключительно живых кесарей Римской империи. Но именно так на деле и должны мы превозносить своего Господа Иисуса! Так же еще хочется отметить, что в Ветхом Завете (в переводе 70-ти) словосочетание “Яхве Элохим” обычно переводится, как “Господь, Бог мой”. Думаю, что Фома в воскресшем Иисусе мог увидеть и воплощение имени Яхве Элохим. Или же Фома мог увидеть в Господе исполнение Его же собственного пророчества, записанного в Ин 8,28: “когда вы вознесёте Сына Человеческого, тогда узнаете, что Я есмь” (перевод еп. Кассиана), когда ученики, наконец-то, полностью осознали значение слов, “чтобы все чтити Сына, как чтут Отца” (Ин 5,23). Таким образом, в любом случае, слова Фомы были одинаковым богохульством как для Римлян, так и для Иудеев. Так что истинное понимание превознесения Господа Иисуса, ставит нас в такое исключительное положение, которое не понимается и не принимается никем, кроме тех, кто на самом деле пребывает в Нем.

Имена Римских императоров требовали к себе большого уважения. Культ поклонения императору в первом столетии был очень силен. Однако в Откр 13,1 имена глав зверя, в то время относящиеся к Римской империи первого столетия, названы *именами богохульными*. Давать Божественные имена императору для Иудеев и Христиан, означало богохульство (Дан 11,36; 2Фес 2,4), а это должно было ставить Апокалипсис вне закона. Задумайтесь о том, как ясно сказано о зле поклонению императору в Откр 13, об *одной из голов*, что было противоположно истинному Христу. Как и Агнец, который был убит, и после воскрес (Откр 5,6), зверь также исчезает, но потом оживает вновь (Откр 17,8). Это место можно отнести к вполне определенным историческим событиям, к таким, как убийство Цезаря и исцеление империи при Августе; или же с легендой о *Нероне*, по которой верили, что он ожил из мертвых. Чудесное исцеление зверя побуждает к восхищению пред ним и возбуждает обожание к нему и дракону (Откр 17,8). И это – намек на быстрый рост культа поклонения перед императором и готовность следовать аморальным примерам императоров. Зверь, выходящий из земли (Откр 13,11-18), похоже, говорит о культе поклонения императору, ставшим столь популярным в Римской империи, и говорит голосом дракона (ст 11), от которого он получил всю власть, стараясь быть похожим на Агнца (ст 12,13). Похоже, что это – олицетворение антихриста, воплотившегося в языческом священстве, понуждавшем всех поклоняться императору. Из этих размышлений можно видеть, насколько радикален был Апокалипсис для первого столетия.

“Образ зверя” (Откр 13,14) должен был быть образом обожествленного Римского императора. “Рана от меча” (Откр 13,14), возможно, намек на смертельную рану, нанесенную самому себе Нероном в 68 г. Н.Э. Нерон “ожил” во времена гонений при Домициане (Tertullian, *Apol.* 5). Обратите внимание на то, как раненый и умерший “зверь”, вновь оживет (Откр 17,8). И все это – иносказание о том, что произошло с Нероном. Образность повествования дает картину воплощения империи в одном человек, в императоре.

Зверь в Откр 17,3 был преисполнен “именами богохульными”. Заметьте, что не только на головах (Откр 13,1), но он был весь в них. Т.е. всю империю целиком удовлетворяли высокие звания императора, которые до сих пор еще можно встретить на уцелевших фресках, скульптурах и монетах. Золотая чаша блудницы (ср. Откр 18,6 с Иер 51,7) была наполнена идольскими куклами и римскими пороками, что совсем не подобает красоте и великолепию убранства жены. А потому эти пророчества были открытой критикой Римской империи, среди которой находилась первая еkkлeсия. Рим говорил, “сизу царицею”. И главным грехом Рима, впрочем как и всех языческих империй, является

убеждение, что все их достижения ни что иное, как их собственные заслуги и ни чьи больше. И, пожалуйста, обратите внимание, что рассматривая исполнение пророчеств Апокалипсиса в первом столетии, я совсем не исключаю их исполнения как в дальнейшем ходе истории, так и в последние дни.

Таким образом изображение Римской империи предстает пред нами в ужасном виде. Но это был тот мир, в котором жили и возрастали первые верующие. Другого мира они не знали. И все же Откровение призывало их выйти, бежать из этого Вавилона (Рима), т.е. отказаться соучаствовать в Римских грехах. Павел понимал образность такого выхода (1Кор 5,10), как и мы понимаем его, и также видим всю незаконность окружающего нас мира, а потому, по совету Апокалипсиса, выходим из него. Описание Римской торговли в Откр 18 говорит о кажущейся устойчивости Римской экономической политики, охватывающей и принимаемой во всем мире. И все-таки она рухнула при Божественном осуждении. Также обратите внимание на то, как все это подходит и к Иерусалиму, к городу антиподу Рима, однако в котором происходили те же самые мерзости, а потому и подлежащие тому же осуждению.

По-моему печати и чаши Откровения настолько тесно связаны с Гефсиманским пророчеством и с событиями 70-го года Н.Э., что просто невозможно пропустить толкование Откровений с этой точки зрения. А это значит, что Апокалипсис был написан незадолго до 70 года. Главное, о чем в нем говорится то, что верным необходимо противостоять поклонению императору и отделиться от окружающего их мира. Вся книга Откровений может читаться с мыслью о противопоставлении между Христом и кесарем. И это оправдано тем, чтобы лучше дать понять, что третьего пути нет. Либо ты с кесарем, либо с Христом. Так в Откр 4,5 дается описание небесного престола, но именно так выглядел и императорский престол! Сравните общность и противоположность этого.

- Греко-Римские цари должны были почитаться богами и их тронные залы создавались круглыми, с царским престолом посередине – точно так же, каким является устройство настоящего престола.

- Прислуга часто состояла из 7 или 12 человек, в соответствии с 7 известными тогда планетами и 12 знаками зодиака. Сравните это с 7, 12 и 24 (2 x 12) в Откр 4,4,5,10; 5,6-10.

- Прислуга пела дифирамбы кесарю (ср. с Откр 4,8-11; 5,9-14).

- От кесаря на всю империю (царство) исходили суд и справедливость, образно показанные книгой в Откр 5,1-8.

- Такие слова, как Бог, Сын Божий, день Господень, Спаситель мира, также произносились при поклонении императору⁽³⁾.

Можно лишь напомнить, что и в наши дни в нашем обществе, как и в первом столетии, существует достаточно много систем и вер, отделяющих нас от мира сего. Мимо такого противостояния нельзя проходить, не обращая на него внимания.

Самым известным и общепринятым представлением в Римской империи было *Pax Romana* - мысль о том, что Римская империя несет мир и счастье всем, признающим ее власть и царственность. Однако в Новом Завете подчеркнута сознательно и многократно говорится о том, что всеобщий мир и благоволение может прийти к человечеству исключительно через благовестие и царствование Иисуса.

В то время некоторым Римским властителям нравилась мысль Платона о том, что земля должна принадлежать государству, и что граждане его должны добровольно отдавать ее государству. Но и в Деян 2,44; 4,33 используются точно те же мысли, что в “Республике” Платона: “И никто ничего из имения своего не называл собственным, но было у них всё общее”. Так ранняя церковь на деле воплощала утопические идеалы Римской империи!

Самым желанным для человека в Римской империи было быть Римским гражданином. В Флп 3,20 утверждается, что мы все жаждем гражданства. В Евр 11,13-16 написано то, что всегда было трудно принять, и особенно, в первом столетии, когда настоящим отечеством была Римская империя, а истинным городом, в который все стремились, был Рим. Как же тяжело Римским гражданам после чтения этого места было искренне говорить “аминь”! И насколько же тяжело было Римским гражданам, а также тем, кто хотел стать таковыми, было понять, что самой высшей славой для человека было стать причастником “общества Израиля” (Еф 2,12), этого заброшенного, всеми позабытого и презренного закоулка великой Римской империи. Однако призвание Христа звучит так же вызывающе и требовательно в 21-м столетии, как и в первом.

Описание затмения солнца во время смерти Господа, намеренно напоминают о существовании общепринятого в то время поверья о том, что затмение солнца происходит в момент смерти императора. Так Плутарх (“Кесарь”, 69.4) и Иосиф Флавий (“Иудейские древности”, 14.12.3,409) упоминают затмение солнца во время смерти Юлия Цезаря. Таким образом истинным кесарем Новым Заветом провозглашается Господь Иисус. Так же писалось, что во время падения Александрии перед Римом, “были видимы бестелесные духи мертвых” (Cassius Dio *History* 51.17.5). Однако в Евангелии совершенно ясно сказано, что “гробницы открылись; и многие тела усопших святых восстали” во время победы Господа.

Мартин Хенгель считает, что первые Евангелия были настолько необычны, что вполне могли называться “подпольной литературой”, предполагая, что Римские законы должны были под страхом смерти запрещать любые разговоры, а тем более письменные произведения, о падении Римской империи. Так что одного Гефсиманского пророчества было достаточно для того, что все Евангелие попало под запрет⁽⁴⁾.

Социальные проблемы

То, что Христианство подразумевает под собой обращение *личностное*, влечет за собой, при условии обращения одного члена ее, как и предсказывал Иисус, разделение в семье. В 1Кор 7 говорится о случаях, когда жена принимала Христианство, а муж – нет. Однако общество требовало от нее почитания мужа за главу семейства, а потому можно представить себе все вытекающие проблемы, создававшиеся Христианством. Вот почему Христианство всегда подвергалось оговорам и клевете. Эта религия, без храма и без священников, казалась странной и подозрительной. Как и в наши дни многие обращенные настоящие Христиане подвергаются насмешкам за то, что у них нет ни построенных церквей, ни священников, ни всего прочего, присущего остальным конфессиям. На первых Христиан клеветали, сравнивая их хлебопреломление с каннибализмом, с поеданием мертвого тела, “вечери любви” назывались распутными собраниями, да и само стремление Христиан любить друг друга, подлежало гнусным насмешкам. Христианское отделение от мира сего, называлось, и называется “ненавистью ко всему человеческому”. И самое грустное то, что сами Христиане, такие как, например, в Коринфе, давали веские основания для подобных нападок.

Примечания

- (1) Michael Green, *Evangelism In The Early Church* p. 40 .
- (2) W.M. Ramsay, *The Church In The Roman Empire* p. 236.
- (3) These and many other links can be found in David Aune, “The influence of Roman Imperial Court Ceremonial on the Apocalypse of John”, *Papers Of The Chicago Society Of Biblical Research* 28 (1983): 1-26.
- (4) Martin Hengel, *Studies In The Gospel Of Mark* (London: SCM, 1985) p. 28.

5-4-6 Привлекательность Иудаизма

Из Посланий к Римлянам и Галатам видно, что у Христиан из язычников существовало сильное стремление соединиться с Иудаизмом. И мы знаем, что многие из обращенных Иудеев вскоре вернулись обратно в Иудаизм. Людям недостает веры, ибо гораздо легче думать, что прощение грехов можно получить через жертвоприношения и через храмовое служение священства, чем просто *через веру*, что оно *уже* получено через Человека, по имени Иисус Христос, Которого ты никогда не видел, и теперь все, что от тебя требуется, это по-настоящему верить в Него и жить достойно Его. К тому же нужно помнить, что Риму было не выносимо само происхождение Христианской религии, ибо для Рима была хороша любая религия до тех пор, пока она включала в себя поклонение императору. Христианство же не принимало этого, признавая лишь одного Господа – Иисуса. А потому слова, “один Господь, одна вера”, были вызовом Риму. Похоже, что от обращенных в те времена требовалось публичное исповедание при крещении своей веры и признания “Господа Иисуса”. Единственным исключением во всей Римской империи, кому дозволялось не поклоняться кесарю, были Иудеи. Иудеи не призывались в Римской империи в армию⁽¹⁾. Им позволялось иметь собственный сенат и суд. Их социальные привилегии часто вызвали восстания и бунты в таких городах, как Александрия, где была крупной Иудейская диаспора. Их синагоги радостно принимали прозелитов (обрезанных из язычников) а также “боящихся Бога” (необрезанных язычников), так что Христианам из язычников было не тяжело пристать к ним. Но для настоящих Христиан это совсем не подходило, ибо Сам Господь говорил, что их должны были не приглашать, а изгонять из синагог.

Апостолы встречали сильное сопротивление, пытаясь обратить Иудеев в Христианство. Небольшая горстка, не имеющих никакого Иудейского образования, пыталась исправить теологию и храмовые службы религиозных начальников там, где так почитались и уважались хранящие предания отцов старцы и книжники. И все же “и из священников очень многие покорились” их благовестию. Их понимание Мессии было координально противоположно Иудейскому пониманию, которое ожидало Царя-освободителя от Рима. Они никак не могли принять Мессию, как Сына Божия, превознесенного до уровня Иисуса. Они не могли понять Его духовных достижений, необходимых для спасения. В Мессии они видели не совершенного Спасителя от грехов, а воплощение победы каждого Иудея. Христианство предлагало Израильского представителя в виде распятого плотника и учителя. Они же видели в Мессии освободителя, например, такого, о каком было написано в *Псалме Соломона* (около 50 г. до Р.Х.).

“Зри, Господь, восставь им их царя, сына Давида,
Опяшь его силой, рассеяй неправедных князей,
Очисти Иерусалим от народов, попирающих прах его”.

К тому же в Христианском учении существовало нечто, что было совершенно противоположно Иудаизму. Быть Христианином означало, переносить от Иудеев то, что они сотворили Иисусу. Вместо субботы для поклонения был избран первый день недели. Законы о еде были названы Павлом “немошными и бедными вещественными началами”. Иудеи ненавидели Христианство, что видно из волнений среди них при слышании благовестия в синагогах, а также из тех гонений, в которых они участвовали в Иерусалиме, Дамаске и по все Ахии (Откр 2 и 3). Иудею было тяжело принять необходимость своего крещения, ибо язычники делали то же самое, при своем обращении в Иудаизм.

Еще одним серьезным преткновением для принятия Христианства Иудеями было то, что, по их понятиям, молитвы и богослужения должны были происходить в Иерусалимском храме. И это было одним из главных препятствия для Иерусалимских евреев, обратившихся к Христу. Поначалу верующие продолжали посещать храм для молитв, но позже, как о том намеренно подчеркнуто в Деяниях, все чаще упоминаются молитвы верующих не только в храме и синагогах, но и в обычных домах верующих. В некоторых местах говорится одновременно как о поклонении в храме, так и о поклонении в доме. Похоже, что Лука особо подчеркивал важность домашней молитвы. Так о Корнилии сказано, что он молился дома около девятого часа, а это был час молитвы в храме (Деян 10,3,30). В молитве, записанной в Деян 4,24-31, говорится о Боге, сотворившем “небо и землю и море и все, что в них”, т.е. употребляются слова классической храмовой Иудейской молитвы. А это говорит о том, что такие молитвы уже должны были произноситься *не* только в храмах и *не* только Иудейскими священниками. К тому же существуют еще свидетельства и помимо Библии (от Тертуллиана, Оригена и Киприана), что ранние Христиане молились в третий, шестой и девятый часы, а это было время молитвы в храме! Для любого Иудея было почти невозможно вместить, что его скромное жилище, его обычный дом (именно поэтому Лука так часто и намеренно упоминает молитвы по домам) был домом Бога. Теперь им нужно было усвоить, что их собственные дома являются домом молитвы, и забыть то, что на протяжении многих веков в них вдалбливали, что “домом молитвы” является храм (Ис 56,7; 60,7 - в переводе 70-ти; см. церковнославянский). Чтобы принять такие близкие отношения с Отцом Небесным, нужно было иметь по-настоящему большое мужество и только обладавшие им становились истинными Христианами. Впрочем, как раз такие пугающие высоты у многих и вызывали вдохновение.

Примечание

(1) Иосиф Флавий, “Иудейские древности”, 14.10.8.

5-4-7 Другие причины для неприятия Христианства

В первом столетии, как для Иудеев так и для язычников, ничто новое не могло быть истинным. Предания и передаваемые из поколения в поколение традиции были установившимся порядком тех дней (впрочем, как и наших) там, где истина только начинает распространяться. Тогда истина была осмеяна греческими интеллектуалами, чьи предания заполнили весь мир первого столетия. Для них была недопустима и отталкивающей сама мысль о том, что вся “истина” может быть сосредоточена всего лишь в одном Человеке. Когда Иисус называл Себя “Истиной”, и когда Павел писал в Послании к Колоссянам, что в Нем “сокрыты *все* сокровища премудрости и ведения”, то они как раз говорили то, что совершенно не могли принять эти люди. Но ведь то же самое относится и

к нам сегодняшним. Ни одна другая религия сегодняшнего мира не требует от своих членов такого высокого этического уровня, точно так же, как это было и в аморальной Римской империи, где подавляющее большинство жило ради “хлеба и зрелищ”. В первом столетии первым признаком конца общества (империи) были, насквозь пропитавшие все слои общества, изнеженность и, уживающаяся с грубостью, эгоистическая похоть. Высокие моральные требования Христианства не могли быть приняты большинством, “берущим от жизни всё”. Так что мир 1-го столетия мало чем отличался от мира нашего. В 1-м веке также существовало и богатство, однако существовало оно бок о бок с крайней бедностью. Изысканные магазины и рестораны на любой утонченный вкус можно было найти тут и там, а в многочисленных театрах можно было в любое время посмотреть эротическое, развращенное и довольно вульгарное представление. Гонки колесниц в Риме напоминали спортивные состязания наших дней, а баснословные гонорары чемпионов, были такими же немислимыми, как и сегодня. Погонщики колесниц в те времена продавали себя точно так же, как ныне себя продают футболисты.

Несмотря на все неприятия Христианства, благовестие и моральные требования Христа остаются все такими же неизменными, а потому и привлекательными не только в первом столетии, но и в наше время. В греко-римском мире половая распущенность была в порядке вещей. На тело смотрели, как на первопричину самого зла, а потому все, что ни делалось с ним, не было ни существенно, ни важно. Благовестие же призывало посвятить свое тело Господу (1Кор 6,13), призывало к чему-то доселе неслыханному. Так же и Павел помещает в Гал 5 половые грехи на первое место, а в Послании к Коринфянам говорит, что грехи, совершаемые в теле, на деле являются самыми тяжкими грехами. И всё это было совершенно противоположно миру, в котором проституция и половая распущенность, были почти неотъемлемой частью религиозного поклонения. И все же Христианское учение о целомудрии привлекало людей как раз тем, что оно было столь противоположно общепринятым понятиям. Впрочем, можно быть уверенным так же и в том, что для подавляющего большинства людей то же целомудрие становилось препятствием для принятия Христианства. И это является одним из примеров, когда Христианство сознательно образует широкую брешь между собой и миром. Задумайтесь над тем, как Евангелие намеренно делало себя совершенно неприемлемым для подавляющего большинства. Подумайте о том, как в Гал 3,27-29 утверждается, что больше нет ни Иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины - намеренно напоминая об Иудейской утренней молитве, в которой Иудей благодарил Бога за то, что он не был рожден язычником, а раб за то что он не женщина.

“Грехом” почиталась исключительно ритуальная нечистота, тогда как Христианство проповедовало понятие всеобщего и всепоглощающего человеческого греха против Самого Господа Бога. Самопожертвование и вера были в то время совершенно новыми понятиями. Да и работающее население тогда не было готово принять Христа. Их социальное положение и экономическое состояние напрямую зависело от принадлежности к союзам и объединениям, которые в то время основывались, как правило, на базе языческих храмов. Выйти из поклоняющегося бесам объединения, означало лишиться твердого дохода. И все-таки первые братья безбоязненно говорили о необходимости оставить поклонение идолам. Чего бы это ни стоило. И люди слушали их и крестились.

5-5-1 Причины распространения Христианства в первом столетии

Ввиду всех этих препятствий на пути распространения благовестия в первом столетии, должны были быть какие-то веские причины для его распространения. Мы начали с того, что отметили, что желание Божие на распространение благовестия в первом веке было не сильнее, чем во все остальные времена. Если Евангелие, на самом деле, “сила Божия ко спасению”, тогда не может быть, чтобы Бог в каком-то отдельном веке прибавлял этой силы, а в другом убавлял. Остается сделать вывод, что в первом столетии способ и то, о чем говорили те проповедники, были настолько привлекательны для людей, что они преодолевали все препятствия. И еще одно. Похоже, что нет никаких Библейских доказательств тому, что члены первой церкви смотрели на свою деятельность, как на свет, который они несли миру. Их главные “столпы”, такие как Петр, Павел, Стефан, были прежде всего проповедниками, а не теологами и администраторами, ибо они использовали любую возможность для благовестия. Так Павел, когда его линчевали в Иерусалиме, обратился к толпе со ступенек с речью. Когда он был болен, то воспользовался своей болезнью, чтобы проповедовать Галатам. Он, и такие как он, использовали любой случай, чтобы послужить благовестию.

Молитва в первом столетии

Не приходится сомневаться в том, что успех распространения Христианства в первом столетии во многом зависел от усиленной молитвы. Лука, как в Евангелии так и в Деяниях, придает молитве очень большое значение⁽¹⁾. В его Евангелии о молитве говорится чаще, нежели в любом другом Евангелии. В его повествовании молитве уделяется особое место, утверждая простую мысль, что Бог благоволит и споспешествует только тем, кто молится Ему.

Примечание

- (1) Эта особенность более глубоко рассматривается F. Plymale, *The Prayer Texts of Luke-Acts* (New York: Peter Lang, 1991).

5-5-2 Пример сообщества

Современники отмечали бросающуюся в глаза *любовь* первых верующих. Так они собирали помощь для дальних и ближних более бедных, чем они, братьев, продавая ради этого свои дома и земли. Молитва всего собрания за брата пребывающего в узах, искренняя забота друг о друге... всё это сильно отличало их от привычных в то время “религий”. И всё это было во исполнение Господней глубокомысленной молитвы из Ин 17 о том, что Его смерть повлечет любовь и единение, обращающее мир т.е. всех тех, кто получит благодать после Его смерти. Нам же просто нужно спросить себя, видна ли всему остальному миру *наша любовь*? Когда наш брат в Тринидаде был приговорен к смертной казни, верующие всего мира писали письма властям с просьбой о помиловании. По моему, это был настоящий живой пример силы истины. Один человек, работая на почте, обратился, видя как много писем со всего мира получает бедная сестра, живущая в Казахстане. Посетители Библейских Школ иногда видят любовь и настоящее семейное объединение между нами, которые являются для них доказательством того, что мы стоим на истинных основах. Однако примеров подобного рода должно быть во много раз больше. Я боюсь, что наша разобщенность, поведение некоторых из нас, которое напоминает поведение любого из Протестантских сообществ... могут отвратить многих от нас. И все же для нас, которые по-настоящему содержат истину Божию, должна быть чистота не только в учении, но и в любви, и в заботе друг о друге, и в единстве между

собой, которые сразу же должны привлекать внимание к нам людей, притягивая их к нам. В мире кажущейся любви и псевдозаботы, настоящие Христиане обязаны являть в себе миру сему настоящие любовь и попечение. Наше отличие от всех остальных должно отражать наше теологическое отличие от всех остальных церквей. Иногда, время от времени, такое в нашем сообществе случается! Однако, почему это должно происходить иногда и только с некоторыми из членов нашего сообщества, а не всегда и везде, и со всеми?!

5-5-3 Собrania в домах первого столетия

Было бы неверно полагать, что в первые дни Христианства в Иерусалиме, первые обращенные были обращены на больших собраниях и великими евангелистами, такими как Петр. Есть веские основания считать, что подобные обращения были не правилом, а исключением. Ибо в Римской империи собирать такой величины собрания было запрещено. К тому же, вплоть до 2-го века, нет ни одного археологического свидетельства в пользу того, что у Христиан были особые строения для собраний. Отсюда следует, что основная масса Христиан в 1-м столетии образовалась от личного свидетельства и из домашних церквей. В Деяниях об этом упоминается лишь кратко. Например, рассказывается о группе верующих, образовавшейся вокруг Лидии. И главное, нам говорится, что именно такими, в основном, были Христианские собрания. Евангелие благовествовалось домами, такими как дом Иасона в Фессалониках (Деян 17,5), Тита Иуста и Стефана в Коринфе (Деян 18,7; 1Кор 1,16; 16,15), Филиппа в Кесарии (Деян 21,8), Лидии и темничного стража в Филиппах (Деян 16,15,32-34), дома матери Иоанна Марка в Иерусалиме (Деян 1,13; 12,12). В Деяниях очень много говорится о распространении благовестия от одного дома к другому, от соседа к соседу, от друга к другу. Многие истории повествуют о том, как постепенно рабами, или гражданами средних слоев Римского общества, были обращены верхи, элита общества. И это было против светских уставов, по которым хозяин дома должен был быть одновременно и главой, определяющей религиозное поклонение всех остальных членов дома, тем более рабов. Но такова уж была сила свидетельства тех Христиан, что она все в этом обществе переворачивала с ног на голову.

5-5-4 Свидетельство на рабочем месте

Ранние Христиане обращали других свидетельствуя в своей обычной, повседневной жизни. Обратите внимание на то, как говорит Павел о том, что именно во время своих повседневных занятий, он обратил так много людей: “Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: *ночью и днем работая...* мы проповедывали у вас благовестие Божие” (1Фес 2,9). Есть свидетельство того времени, которое гласит, что Христианство привлекало к себе “только безумцев, низких и глупцов... только рабов, женщин и младенцев... (Христианские благовестники) были прядильщиками, мусорщиками, прачками и самой необразованной деревенщиной (возмущавшей)... детей и глупых женщин (приходивших)... в прядильню, в прачечную или на свалку, чтобы научиться совершенству”⁽¹⁾. Это очень сильно напоминает 1Кор 1, где Павел говорит об обращенных как раз из такого сословия. И все же свидетельство росло и распространялось именно в процессе обычной, повседневной жизни. Не из специально построенных зал, а с рабочих мест. И именно так и должно быть. Ведь именно по этой причине Плиний писал, что

Христианство “проникло не только в города, но и в деревни и села”⁽²⁾. Так отдельные люди обращали отдельных людей.

Пример ранних Христиан, особенно то, как они себя вели во время преследований и смертельных гонений, привлекало к ним других. Фессалоникийцы были убеждены, что учение, преподанное им Павлом, благодаря Павлу же было не человеческим, но Божиим, о чем говорили и его жизнь, и самопожертвование, и его любовь и забота о них (1Фес 2,1-14). Павел говорит, что они и сами стали примером для всех верующих в Македонии и Азии, тут же говоря, что Евангелие разошлось по тем же самым районам, Македонии и Азии (1Фес 1,7,8). Их пример был примером благовестия. Так Павел предупреждал Коринфян, что только церковь, явившая себя в единстве, члены которой распоряжаются дарами благопристойно и чинно, может привлечь к себе неверующего в истину (1Кор 14,23 и контекст). Всё это было построено на ясном изложении Господа того, что единство церкви может привести людей к познанию Его благодати и истине (Ин 17). Именно по этой причине в Деяниях о удивительно быстром росте первой церкви рассказывается вкупе с тем, что “все верующие были вместе и имели всё общее”. Массовые обращения закончились, когда появились примеры подобные Анании с Сапфирию (Деян 5) и проблемы с разделением потребностей (Деян 6). Пока существовало настоящее искреннее единство, к истине обращались тысячи.

Примечания

(1) Quoted in Henry Chadwick, *Contra Celsum*, Cambridge : C.U.P., 1965, pp. 158,165.

(2) Quoted in Betty Radice, *The Letters Of The Younger Pliny*, Harmondsworth: Penguin Books, 1969.

5-5-5 Свидетельство о единство Христиан первого столетия

Гамалиил очень верно заметил, что любого не настоящего Мессию можно узнать по тому, что все его ученики, как это было в случае Февдой, “рассеялись и исчезли”, или же “рассыпались”, как это было в случае с Иудой Галилеянином (Деян 5,36,37). Тем самым он подразумевал, что так же и все последователи Иисуса разъединятся, если Он не настоящий и законный Сын Божий. А потому единство сообщества является свидетельством Его реальности и законности. Так - как это было в первом столетии.

Связь между святой жизнью и эффективностью проповеди видна из следующих слов Юстина: “Мы, которые прежде находили удовольствие в блуде, ныне почитаем исключительно одно целомудрие; мы, которые прежде занимались волшебством и гаданиями, ныне посвятили себя доброду и нерукотворному Богу; мы, которые прежде ценили прежде всего приобретение богатств и имений, ныне приносим все, что имеем в общий котел, разделяя каждому по нуждам его; мы, которые прежде ненавидели и уничтожали друг друга только потому, что другой был из другого рода и колена, ныне, с пришествием Христовым, живем все вместе, молясь за врагов наших и терпя поношения несправедливые от ненавидящих нас за добрую жизнь по законам Христовым, дабы и они могли стать соучастниками нам в той же радостной надежде на награду Божию” (“Первая Апология”, 14). Подлинная любовь настоящих Христиан, показанная в противоположность этническим чисткам в бывшей Югославии и в районах Центральной Африки, также была могучим свидетельством этому миру. Наша же разобщенность даст,

и дает, обратный эффект, понижая силу нашего свидетельствования, что произошло и во 2-м столетии.

О том времени написано (не богодухновенно) во 2-м Клементя 13,3: “Ибо, когда язычники из наших уст слышат изречения Божие, они дивятся их величественной красоте; за тем, познавая, что наши дела не достойны тех слов, которые мы говорим, они обращаются от своего удивления к богохульству, говоря, что все это лишь басни и обман”. Всевозможное богатство благих дел, которые были совершены духом Христовым, потеряли свою значительность благодаря церкви, откращивающейся от них, например, в результате блуда. *Аганэ* первых верующих, которая являлась людям различными способами, была утеряна. Точно того же стоит опасаться и нашему сообществу. Мы можем не грешить великими грехами, но можем потерять любовь, являемую делами. Когда читаешь о 2-м веке, то складывается впечатление, что радость куда-то ушла из Христианства, хотя в Новом Завете четко написано о необходимости радоваться при обращении, и о сохранении этой радости до конца (напр., Деян 8,8; 13,52; 15,3). Эта радость должна служить видимым доказательством подлинности благовестия. Она не должна была убывать. Для Иоанна не было большей радости, чем услышать, что его дети ходят в истине (3Ин 1,4). Павел говорил, что Фессалоникийцы были его славой и радостью (1Фес 2,19). Есть огромная радость в обращении кого-нибудь и в его дальнейшем духовном росте. Первая церковь состояла почти целиком из одних обращающихся. Это должно было быть удивительным местом, которое само зиждилось на своей собственной энергии, энергии, которая так сильно привлекала к себе людей. Естественно, между силой свидетельства и Святым Духом есть определенная связь. Сам Дух свидетельствует о Христе (Ин 15,26), но о Нем же свидетельствуем и мы. Очевидно, что мы сегодня не обладаем чудесными дарами Святого Духа и вся наша духовность исходит от слова Божия, действующего в нас. А потому Дух свидетельствует в нас духом Христовым о радости, мире и любви в каждом из нас, а значит и во всем сообществе, являя окружающим привлекающую к себе людей истину, точно так же, как то было в первом столетии, с той лишь разницей, что у них были дары Святого Духа, а у нас нет. Так Павел писал Фессалоникийцам, “что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе и во Святом Духе, и со многим удостоверением”. “Удостоверение” - сила Духа Христова, притягивавшая достоверностью проповедников слова Божия. О том же говорится и в 1Кор 2,4-5: “И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша [утверждалась] не на мудрости человеческой, но на силе Божией”.

Особенно необходимо отметить единство Иудеев с язычниками. Сохранилась запись письма, написанного в то время. “Здесь живет смешанное население, большинство из которого составляют евреи, а остальной чужеземцы, которые прилепились к ним, как паразиты, из близлежащих земель”⁽¹⁾. Также существует еще множество свидетельств о существовавшей ненависти между Иудеями и язычниками. “Вражда” между ними удалялась только и исключительно во Христе (Еф 2,11; Кол 3,11; Гал 3,28). И такое свидетельство было настолько необычным, насколько и привлекающим внимание. Однако, увы, оно продолжалось не очень долго. Застарелое чувство вражды скоро разрушило их единство.

Необычное единство между первыми верующими оставило свой отпечаток даже на особенных словах и выражениях, употребляемых ими между собой, что было совсем не типично для любой другой религии этого мира, ибо это было признаком необычайного единения в любви. Такие понятия, как “эклесия”, “избрание”, “призвание” и прочие, приобрели новое и особое значение. Так слово “эклесия”, которым обычно называлось всеобщее собрание свободных граждан какого либо греческого города, приобрело у

Христиан более возвышенное, особенное значение. Слово “*Христос*” для простого грека ничего, кроме “помазания”, не означало, тогда как среди Христиан, оно означало Мессию.

На крещение в то время смотрели, как на главную разделительную черту между церковью и миром, что вело к еще более прочному единению Христиан первого столетия. Иудеи “крестились” часто и по различным поводам, тогда как для Христианина крещение было одним и означало переход его от “грязи” жизни мира сего к чистой жизни в сообществе во Христе. О людях этого мира в Новом Завете говорится, как о “внешних” (1Кор 5,12,13; 1Фес 4,12; Кол 4,5), как о тьме, как о не имеющих надежду и живущих без Бога, в сравнении со светом и надеждой, существующими внутри сообщества (1Фес 4,5; Гал 4,8; 2Фес 1,8). Вспомните, что в первом столетии настоящих атеистов было совсем немного, ибо каждый поклонялся какому-нибудь своему богу. И все же об этом мире говорится, как о мире совсем незнающим Бога. Из 5-й и 6-й глав 1-го Послания к Коринфянам видно, что о Христианском сообществе говорится как о чистом и святом, в противоположность мировому, которое нечисто и невежественно. Удалявшиеся от веры не просто уходили, они подвергались анафеме (1Кор 16,22), отлучались в руки сатаны мира сего. А из этого следует, что внутри сообщества с такими тесными связями существовали и тесные отношения между его членами. Новообращенные ощущали в сообществе такое чувство радости и избрания (1Фес 1,4,6), какое не было доступно ни в какой другой религии мира. Это объясняет почему Павел “души не чаял” по отношению к обращенным (1Фес 2,8 современный перевод) и почему он чувствовал, что разлучался с ними “на короткое время лицом, а не сердцем” (1Фес 2,17). Подобная боль разлуки и сильное желание видеть друг друга, не известно никакой другой религии мира. В 1Кор 2,69 говорится о том, что они обладали такой премудростью, какую никто, кроме них, не знал и не мог познать. Эта особенность истинного Христианства вызывала высокомерие и гордыню, что и определило дальнейшую судьбу ранней церкви, однако, подобная мудрость, при правильном к ней отношении, лишь теснее связывала их всех вместе. Николас Вольтер считает, что в первом веке, в основном, не употребляли религию как связующую силу, которая могла бы влиять и поддерживать ежедневную жизнь с ее нормами поведения в формирующемся сообществе”. И все же истина способствовала всему этому. А это является доказательством и сегодня того, что мы исповедуем, понастоящему истинное учение, призывающее к настоящему обращению.

Первые наши братья очень много путешествовали, что должно быть оказывало большое впечатление на окружающий их мир. Впрочем, то же самое можно сказать и о нас, сегодняшних, постоянно пересекающих Россию и Северную Америку, пользуясь “попутками” в Африке, тратя на дорогу многие часы, и все ради встречи со своими братьями. Многие Послания в Новом Завете использовались также еще и как рекомендательные письма (Рим 16,1; 1Кор 16,10,12 ср. с Флп 2,25,30; Кол 4,79; Еф 6,21; Филимон 1,22; Рим 15,24), ибо гостеприимство полагалось за одну из Христианских добродетелей (Рим 12,13; Евр 13,2; 1Пет 4,9; 1Тим 3,2; Тит 1,8). Даже самый обыкновенный Христианин обязан был быть гостеприимным. Однако “безопасность и гостеприимство путешествующим по традиции принадлежала сильным мира сего, которые полагались на покровительство и дружбу, основанные на богатстве. Рекомендательные же письма говорят о том, что неизвестные до сих пор возможности, стали возможны и для всего дома веры, в котором принимались на доверии, даже совершенно незнакомые люди”⁽²⁾. Это было практическим следствием уверованных учений, ибо член Божией еkkлeсии должен был приниматься как брат, или сестра в Лаодикии, Ефесе, Коринфе или Риме. То же самое, в основном, происходит между нами и в наши дни.

Враждебно настроенный к Христианству Celsus писал о единстве Христиан первого столетия: “Их согласие между собой вызывает удивление, так как оно не может иметь под собой заслуживающего доверия основания. Однако заслуживающее доверия основание их единства все же существует и зиждется на общественном недовольстве и несогласии, а также на боязни внешних что и укрепляет их веру”⁽³⁾. Печально, но именно “боязнь внешних” и вела церковь к ее неизбежному падению.

Социальная разношерстность между верующими должна была вызывать изумление. Раскопки в Остии, недалеко от Рима, обнаружили, что обширные дома богатых горожан стояли в непосредственной близости с убогими жилищами бедняков. Так что бедность и богатство в те времена находились по соседству. А потому, когда мы читаем, что богатый Гаий был странноприимец Павла “и всей церкви” (Рим 16,23), то можно представить себе богатого человека, открывшего свой обширный дом для пришедших ко Христу живущих по соседству пацанов. Такое поведение должно быть выглядело очень странным в глазах всех остальных его соседей. Но именно таким и было настоящее свидетельство единства между Христиан.

Нам сегодняшним тяжело полностью проникнуться и понять общество, совершенно полностью основанное на семейных, родовых отношениях. В то время семья для человека была всем! Петр говорит, что ученики Христовы “оставили все” (Мф 19,27; Лк 18,28) оставить “все”, было оставить имение и семью. Так что это было и остается самым главным из того, что ты можешь сделать ради Христа. А отсюда для первого столетия буквальное значение приобретают слова Христа о том, что обращенные, оставившие все, обретут семьи еще при этой жизни, т.е. в еkkлeсии, в общении с ее членами. Впрочем призыв Христа остается и в наши дни не менее требовательным и не менее неудобоваримым, с той лишь разницей, что эти требования, несмотря на все ту же требовательность, не так ярко выражены.

Свидетельствует само сообщество

Короче говоря, сама природа сообщества верующих была отличным свидетелем. Каждый член церкви первого столетия почитал своим долгом свидетельствовать о Христе. Всегда и везде. Возможно, именно в этом мы так сильно отличаемся от них в худшую сторону. Наша обязанность, каждого в отдельности и всех вместе, не воспринимается нами так, как нужно. Мы благовествуем о будущем, или же о входе в него, проповедуем Человека Иисуса Христа. И в этом смысле, люди могут видеть Его только в отражении уже ставших близкими к Нему людей. Истинное свидетельство о Нем может быть лишь при личном соприкосновении с Ним. Задумайтесь о том, с какой страстью писал Иоанн об Иисусе, о том, что он видел глазами, что осязал руками, *а потому* и возвещал о Нем. Тогда не нужно было тратить время на разговоры о том, где и как лучше проповедовать. Огонь и страсть горели в них настолько сильно, что Павел, хотя и по вдохновению, в нарушение всех правил грамматики, вводил совершенно новые слова, ради того, чтобы лучше донести благовестие. Говоря о любви, они говорили людям о новой любви, которая вошла в их жизнь. Но то же самое происходит и сегодня, вот почему недавно обращенные такие хорошие проповедники. Свидетельство о Человеке Христе Иисусе ни в коем случае нельзя возлагать на какого-нибудь одного из наших братьев. Это – обязанность каждого из нас. Отмечено, что существенная разница между Христианством и Иудаизмом состоит в том, что Христианство базируется больше на личности, чем на каких-то абстрактных идеях⁽⁴⁾. И нам нужно всегда помнить об этом, помнить, что наша вера основывается на настоящем, некогда жившем на земле, но сейчас вознесшемся живом Человеке, а не на просто моральных и философских идеях. Упоминания о ранних Христианах говорят о том, что “проблемой Христиан” было то, что они все возникали изза жившего еще в то

время их предводителя. Так Клавдий в 49 году Н.Э. писал, что “евреи были изгнаны из Рима потому, что все время производили различные возмущения, возникавшие изза Хрестуса” (Suetonius, *Claudius* 25.4). Историки и власти были уверены, что Хрестус (Христос) был в то время жив и подстрекал к возмущениям. Вот такой была тесной связью между невидимым, живым, превознесенным Иисусом и тем как жили Его братья в то время на земле.

Одной из больших проблем Римского общества было то, что Римская экономика и политика (особенно в городах) держались на насильном объединении совершенно разных людей, разделяемых между собой языковыми и социальными барьерами. В результате разжигалась ненависть, которая, рано или поздно, должна была закончиться взрывом. Павел же, в противоположность нависшей над Римским обществом угрозой, писал о новом сообществе тех, кто во Христе. О единении, в котором нет ни мужчин, ни женщин, ни Иудеев, ни язычников, ни рабов, ни свободных. О новом народе – о новом Израиле. Такой контраст между Христианами и миром должен был вызывать не только интерес, но и притягивать к себе людей.

Примечания

1) Quoted in E.M. Smallwood, *The Jews Under Roman Rule* (Leiden: 1976), p. 175.

(2) E.A. Judge, *The Conversion Of Rome*, North Ryde, Australia: Macquarrie Ancient History Association, 1980 p. 7.

(3) Quoted in Henry Chadwick, *The Early Church* (Harmondsworth: Penguin, 1967) p. 54.

(4) R.T. Herford, *Judaism In The New Testament Period* p. 227: “Павел понял, что Христианская религия была основана на Личности, а не на идеях”.

5-5-6 Роль женщин в первом столетии

В грекоримском мире число мужчин сильно превосходило численность женщин настолько, что уменьшение населения всей Римской империи считалось произошло изза нехватки женщин⁽¹⁾. Д.К. Рассел⁽²⁾ полагает, что на 131 мужчин в Риме приходилось 100 женщин, а во всей остальной империи соотношение мужчин и женщин состояло 140 к 100. Изучение надписей в Дельфах позволяет воссоздать состав 600 семей, из которых только в шести было более чем одна дочь⁽³⁾. Частью это происходило изза убийства младенцев женского рода, частью же от существовавших в то время чудовищных мер предохранения и прерывания беременности, заканчивавшихся часто смертью женщины.

И все же существуют достаточно веские причины полагать, что Христианство привлекало к себе намного больше женщин, чем мужчин, ибо оно несло освободительную весть для женщин, не только позволяя, но и побуждая самим познавать Писания, независимо от окружавшего их мужского общества, самим верить и общаться с Иисусом и даже, поучать друг друга и тех, кто в мире. Христианская жена была в гораздо большей безопасности, чем любая язычница. Аборты в ранней церкви были запрещены. Братья по вере относились к своим сестрам с должным почтением и уважением. Благодаря помощи в проповедовании таким братьям, как Павел, они нарушали все установившееся привычные законы роли женщин в окружающем их мире. Популярные религии того времени не оказывали такого уважения женщинам. Такие религии, как Митраизм, ограничивались

лишь мужчинами. Изза того что Христианство настаивает на супружестве исключительно в одной вере, большинству сестер грозила одинокая жизнь, другие же сестры избирали одиночество ради Христа, разводясь со своими неверующими мужьями. Такие женщины, как правило, обрекались на жизнь блудницы (почему Господь и говорил, что разводящийся с женой, “подает ей повод прелюбодействовать”). И все же подобные трудности сестер с замужеством, наверняка, вели их в мир ради обращения мужчин, или же заставляли создавать такое женское сообщество, которое привлекало к себе других обиженных или униженных женщин Римской империи. Необычное положение Христианок так же могло стать причиной для неравных браков, ибо существует много свидетельств о замужестве знатных женщин за братьями, стоявшими на гораздо низшей социальной ступени. Социальный мир первого столетия был перевернут с ног на голову благовестием сестрами того времени точно так же, как и в наше время изменяется мир, благодаря проповеди небольшой группы сестер в северном Казахстане, и других частях земного шара. Бездетные и одинокие женщины во времена первого столетия находились в большем презрении, чем сегодня. Вероятно они не раз задавали себе один и тот же вопрос, почему, зачем я так поступаю? И каждый раз отвечали себе одними и теми же слова, что они жили и живут для одного невидимого Человека, для Господа Иисуса, возлюбившем их до конца, и считающим их своими.

Опись имущества Христианской церкви в Северной Африке состояла из 16 мужских и 82 женских туник, 47 пар женской обуви, и ни одной мужской пары⁽⁴⁾. Было замечено, что все ранние источники “буквально нашпигованы рассказами о том, как в Риме и его провинциях, обращались женщины разных сословий... что в основном, главная Христианская истина закладывалась женщинами”⁽⁵⁾. “Похоже, Христианство имело особенный успех у женщин. Чаще всего оно проникало в верхи общества прежде всего через жен известных людей”⁽⁶⁾.

Примечания

(1) Dio Cassius, *The Roman History* (London: Penguin Classics, 1987 ed.).

(2) J.C. Russell, *Late Ancient And Medieval Population*, published as vol. 48 pt. 3 of the *Transactions Of The American Philosophical Society*, Philadelphia, 1958.

(3) Jack Lindsay, *The Ancient World: Manners and Morals* (New York: Putnam's, 1968).

(4) See R.L. Fox, *Pagans And Christians* (New York: Knopf, 1987).

(5) Adolf Harnack, *The Mission And Expansion Of Christianity In The First Three Centuries* (New York: Putnam's, 1908) Vol. 2 p. 73.

(6) Henry Chadwick, *The Early Church* (Harmondsworth: Penguin, 1967) p. 56.

5-5-7 Образ проповедования в первом столетии

Евангелие было благовествуемо по-разному, в зависимости от слушающих, и примером в этом стал Иоанн Креститель. Прочитав пророчество о необходимости приготовить путь Иисусу, сделав его гладким для принятия Его, смилив гордое, и понизив возвышающихся, он сказал народу: “Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?” (Лк 3,7), - используя грубый и резкий язык, точно такой, какой и

требовался для его аудитории. У него была цель - смирить гордое, а потому он и говорил так резко. Первые проповедники такие, как Павел, становились для людей всем, чтобы приобрести некоторых. А потому они очень внимательно относились к тому, что и кому они благовествовали. Боюсь, что мы слишком часто благовествуем в пустоту, ибо слишком часто забываем, что мы благовествуем благие вести *кому-то*, а не какому-то абстрактному слушателю. На Западе Христиане приравнивали “проповедование” к воскресной вечерней “лекции”, где перед воображаемой аудиторией излагаются одними и теми же словами одни и те же мысли, приучая нас к мысли одинаковости того и другого. К счастью, мы все же начали меняться в этом плане и постепенно перестаем благовествовать, когда нет слушателей. Ибо благовестие – это проповедь *кому-то*, а не просто беседы между собой. Павел старался всеми способами сократить расстояние, которое неизбежно существует между благовестником и слушателями. Так в Афинах и в Листре он, говоря словом Божиим, приравнял его солью греческих поэтов. Он цитировал современных им поэтов в подтверждение веры эпикурейцев в то, что Богу ничто человеческое не нужно, намекая тем самым на веру стоиков в то, что Бог является источником всего живого, а также подразумевая целый ряд мест учения из Ветхого Завета (Исх 20,11; Быт 8,22; Еккл 9,7; Иер 5,24; 23,23; Ис 42,5; 55,6; Пс 49,12; 144,18; 146,8; Вт 32,8). И это было сделано мастерски, ибо Павел тем самым приготавливал почву для того, что, в конце концов, хотел сказать. Он пытался найти со слушателями столько точек соприкосновений, сколько было возможно, заодно постепенно выбивая почву из под их ног. Он не в открытую заявлял им об их ошибочных представлениях, стуча себя в грудь, доказывая, что истина у него (хотя она и была у него на самом деле). И он не вуалировал позор Евангелия. Наоборот, он нарочито подобрал именно такие выражения благовестия, чтобы слушателей поставить перед лицом позора благовестия. Точно так же Павел благовествовал и Иудеям. Если мы собираемся обратить кого-нибудь, то наше благовестие должно быть донесено до ушей этого “кого-нибудь”. *Если же мы не хотим обращать никого, то мы и не обратим никого. Если же мы хотим обратить кого-то, то мы будем стараться найти подход к нему, и наше желание будет видно в нас и по достоинству будет оценено.*

Различные способы проповедования

Проповедование первого столетия не было голым изложением фактов, или же предложением истины в поэтических формах. Ибо оно было логично, основывалось на хорошем знании Писаний и умении во время и к месту вставить слово из него. Об их проповеди говорится, что они “проповедовали”, “свидетельствовали и увещевали”. В Деян 19 сказано, что Павел, “небоязненно проповедывал... беседуя и удостоверяя... ежедневно проповедовал... этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей”. Иногда это было простым, радостным возвещением благовестия (Евангелия), иногда спокойным и взвешенным сравнением с ветхозаветными Писаниями (Деян 9,29; 17,3; 9,22). Должна существовать большая разница в отношении к “миру сему” с тем, что очень часто демонстрируют наши горе проповедники. Сама же проповедь должна быть разумной. Вера – дело не только сердца, но и разума. При обращении к Христу, прежде всего, должно присутствовать разумение. Людей “убеждало” не только эмоциональная вера (Деян 17,3,4; 18,4; 19,8,26; 28,23,24). Разумное основание для принятия истины видно и из того, как мы разумом принимаем Иисуса. Так обращенные уверовали в истину (2Фес 2,13-15), познали ее (Ин 8,32; 1Ин 2, 21; 1Тим 2,4; 4,32; Тим 2,25; Тит 1,1), повиновались, покорились ей (Рим 2,8; 1Пет 1,22 ср. с Гал 5,7). Сама проповедь является открытием истины (2Кор 4,2). А потому будет совершенно правильным обращаться не только к чувствам, но и к разуму. Недостаточно просто “учить”, или же “свидетельствовать” о Евангелии, нужно убедить человека принять его. Прежде всего нужно победить разум, а уж потом – сердце. Первое столетие было временем небезопасным и временем брожения

умов. Именно в то время появились на свет все основы для будущих человеческих философий. Но и в наше время мы не можем сказать, что оно уж очень сильно отличается от того, ибо в некоторых областях, оно даже более плодотворно. Ранние проповедники благовествовали, потому что поверили в учение и чудо благодати, испытанное ими. Они не проповедовали, потому что это было то, о чем стоило всем рассказывать, ибо их благовестие противоречило всякому здравому смыслу первого столетия. И именно по этой причине им приходилось так много “убеждать” и “доказывать”.

5-5-8 Нравственность Христиан первого столетия

На рабов и женщин приходилось смотреть не как на вещь, а как на людей. Истина призывала человека к покаянию, к личному общению с Богом и к личному же спасению. Объяснить истину, значило объяснить человеку, что он человек. Претерпевший до конца получит белый камень, на котором написано имя, которого никто не знает, кроме его самого и его Господа. Это было совершенно противоположно всем остальным религиям, которые заявляли, “либо вы идете на небеса, либо отправляетесь еще куда-нибудь”. *Нам также нужно показывать людям, что они люди. Не стараться выказать всем свою правоту, а показать, что мы действительно хотим спасения каждого, а также и тебя лично, такого единственного и неповторимого, у которого только у одного такие голубые глаза. А также и тебя, который остался лишь с одной ногой, и тебя, заядлого курильщика. Мы хотим убедить всех, и каждого человека отдельно, что Богу угодно увидеть именно его в Царствии Своем. Что Бог, действительно, знает его и любит, и хочет спасти именно их, таких, какие они есть.*

Наши первые братья проповедовали Личность, можно даже сказать, культ Личности, Человека Христа Иисуса. Они благовествовали Евангелие Христово, о котором сказано, что они просто “благовествовали Христа” (Деян 8,35; 5,42; 28,31). Они благовествовали Человека, Человека с большой буквы, который любит нас гораздо сильнее, чем мы можем любить Его. И на это тяжело не откликнуться. Здесь не простое послушание в надежде на хорошие времена. Конечно, и это побудительная причина, однако в духовных муках мы не всегда считаем, что нам достаточно одного лишь обещания Царства. Царство для нас не только морковка перед носом, за нами стоит еще и любовь Христова, подталкивающая нас. Иисус – Человек. Иисус распят. Иисус воскрес. Иисус превознесен и посажен на самом высоком месте во всей вселенной. Иисус обязательно вернется и обязательно будет судить перед воцарением в вечном Царствии Своем, воскрешая к спасению умерших в Нем. Это тот Иисус, Который и сейчас присутствует среди Своих, побуждая нас свидетельствовать о Нем и благовествовать Его. И именно об этом говорили Апостолы. Перед лицом смерти Павел мог спокойно заявить, что он знал, “в Кого уверовал”, а точнее, “Кому”, как это написано в церковнославянском переводе (2Тим 1,12). *И нам нужно спросить себя, не потеряло ли наше благовестие нечто, во главе чего стоит Иисус Христос? Не стали ли мы все сплошь апологетами? Не концентрируем ли мы свое внимание больше на Библии, нежели на Христе, и не ищем ли награды за свои дела больше, чем просто желания служить этому Человеку?*

Мы уже видели, что Христианская мораль привлекала к себе людей первого столетия. Высокие требования, предъявляемые Христом, сами по себе привлекают людей. В новозаветных Посланиях Иакова, 1-го Петра, Колоссянам и Ефессянам можно проследить учение о морали поведения.

	Иакова	1-е Петра	Ефесянам	Колоссянам
Новое рождение (крещение).	гл 1,18	гл.1,23	гл.4,4-6	гл.2,12
Все из старой жизни должно остаться в прошлом.	гл 1,21	гл 2,1	гл 4,22	гл 3,9
В новой жизни нужно подражать Богу и Иисусу.	гл 1,18	гл 2,21	гл 4,24	гл 1,19
Надо покориться Иисусу, как своему Господу.	гл 4,7	гл 2,13; 5,19	гл 5,22	гл 3,18
Ободрение противостоять искушению (диаволу).	гл 4,7	гл 5,8,9	гл 6,11	гл 4,12
Призыв к бодрствованию, молитве и терпению до конца.	гл 5,16	гл 4,7	гл 6,18	гл 4,2

Слишком часто наша проповедь превращается в обличение ошибок других и выставление нашей теоретической правоты. И это верно, ибо наше благовестие должно включать истину, однако больший упор надо все-таки делать на моральной стороне учения. Настойчивость, с какой Павел писал о необходимости жить в соответствии с верой, заслуживает того, чтобы уделить ей больше внимания. Ибо он знал, что именно в этом, как ни в чем другом, нуждалось, нуждается и будет нуждаться наше сообщество. Часто эта тема перекликается в его посланиях.

1-е Фессалоникийцам 5:	Римлянам 12:
12,13 – уважение старейшин;	3-8 – не думать о себе высоко;
13 – мир между собой;	18 – быть в мире со всеми;
14 – поддержка слабых;	гл 14,1 – принимать немощных в вере;
15 – не воздавать злом за зло, но только добром;	17 – не воздавать злом за зло, но только добром;
16 – всегда радоваться;	12 – упованием радоваться (церковнославянский);
17 – непрестанно молиться;	12 – постоянно молиться;
19 – не угашать духа;	11 – пламенеть духом;
20 – не уничижать пророчества;	6 – пророчество;
21 – испытывать все, держаться хорошего;	9 – прилепляться к добру;
22 – удерживаться от зла.	9 – отвращаться зла.

Можно прийти к выводу, что у первых Христиан было что-то вроде устава, на который ссылался Павел, и по которому следовало жить. Если это так, то первые церкви должны были существовать на основе радости, молитвы, долготерпения, мира, любви, смирения и Писаниях. Именно к такой жизни призывался, и призывается, крещеный во Христа. Это – учение о Боге и Сыне Его, учение о Царстве и проч., это – само благовестие Христово. Хотелось бы знать, отражает ли нашу веру наше благовестие, или же наше равнодушие и “ученость” затмевают всю духовность, к которой так тяготеет этот погруженный в грехи и самолюбование мир?

Сила истины

Людям было предложено настоящее прощение. Были и такие, как Савл из Тарса, которые, горячо желая чистоты, чувствовали, что идут против рожна своей собственной совести. Само собой, что и тогда, в первом столетии, существовали такие понятия как благодать,

милость и прощение. Но они были абстрагированы от жизни. Благодать Божия, Его настоящее, осязаемое прощение и спасение, все эти понятия воплотились в Человеке Иисусе из Назарета, после чего, этот, реально существовавший Человек, Которого многие никогда не видели, дал начало и форму сообществу, носящему Его имя, которое и свидетельствует о Нем. В еkkлeсии первого столетия благодать и спасение Божие стали притягательной силой среди обоюдной любви и внимания. Слово и в них стало плотью, как оно перед этим стало в их Господе. *Нам также необходимо осознать, что каждый человек обладает совестью, которая так или иначе, но желает прощения. Человек может не хотеть присоединяться к кому-то, не хотеть по воскресеньям посещать церковь, не хотеть иметь ничего общего с любой религией, однако каждый из людей желает, и очень сильно, примириться с Богом. И мы можем помочь ему в этом. И пример, показанный нами, может служить гарантией этого. Если мы все время пребываем во гневе, ненависти и эгоизме, все наши удивительные теории о праведности Божией, не будут внушать никому никакого доверия. Если же мы живем со спокойной совестью пред Богом, то всем будет видно, что мы так живем только потому, что верим и понимаем единственную истину.*

От первых благовестников исходило доверие к тому, что они действительно пребывают истине. Они поистине “знали истину” тем, что знали и жили в согласии с этим знанием, чего вполне было достаточно для спасения. В отличие от окружающих их философий и религий, они знали Кому они поверили. Они не блуждали в каких-то смутных надеждах. У них было то, что они могли предложить другим. Они благовествовали, опираясь на свою собственную надежду, свою уверенность и опыт, что сильно отличало их от всех остальных. Философы и учителя первого столетия мало придавали значения тому, стоят они в истине, или нет. Истина же была “не в слове только, но... и со многим удостоверением” (1Фес 1,5). Эта уверенность происходила не от догматизма и напыщенной самоуверенности (как и наша), которые происходят из неопределенности веры, учения, надежды и проч., во что, увы, так многие “верят”. Такая “вера” легко обнаруживается при прощупывании. Павел же говорил о том, насколько важно содержание настоящего Евангелия, и люди желали слушать его еще (Деян 13, 41). Проповедь истины включает в себя нечто особенное и неотразимо привлекательное. В первом столетии любое из языческих поклонений походило одно на другое, за исключением того, с чего начинался тот, или иной, культ”⁽¹⁾. *Нам нужно показывать в жизни, что истина у нас, что больше нет таких, как мы людей ни на работе, ни на улице, ни дома, ибо у нас есть то, чего нет у них. Наш пример должен показывать, что не все пути ведут в одно место. Нам не нужно доказывать другим о преимуществах своей веры, ибо это должно быть очевидно всем окружающим нас. И при обращении других, их мнение об истине не будет основываться лишь на наших убеждениях в том, что мы правы, а все остальные нет. Ибо, так уж человек устроен, что большинство убеждается в чем-то лишь тогда, когда хочет в этом убедиться. А потому предмет убежденности должен быть привлекательным. Господь Иисус говорил, что Он Сам свидетельствует о Себе, и что свидетельство Его истинно. А то, что относится к Нему, относится и к нам.*

В первом столетии не было недостатка в обращенных, ибо такие благовестники как Павел, испытывали такую горечь, такое сожаление о погибающих, что (по образу Моисея) хотели быть сами отлученными от Христа ради спасения Израиля. Они несколько не стыдились, как некоторые из нас, уникальности своей веры. Они не просто давали хороший совет о том, как лучше читать Библию. Они ни от кого не скрывали, что хотят обращать людей к Богу. Да и сама идея “обращения”, как полного поворота на 180 градусов, была чужда первому столетию. Другие религии требовали от человека его присутствия на собраниях, каких-нибудь жертв, тогда как *вера* не имела у них столь большого значения. Как и

сегодня многие конфессии и секты всего лишь много говорят о вере, которая им, по сути, не нужна и не важна. Единственно, что им нужно, чтобы вы посещали их собрания, поддерживая материально их церковь. Как вы живете, что вы думаете о других народах, было не важно в вере первого столетия. Сами высоты и глубины, сама серьезность призвания в истину настолько могущественно, что оно само изменяет прежнее мышление и жизнь человека. Требования благовестия, проповедуемого нами, настолько сильны, что уже принятие их заставляет по-настоящему разорвать с любым “темным” прошлым. Разница между церквами состоит не только в мелочах, не в том, что одна из них лучше, другая – хуже, отличаясь друг от друга лишь в том, что первая старается жить по этой истине, а другая по немного другой философии. Наши же строгие требования от людей, совсем не наши, ибо это требования Евангелия, которое мы благовествуем, которому необходимо подчиниться. Припоминаю, как я несколько раз объяснял молодому человеку смысл его крещения и, как следствие, его отношение к воинской службе. Или же как объяснял военному то, как ему будет нелегко оставить службу, или же придется отложить с крещением. И во всех случаях, чем больше я говорил о трудностях, чем больше я подчеркивал высокие моральные требования, которые влечет за собой вера в истину, тем настойчивее и тверже становились эти молодые ребята. Сама высота требований привлекала их к себе. Люди нуждаются в морали! И они понимают это. И подсознательно чувствуют, что, для того чтобы по-настоящему измениться к лучшему, нужна строгая, требовательная, Божественная дисциплина. То же самое верно и для первого столетия. Религии того времени, как и сегодня, не утверждали себя исключительно на какой-то одной личности, как то делают настоящие Христиане. Только Иисус был и есть наш Господь, Господин, Учитель и Наставник, наш – Деспот.

Примечание

(1) Henry Chadwick, *The Early Church* (Harmondsworth: Penguin, 1967) p. 25.

5-5-9 Исключительность Христианства

Христианство притягивает к себе своей исключительностью. И в этом кроется причина того, что те Христиане, которые говорили, что и другие церкви ведут к спасению, не обратили ни одного человека. Исключительность истины – одна из привлекательных черт веры, даже несмотря на то, что мы можем и недопонимать этого. Жившие в первом столетии, жили среди религиозного плюрализма, среди мнений, что любая религия не лучше и не хуже всех остальных. Мы дышим тем же воздухом. А потому, как и они, мы должны благовествовать исключительно правильное естество спасения в настоящем Иисусе Христе. Томас Роббинс писал, что один “был **обращен** в нетерпимую веру Иудаизма или Христианства, тогда как другой просто **принимал** культ Исиды, Орфея или Митры”. Язычники никогда не пытались обратить кого-нибудь в свою веру, за исключением атеистов, так, как они понимали “атеизм”. Уже одно то, что обращение требовало от человека чего-то, требовало быть причастным образом жертвы Христовой, привлекало к Христианству. У этой религии была своя цена, ибо вся она основана на распятии самого себя. Даже одно только провозглашение требуемых от человека моральных качеств, привлекало и обращало к себе людей. Так что к обращению призывала сама исключительность Христианства. Большинство культов поддерживались либо государством, либо несколькими богатыми филантропами, Христианство же держалось и держится на дарах самых обыкновенных его членах. А потому для людей было совершенно новым регулярно откладывать сбережения (1Кор 16,1,2), чтобы одни бедные святые могли послать свои сбережения совершенно незнакомым им другим

святым в другую часть империи, например, из Коринфа, где было не очень много богатых Христиан, бедным братьям Иерусалима. Для простого человека, отдать что-то просто так из своего собственного кармана другому человеку, было нечто совершенно доселе невиданным.

Вывод из всего этого – первые братья старались найти в людях ответственность. Они благовествовали радо того, чтобы было принято решение обратиться. Господь говорил, что Он сделает рыболовов ловцами человеков, а ловцы должны что-нибудь ловить, ибо ни один рыбак не бросает приманку просто так. Павел говорил своим слушателям, чтобы они покались, обратились к Богу и делали дела достойные покаяния (Деян 26,20). Обращение к синагоге в Антиохии Писидийской состоит из трех частей, каждая из которых была призывом к слушающим (Деян 13,16,26,38). Эти благовестники не стыдились спрашивать людей, принимают те, или нет, любовь Божию во Христе Иисусе. Они призывали их принять какое-то решение по отношению к слышанному ими благовестию.

Использование человеческих разочарований

Поклонение императору влекло за собой много разочарований. Ювенал, современник Павла, много написал по этому поводу. И, что особенно бросалось в глаза, так это развращенность общества. А потому, естественно, очень многих в Христианстве привлекала именно строгость морали. Многие к тому же еще и понимали, что множество богов является всего лишь изобретением человеческим, и что есть только один настоящий Бог, которому и нужно поклоняться всем и каждому. И как раз все это содержала истина, предлагаемая им, как то делал Павел в Афинах. Ни одна религия не предлагала людям примирения с Богом и ни одна из них не давала человеку никакой надежды после смерти. Истинное же Христианство давало все это. *Так и мы живем в мире разочарований, в мире разврата, поощряемого негласно к тому католиками и евангелистами всех мастей. Люди ищут, а что, они и сами не знают. Возможно, что люди и смогут перейти в после Христианскую эру, но в после религиозную никогда. Люди, похоже, больше стали интересоваться религий, чем, скажем, 10 лет назад. Бросающаяся в глаза разница между нами и миром, уникальность нашей веры, должны обращать внимание людей. На Христианство сейчас смотрят как на одно из культурных течений общества. Настоящие же Христиане должны являть всему миру, что истинное Христианство, на самом деле, не имеет ничего общего с культурой, пусть и основывающейся на любви.*

Тогда люди также понимали “Бога”, или богов, как абстрактные понятия, не имеющие ничего общего с повседневной жизнью. В греческой философии устойчиво бытовало мнение, что такие качества, как гнев и ярость были чужды Богу. “Всякое эмоциональное проявление божества было абсурдом и богохульством. Каждому начинающему греческому философу было хорошо известно, что божество *безразлично*, что оно не проявляет каких-либо эмоций. Мысль о гневе Божества не была мыслью, пришедшей в Христианство от язычников. Это была мысль, предложенная церковью в ответ на языческие нападки”. Благовестие о Боге, Который гневается из-за греха, побежденного смертью Его Сына, Бог сочувствующий каждому человеческому падению и сорадающийся каждому покаянию и крещению – всё это было совершенно новым. Таким образом переживания Божества были видны людям в Его благовестниках, горячо призывавшим услышать Его, обратиться и приблизиться к Нему, что было просто незнакомо всем остальным религиям. *То же самое должно отражаться и в нас. Ибо и мы можем абстрагировать Бога и Его бытие до полной пустоты. Его сочувствие и переживания могут быть забыты нами, если мы будем уделять слишком много внимания абстрактным понятиям.*

5-5-10 Раннее Христианское учение

Но ко всему прочему, как мне кажется, той необъяснимой причиной необычного роста Христианства, стало еще и само проповеданное учение. Ибо только это учение, и никакое другое из известных религий, способно затронуть не только чувства, но и ум *личности*. Любая новая вера в Римской империи была обречена, если она противоречила, или была опасна империи. И Христианство здесь – яркое и поразительное исключение. Родней Старк делает вывод: “Думаю, что только благодаря своему учению Христианство имело такой широкий успех в истории. Ибо только это учение обрывает плоть, влияя на дела и поведение личности, тем самым каждый раз возрождая и возрождая Христианство”⁽¹⁾. Благовестие о *любви* Божией резко отличалось от всех языческих религий. “Ибо Бог так возлюбил мир...” – звучало, как нечто совершенно новое, ибо все верили, что богам совершенно безразлично, как мы относимся друг к другу. Они могли менять свои взгляды на жертвоприношения. Мысль же о *благодати* была совершенно нова. Чтобы Бог просто так, ни за что, дал что-то? Да еще Своего Сына Единородного?

В первом столетии, как и сейчас, людям очень сильно не хватало настоящей веры. Было много предложений, как и сейчас, что Доддс назвал “подозрительно большим выбором. Человеку предлагался уж очень огромный выбор из всевозможных культов, философий и мистерий”. И вот на этом фоне Христианство выглядело приятным исключением, ибо невозможно было быть одновременно Христианином и поклоняться еще чему-то. Так как был только один Господь и Учитель, и был только один Бог.

Несомненно, что Христианство было той верой, которая удаляла религиозный голод общества. Поклонение Исида было культом, который возник и был популярен примерно одновременно с Христианством. Родней Старк пишет, что “я могу со всей ответственностью заявить, что между распространением культа Исида и Христианством существовала тесная связь – там, откуда уходила Исида, на смену приходило Христианство”. И нам нужно спросить себя, есть ли в нашем мире подобные религии, или же мы их просто не хотим замечать? В то время люди хотели верить, но вместо веры получали разочарование. Раскопки Помпеи показали, что люди умирали с проклятиями, обращенными к их богам. Тот мир был подобен нашему. Люди часто обращаются за помощью к различным божествам, но, похоже, тем наплевать на нужды человеческие. Аристотель утверждал, что боги не могут любить простых людей. И все же именно тогда вера росла и укреплялась. Утверждение Истины показывает, что благовестие было как раз тем, в чем так сильно нуждались люди. Естественно, это совсем не означает, что нужно что-то изменять и подгонять в Истине, чтобы угодить обществу. Наоборот, Истину необходимо предлагать в чистом виде, из которой человек уже сам увидит необходимость, предлагаемого ему спасения.

И наконец, в Христианском учении, как тогда так и сейчас, есть нечто такое, что само обращает мужчин и женщин. Для слушателей благовестия первого столетия услышать, что Бог возлюбил мир, было очень необычным, а то, что Ему не безразлично как мы относимся друг к другу, переворачивало с ног на голову все привычные понятия. Философия почитала благодать, милость и жалость за патологические чувства – за слабости человеческого естества, с которыми надо бороться любому нормальному человеку. Поскольку милость неразрывно связана с *незаслуженной* помощью, или же даром, то считалось, что это понятие противоречит справедливости. А справедливость высоко почиталась в те времена. Когда на арене львы разрывали человека на части, любой цивилизованный человек должен был “обуздывать” свои чувства. А ведь это было обычным и повседневным зрелищем. Джадж⁽²⁾ цитирует примеры философских высказываний тех времен которые учили, что “плач не заслуживающего милости [должен

оставаться] без ответа”. И он же продолжает: “Жалость почиталась за порок сродни глупости, извинительный лишь для незрелых молодых людей. Ибо жалость необузданное чувство, в основе которого лежит невежество. Платон в своем идеальном государстве решил проблему нищеты изгнанием нищих за границу”. Истина же провозглашала, что “Бог есть любовь”, и что Бог требует от Своего народа такой же любви и благих дел, которые Он явил всем на кресте.

Истина утверждает, что Бог - это любовь, и что Его милосердие не имеет границ, и что нам поэтому необходимо проявлять милость и любовь друг к другу в жизни. Настоящая любовь не ограничивается лишь своими близкими, но распространяется на всех “призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте” (1Кор 1,2). Мы уже говорили, какую важную роль в обращении играло поведение членов ранней церкви, однако их поведение зависело и устанавливало Христианское учение, которое коренным образом изменяло всю человеческую жизнь.

Примечания

(1) Rodney Stark, *The Rise of Christianity* (Princeton: Princeton University Press, 1996) p.196.

(2) E.A. Judge in P.T. O'Brien, *God Who Is Rich In Mercy*, Sydney: Macquarrie University Press, 1986 pp. 107-121.

5-6 С чего началось заблуждение

Также к назиданию нам служит и то, почему быстро начавшееся распространявшееся благовестие истины, стало замедляться во 2-м столетии. Само собой в этом надо винить отступничество Христианства, но и сама истина перестала распространяться. Почему? Из трудов таких “отцов”, как Игнатий и Поликарп, видно, что все они претендуют на звание последователей Павла. Однако из их трудов ясно видно отсутствие искры настоятельности и живости благовестия, присущей первым братьям, не говоря уж о присутствии у них заблуждений от учения Христова. *И нам нужно спросить себя, не возникает ли и в нашем сообществе стремление во всем подражать предшествующим нам “зубрам”? Не склонны ли братья считать себя одинокими рыцарями в борьбе за Истину, оправдывая свои теологические дуэли с братьями, желанием быть спасителями рода сего, такими же, какими были те почтенные братия?*

5-6-1 Заблуждение в учении

У писателей второго столетия все становится слишком абстрактным. Вера превращается в преданность своему вероисповеданию, благодать и оправдание – превращаются в теоретические понятия, переставая приниматься с той радостью и благодарностью, какими они принимались в истинной еkkлeсии. Реальное человечество Иисуса Христа теряется в каше из теологии и человеческих философских измышлений. Так первые благовестники не отделяли жившего в первом веке Иисуса от “Христа”, в Которого они и призывали уверовать. Даже для тех, кто никогда не видел Иисуса и никогда не был в Палестине, благовестие не отделяло Иисуса от Христа и веры. Я уже писал (см. “На основах Библии”), что все четыре Евангелия благовествуют одно благовестие (Евангелие), которое также проповедовали Павел и Петр. Из их слов совершенно ясно вытекало, что Иисус действительно был исторической Личностью, Мужем (человеком) из Назарета,

Которого распяли. И они же ясно и горячо благовествовали о том, что Этот самый Иисус был вознесен на небо, чтобы возвратиться вновь на землю. Читая же писателей второго столетия, уже не видишь страстного ожидания второго пришествия, ибо это означало бы встречу с Иисусом. Вместо этого все внимание переносится на возвращение Христово, приносящее с собой награду добродетельным и наказание беззаконным, за которым с удовольствием будут наблюдать праведники, совершенно забыв, что Бог не хочет смерти беззаконника. Подобные заблуждения можно найти в “Апокалипсисе Петра” и, конечно же, в бреднях “Ада” Данте, где возвращение Христово сопровождается самыми ужасными пытками нечестивых, которые совершают торжествующие святые. *И здесь нам нужно спросить себя, фокусирует ли наше сообщество свое внимание на пророчествах и на мире, погруженном во зло, что ведет нас к нелюбви пришествия Иисуса, или мы все же больше любим день нашего оправдания и время, когда мы сможем пассивно явить свой гнев против мира сего? Когда я слышу от братьев, которые мечтают о том, как они во всем мире будут сравнивать с землей католические церкви, мне становится страшно, ибо они повторяют то же заблуждение 2-го столетия. Ведь нам следует страстно ожидать пришествия Господня, только потому что мы любим Его, потому что мы живем Им, потому что Он возлюбил нас больше, чем мы Его.*

5-6-2 Возникновение преданий и традиций

Мы уже говорили, что Христианство начало свое существование без каких бы то ни было обрядов, установленных празднеств, пений, танцев, паломничества, предписаний и прочее, а также заметили, что в здоровом сообществе стали возникать особенные, “домашние” слова и выражения, такие как “эклесия”, “Христос” и т.д. Строго определенные границы, проведенные между сообществом и миром, приводили также к здоровому и сильному чувству единения друг с другом, что, в свою очередь, вело к возникновению внутри сообщества традиций и преданий, предназначенных для укрепления его. Ниже приводятся примеры возникновения традиций в ранней церкви.

- Похоже, что в то время начали петь гимны со словами взятыми из таких писаний, как эти: 2Кор 1,3-7; Еф 1,13,14; 5,14; Флп 2,6-12; Кол 1,15-20; 1Тим 3,16; 1Пет 2,4.
- В Новом Завете существует также целый ряд фраз, которые вполне могли стать типичными словами для молитв всего братства, или же чем-то, что сегодня назвали бы “молитвословом”. “Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом”, мысль, которая, так или иначе, возникает из 1Кор 15,57; Рим 6,17; 7,25; 2Кор 2,14; 8,16; 9,15. Или же: “Богу слава во веки веков. Аминь!” (Гал 1,5; Рим 11,36; 14,26; Еф 3,12; 2Тим 4,18; 1Тим 1,17).
- Похоже, что собрания заканчивались “лобзанием святым” – точно так же, как Павел заканчивал многие из своих Посланий (1Фес 5,26; Рим 16,16; 1Кор 16,20; 2Кор 13,12; 1Пет 5,14).
- Хотелось бы знать (и не только мне), означает ли написанное в Рим 10,9,13 и Деян 22,16 и других местах, где говорится о призвании имени Господа, что при крещении, крестившийся, после исповедания веры и перед непосредственным погружением в воду, должен был во всеуслышание исповедовать, что “Иисус есть Господь”, а выходя из воды: “Авва! Отче!”, что означало принятие его Богом, как чада (Рим 8,15; Гал 4,6).

К сожалению, со временем все эти добровольные и здоровые признаки единства превратились в обряды и традиции, на исполнение которых стала настаивать церковь, что, в конечном счете, совершенно не прибавляло ей популярности.

5-6-3 Закон и церковь

Истинное учение начали излагать в холодном, наставительном тоне. Теплое, основанное на примере Христовом, искреннее и душевное отношение к людям, которым пропитаны страницы Евангелий и Деяний, меняется на агрессивное высокомерие в борьбе с противниками. Хлебопреломление становится тайной, а крещенские воды обретают способность к буквальному омытию грехов. Во всем этом уже видится отступление от того, что через крещение и хлебопреломление мы можем соучаствовать в жизни Иисуса Христа. Эта простота во Христе постепенно теряется, перерастая в мистику и абстракцию. Узаконенные обряды становятся важной ритуальной частью, не указывая больше на Иисуса, как на Спасителя. Также было устранено и Иудейское основание Евангелия, ибо объединение старого Израиля с новым, после преследований Иудеев Римлянами, стало весьма трудным делом. А это повлекло за собой отречение от “надежды Израилевой”, что и привело к всевозможным гностическим ересям во 2-м столетии. В 1945 году в Египте были найдены рукописи, которые называли “Гностическими Евангелиями”, признававшиеся первыми церковными епископами за совершеннейшую ересь. Одной из повторяющихся тем этих “Евангелий”, и особенно в рукописи, названной “Свидетельство истины”, была та, что большинство приверженных закону непосредственных начальников церкви, впали в моральные заблуждения, что привело к духовному разделению церкви, даже несмотря на возрастающее число ее членов⁽¹⁾

Нам же нужно спросить себя, не склоняется ли и мы к тому же? Похоже, что Личность Иисуса начинает становиться абстрактным понятием. Необходимость принятия благодати и прощения у многих перерастает в простое интеллектуальное принятие веры родителей. А точные академические определения затмевают личное ощущение получения прощения и примирения. Некоторый формализм, установившийся на наших вечерах и при крещении, также перерастает в ритуальность, которая затемняет спасительные истины страданий Христовых. И нам нужно спросить себя, по-настоящему ли мы почитаем себя новым Израилем, народом без наследия в этом мире, блуждающим огнем во мраке язычества... или же мы видим себя англичанами, русскими, индийцами, американцами... короче, чем угодно, но только не Христовыми? Само собой, нам необходимо истинное учение, и что нам нужно защищать его, раз уж сильно уменьшенное число истинных Христиан отошло от ясного понимания одной веры. И все же не стоит забывать и предупреждение отступничества первых Христиан.

5-6-4 Социальная напряженность в церкви

Мы уже говорили о том, что удивительное единство в еkkлeсии богатых и бедных, должно было вызывать повышенное внимание разделенного и несчастливого окружающего их мира. Однако из 1Кор 11 видно, что не все с этим было так гладко в церкви, как того хотелось бы, ибо богатые за трапезой Господней объедались, а бедные братья так и оставались голодными. Вспомните, что вечера воспоминания, как правило, происходили в доме богатых братьев. В то время было заведено, что всякие званые обеды и пиры лишь подчеркивали социальную разницу между людьми, даже среди богатых, расположением в

гостиной столов, а так же того, что на них подавали. Описание одного из таких пиров есть у Плиния: “Лучшие блюда подавались самому хозяину и нескольким избранным из гостей, всё же более дешевое остальное, подавалось остальным гостям. Хозяин даже разлил вино в маленькие бутылочки, разделив их на три категории...”⁽¹⁾ Так что вполне можно представить себе такого богатого человека, как Гайй, в доме которого собиралась еkkлeсия Коринфа, в которой, под влиянием окружающего их мира, встречи воспоминания превращались для одних в попойку, а для другого большинства, в унижение. В Коринфе было обращено несколько домов (Хлоиных, Стефанов и т.д.), собиравшихся вместе в одну “эkkлeсию”, в одну “церковь” на одно общее собрание (1 Кор 11,20; 14,23). Однако в этом собрании существовал огромный потенциал для разъединения, ибо члены каждого дома, даже на больших собраниях, стремились общаться лишь между собой. Печально, но, как кажется, подобное разделение, подобная “клановость”, со временем не исчезла, как это должно было бы быть, из жизни еkkлeсии. Такое понятие, как “дом Божий”, являвшееся основой единства, не должно было позволить развитию потаенных разделений. Христианскому единству также должно было способствовать и исключительность понимания крещения, что означало возрождение человека в совершенно новую “тварь”. Христианство во всем очень сильно отличалось от любого языческого поклонения.

И здесь нам нужно спросить самих себя, осталась ли у нас хотя бы одна область, в которую бы не вторгся окружающий нас мир? Есть, или нет на наших собраниях разделения, основанные на социальных, половых или национальных различиях, оказывает ли дух окружающего нас мира на наши отношения друг с другом в наших еkkлeсиях? Даже, если мы полагаем, что подобные неурядицы совершенно не касаются нас, нам все равно придется столкнуться с нелюбимым для всех вопросом: а связывает ли всех нас вместе воспоминание о жертве Господней, или же мы позволяем разъединять нас всему тому, что должно бы объединять нас даже пред лицом образов Самого Господа и Его жертвы? Что для нас важнее, наша семейственность или же наше единство?

Примечание

(1) Betty Radice, *The Letters Of The Younger Pliny* (Harmondsworth: Penguin Books, 1969) p. 63.

5-6-5 Богатство в церкви

Ранняя церковь начинала свое существование в несомненной бедности, с проведения собраний по домам, на деньги нескольких богатых обращенных. Служение в то время было исключительно мирским, ибо нет ни одного намека на то, что проповедники получали какую бы то ни было заработную плату, или же им отчислялись десятины от обращенных. Однако со временем Христианство впитало в себя мирские обычаи. Состояние многих членов церкви непомерно стало расти, а социальные рамки ее расширяться. К 3-му столетию церкви стали обладателями собственных строений, а затем и земель. Само собой, что сначала Христианству, как любому нелегальному религиозному объединению, не позволялось даже думать о своих собственных, предназначенных для встреч, домах. Но со временем служащим церкви стали платить заработанную плату. Современники тех событий отмечают начавшееся в то время отдаление служителей сельских небольших церквей от служителей городских, чьи доходы были несравненно выше, а потому и позволяли под предлогом служения имени Христову, расточать свои богатства на бросающуюся в глаза роскошь одеяний и церковных украшений. В то время,

особенно в Сирии и в Малой Азии, распространилось учение, по которому член церкви обязывался отдавать ей все свое имение. Так богатели церкви. Церковь начала втягиваться в политику, ее начинали раздирать разделения, теоретическое и моральное отступление, бесконечные споры о церковном имуществе... При всем том, естественно забывалось о том, что церковь никогда не должна была быть богатой, что главным для церкви должен был быть Человек Христос Иисус, Который, будучи богат, обнищал ради нас.

Уверен, что Западный Христианский мир понимает все эти намеки. Так же и Христиане, живущие пока в более бедных странах, должны помнить, что, в случае задержки пришествия Господня, все это коснется также и их. Брат Алан Айр заканчивает свое классическое исследование Протестантизма тем, что говорит, что истина обычно теряется не только, и не столько из-за лжеучений, или же теоретических отступлений, сколько из-за напасти материализма, ведущего ко всем этим отступлениям и лжеучениям.

5-6-6 Приземленность в церкви

Несмотря на четко установленные границы, разделявшие и укреплявшие раннее сообщество, все пошло не так, как надо, когда некоторые из сообщества начали с презрением относиться к окружающим их людям, совершенно полностью отделяясь от внешнего мира настолько, что переставали даже свидетельствовать им, производя лишь споры и ссоры внутри себя. Новый Завет недвусмысленно говорит о том, что верующие, несмотря на их духовное отделение от мира сего, обязаны жить в нем для того, чтобы благовествовать ему. Так, например, Господь, говоря о том, что Его последователей будут изгонять из синагог, тем самым подразумевал, что они будут продолжать посещать синагоги, несмотря на присутствие в них теоретических и практических заблуждений. Христианам в Коринфе свободно разрешалось посещать языческие рынки и принимать приглашения в языческие дома. Павел не приказывал им отказываться от приглашения и оставаться дома... Его совет был идти в мир сей, но всегда помнить, и ни на минуту не забывать, о Христе. Он советовал верующим не разводиться с неверующими с тем, чтобы даже в самой обычной, повседневной семейной жизни свидетельствовать об Иисусе. Павлом двигало такое сильное желание благовестия, что он в любом внешнем человеке видел не того, от которого надо держаться как можно дальше, а потенциального будущего члена церкви. Так из 1Кор 14,23 видно, что в те времена на собраниях еkkлeсии, как правило, присутствовали и случайные люди, а хлебопреломление, похоже, служило публичным свидетельством, “возвещением” смерти Господа, доколе Он придет. В 1Кор 5,9-13 Павел пишет о том, что он совсем не хочет, чтобы обращенные выходили из мира, а наоборот, общались с блудниками, лихоимцами, хищниками и идолослужителями мира сего. Коринфяне похоже считали, что если они сознательно отделились от мира, то в своем кругу они могут жить так, как им хочется. Похоже, что они недопоняли предыдущее послание Павла, решив, что его заповедь отделяться от грешников означает отделение от всего этого мира. Павел же говорил им, что это не так, что человек должен жить в этом мире, но не грешить, отделяя себя от его греха. Однако, несмотря на это, к концу 1-го столетия “уход из мира” для некоторых Христиан становится главной целью жизни, даже, если это происходило во вред и с нарушением всех норм и приличий. Именно такие аскеты, не зная лучшего применения своего времени, изучая Библейские учения, кончили тем, что пришли к созданию лжеучений. Обращали они только тех, кто сам приближался к ним, так что мир сей уже больше не слышал свидетельства, огонь любви и сострадания к человечеству, который был характерен для истинного Христианства, затух, а потому во 2-м веке истина, как в теории так и на практике, была утеряна.

Не приходится сомневаться в том, что и на наше Христианское сообщество оказывает сильное влияние мысль о “выходе из мира сего”. Все мы всё больше начинаем смотреть вовнутрь себя так, что в некоторых частях мира многие из нас перестали обращать из внешних мира сего. Результатом же того, что вся сила и энергия направляется внутрь, может привести, и приводит, лишь к ужасающим разрушениям. В таких экклесиях подобное отношение должно быть срочно заменено искренним и горящим желанием благовествовать погибающим окружающего их мира. Вполне может быть и так, что обращенные 2-го, или 3-го поколения, уже не могут общаться с окружающим их миром, не могут общаться с людьми его, а потому не могут никого из него и обратить. А это значит, что истинная церковь уже не может больше являться светом миру сему, ибо ставит свою свечу под сосудом, чтобы она светила исключительно им самим. И ведь именно из таких изолированных от мира групп прорастают аналитические мыслители нашей веры, создающие так много шума вокруг учений. И, конечно же, не приходится сомневаться так же еще и в том, что так сильно осуждающие грехи окружающего их мира, так часто сами впадают, по примеру Коринфа, в такие серьезные прегрешения, которые осуждаются даже внешними. Западному сообществу действительно есть чему поучиться на примере того, что произошло с церковью во 2-м столетии.

5-6-7 Потеря милости

Ранняя церковь не только стала жестче смотреть на окружающий ее мир, члены ее также стали менее милостиво относиться друг к другу. Херманс (*Мат.* 4.3.6) пишет: “После великого и святого призвания, если человек при искушении от диавола совершает грех, он может покаяться. Однако, если он постоянно грешит и постоянно кается, то такое (покаяние) бесполезно”. А это напрямую противоречит учению Господа о том, что согрешающего и кающегося грешника нужно прощать 490 раз на дню, т.е. бесконечно. Раймонд Браун комментирует: “В первые века наказанием экклесии было непощение грехов прелюбодеяния и заблуждения”⁽¹⁾. Очень вскоре, несмотря на то, что в Новом Завете, ясно сказано, что прощение зависит исключительно от милосердия и благодати, появляются писания о спасении, зависящем от дел. Задумайтесь о Пастыре Хермаса, 2.3.2: “Ты был спасен на разрывая связи с живым Богом... если он воздержится от злой похоти, то наследует жизнь вечную” (3.8.4). Подобное немилосердное отношение вело к лицемерию, ибо церковные начальники обязаны были являть в жизни не только безгрешность, но и бессердечность. Однако самые первые Христиане, такие как Павел и Петр, не стеснялись признаваться в своей слабой вере и грехах, а из рассказов Евангелий видно, что ученики благовествовали и проповедовали также, несмотря на слабость своей веры и недопонимание учений.

Несмотря на то, что в нашем сообществе совсем недавно так много и часто говорилось о милосердии и благодати, похоже, мы все же сворачиваем на тот же самый путь, что и церковь первого столетия. На такие грехи, как прелюбодеяние и развод часто смотрят как на грехи, которые нельзя простить. Несмотря на теоретическое понимание благодати и милости, правилом заблуждения ранней церкви все же стало: “согрешил и погиб”. Но ведь и в нашем столь любимом сообществе существует не мало примеров, когда наши всеми уважаемые и видные братья живут не признавая собственных грехов, но порицая и осуждая грехи других.

Примечание

1. Raymond Brown, *The Epistles of John* (Garden City: Doubleday, 1982) p. 238.

5-6-8 Потеря в церкви веры

По мере увеличения богатства церкви, по мере сосредоточения жизни внутри себя и потери милости и благодати, церковь теряла также и основное *в вере*. Церковная литература того времени пишет о воскресении Господа, как о начале веры людей, которые касались Его Самого, или же принадлежавших Ему вещей. В написанном во 2- столетии *Epistula Apostolorum* 11-12 рассказывается о том, как ученики уверовали после того, как потрогали разные части тела Иисуса и подножие Его креста. Игнатий в своем послании в Смирну (3.2) говорит, что все, касавшиеся Иисуса, уверовали в Него. Всё это сильно контрастирует с рассказом об осуждении Господом неверующего Фомы, и о благословении Им тех, кто поверил в Него, не видя и *не касаясь* Его.

А потому и нам необходимо сегодня спросить себя, имеем ли и мы достаточно веры, малое количество которой могло бы двигать горы. Не доверяем ли мы больше технике, своим накоплениям и прочему больше, нежели Богу?

5-6-9 Плохое руководство церкви

К отступничеству церкви также вело еще и плохое руководство церкви, ее епископы, пресвитеры и диаконы. Церковными властями предпринимались почти невыносимые попытки оправдать себя в своих диктаторских замашках. Климент находил оправдание деспотичности в Ис 60,17, утверждая, что написанное там, относится к церкви: “и поставлю правителем твоим мир и *надзирателями* твоими – правду”. Именно по этой причине он утверждал, что для начальников церкви нет ничего важнее правды, и что поэтому они обязаны надзирать за церковью. Сам Климент церковную дисциплину полагал на основе установленной дисциплины Римского войска – по областям (епархиям), которыми бы руководили надзиратели (епископы). Подобное автократическое правление пресекало любые попытки возникновения того, что по их понятиям было “ересь”. Таким образом церковь стала одной из государственных структур. Свободомыслие и свобода исповедание по мало важным предметам стали вне закона. Не поощрялось, а то и запрещалось возникновение любых вопросов. Тертуллиан советовал епископам запрещать задавать себе на собраниях вопросы, так как “задавая вопросы человек становится еретиком”. Задумайтесь над этими словами из “Prescription Against Heretics” и сравните их безапелляционность с тем, что говорится в нашей церкви сегодня: “Они говорят, что нам нужно задавать вопросы для того, чтобы вести беседу и спорить. Однако о чем мы можем с ними беседовать и спорить? Верующие должны избегать любых споров по поводу толкований Писаний, ибо такие пререкания ведут только к расстройству желудка или мозгов... если вы вступите с ними в дискуссию, то слушающие вас не смогут понять, кто из вас прав, а кто нет... а сомневающемуся человеку будет неудобно видеть вас топчущимся на одном месте”. А потому нам необходимо спросить себя, не ведут ли и наши так сильно участвовавшие разговоры о власти и старейшинстве в еkkлeсии к тому же самому сползанию в структуризацию церкви?

Ранняя церковь страдала не только от плохого руководства, но и от излишнего преувеличения роли старейшин в ней, наряду с уменьшением роли в служении Господу обычных членов церкви. Вместо Иисуса Христа на первое место выходил начальник церкви, за которым и обязана была следовать вся паства. Христианство начало свое существование с группы людей, последовавших за одним Человеком, чье внимание было

сосредоточено только и исключительно на Нем одном теми, кто, вспоминая Его, вместе преломляли по домам хлеб, радостно рассказывая другим о своей жизни вместе с Этим Человеком. Однако с годами человеческое внимание переместилось на другое. Задумайтесь над тем, что писал Игнатий по прошествии всего лишь 50 лет после появления первых Богодухновенных писаний Нового Завета.

- А потому необходимо... чтобы ничего не делалось без ведома епископа; и так же будьте в повиновении пресвитерам” (*Trallians 2.2,3*).
- Игнатий приветствует только тех, кто “заодно с епископом и пресвитерами” (*Philadelphians prologue*).
- “Все ли вы следуете за епископом так же, как Иисус Христос следовал за Своим Отцом, а пресвитеры за Апостолами... пусть никто не отделяет церковь от епископа. Пусть евхаристия совершается чинно под руководством епископа, или же под руководством назначенного им человека. Где бы ни назначался епископ, там должны быть и люди, точно так же, как там, где является Христос, там и возникает кафолическая (вселенская) церковь. Незаконно без епископа ни совершать таинство крещения, ни вечерю любви. Только то, что было одобрено им, одобряется и Богом” (*Smurmeans 7.2 – 8.2*).
- “Только епископ может сочетать мужчин и женщин так, что их брак будет действительным... я посвящаю себя всем, кто находится под руководством епископа” (*Epistle to Polycarp 5.2; 6.2*).
- Церковное строение под руководством епископа стало почитаться за дом Божий: “Если кто-либо не находится вблизи алтаря, то он не допускается до хлеба Божия”. Т.е. хлебопреломление может совершаться только в церкви и с разрешения церкви (*Ephesians 5.2*).
- “Делающий что-либо без разрешения епископа, пресвитеров и диаконов, не может иметь чистую совесть” (*Trallians 7.2*).

Из всего этого видно, что происходило. Дух преломления хлеба по домам, которым начиналось Христианство, был утерян. Заповедь о том, чтобы все последователи Христовы шли проповедовать и крестить, была искажена, ибо теперь только епископ и его окружение могли делать это. Теперь человек не мог преломлять хлеб там, где ему хотелось и когда хотелось, ибо оно должно было совершаться исключительно “в церкви”. Теперь, что очень плохо, совести искренних братьев подвергались осуждению. Но, что еще хуже, теперь епископу и его окружению нужно было оказывать те же самые почести, что Отцу, Сыну и Их Апостолам. А мне так же хорошо известны случаи, когда известным и опытным миссионерам запрещалось крестить кого-то только потому, что они “не были уполномочены комитетом”. Других критиковали за то, что они совершали хлебопреломления не в еkkлeсии “X”, другим запрещалось преломлять хлеб с еkkлeсией “Y” или с сестрой “Z”, не по каким-то веским причинам, а просто потому, что так решили старейшины. Припоминается даже такой случай, когда после совершения хлебопреломления, по возвращении домой, хозяева дома решил организовать “другую трапезу Господню” (что не понятно мне до сего дня!) Не приходится сомневаться в том, что у многих существует ощущение того, что нам необходимо делать то, что говорят нам старейшины церкви, даже если это идет вразрез с собственной совестью. Однако, если наша совесть обвиняет нас в чем-то пред Богом... то почему большинство делает то, что почитается правильным в глазах людей, а не Бога? Под “совестью” же я понимаю то, что когда наши действия определяются не долгими размышлениями и взвешиваниями, а немедленными побуждениями, основанными на нашем понимании Писаний и Духе Божиим, данным нам. Немецкие ученые рассказывают о Игнатии, как о примере рождения католицизма, переросшего позже в Римскую католическую церковь. Этот Игнатий пытался контролировать крещение, хлебопреломление и служение Господу, желая чтобы

все происходило исключительно по его собственной воле, чтобы все вопросы в церкви решались только им в обход церковной иерархии, что стало предтечей упадка истинного Христианства. Очень не хочется думать, что и в наши дни могут появляться такие вот “Игнатии”.

Одним из любимых греческих слов Игнатия было слово “бебаиос”, что означает “утверждение, действительность”. Игнатий и ему подобные утверждали, что служение Господу верующим должно быть действительным, а эта действительность осуществляется только через повиновение церковным властям. Только они могли определять действительно служение верующего, или нет. “Все, одобренное (епископом и пресвитерами), одобрено и Богом, а потому делай все, что можешь с уверенностью в действительности (“бебаиос”) соделанного тобой” (*Smyrneans* 8.2). Примечательно, что Павел, когда писал о том же самом, использовал то же самое греческое слово, но в оправдание своего служения Богу, без одобрения тех, кто почитал себя за старейшинами: “Утверждающий (“бебаиос”) же нас с вами (обыкновенных членов паствы)... [есть] Бог, Который и запечатлел нас” (2Кор 1,21,22). Сам Бог утвердил действительность нашего служения Ему, а потому мы более не нуждаемся ни в чьем утверждении на земле. Само собой, что нам нужно стараться работать бок о бок со своими братьями, ибо в этом очевидно и состоит дух Христов, ибо ни Павел, ни я не пытаемся возбуждать дух полной независимости и безответственности. Всё, о чем Павел хотел сказать, это то, что никто не нуждается в утверждении (разрешении) старейшин для того, чтобы служить Господу в благовествовании, преломлении хлеба или крещении (что видно из самого текста).

Однако, прежде чем заклеить Игнатия “плохим парнем”, давайте подумаем, вот над чем. Этот человек, имея возможность избежать всего этого, все же предпочел мучения и насильственную смерть Христианина на арене Римского Колизея. А это говорит о его неподдельной искренности. Попробуйте перечитать выдержки из его слов с мыслью об этом, и понять, что, несмотря на наше несогласие с ним, он все же по-настоящему верил во все, написанное выше. Ради церкви, ради Христиан он искренне сеял то, что служило самоуничтожению церкви. Всем этим я хочу сказать, что как бы там ни действовал Игнатий, все последующий отступления Христианства были основаны на той же самой искренности и желании добра. И я думаю, что все, выше перечисленные идеи Игнатия, живут, здравствуют и процветают во многих частях нашего сообщества, и уж конечно, у многих протестантов. Когда я думаю об этом, когда вижу, что история каждый раз снова и снова повторяет саму себя, мое сердце “трепещет за ковчег”. Это совсем не значит, что все придерживающиеся подобных ошибочных взглядов, нечестны или настолько сильно погрязли во грехах – точно так же, как я не могу судить (особенно с учетом такого большого количества разделяющих нас лет) о Игнатии, был ли он лицемером или же просто очень порочным человеком. Но я точно знаю, на примере истории, к чему ведет подобный образ действия и мышления – к отступничеству и умиранию истинного Христианства.

Что можно предпринять в таком положении? Во-первых, пообещать себе делать всегда только то, что правильно перед Богом, а не перед людьми, даже если эти люди являются старейшинами нашей церкви. Всегда и во всем на первое место выдвигать личную ответственность каждого члена церкви, как то было в ранней церкви и при Самом Господе. Никогда не запрещать братьям исполнять заповеди Господа о крещении, о совершении хлебопреломления и использования собственных возможностей для благовестия. Само собой, о чем мне даже не стоило бы и упоминать, мы во всем обязаны следовать Библейским предписаниям, “искать того, что служит к миру” и служить нашему Господу так, что бы, по возможности, быть “в мире со всеми людьми”. При этом нам также необходимо помнить, что мы призваны Господом не господствовать над своим

братьями, а служить им. У нас, у наших душ есть только один Епископ, только один настоящий Пастырь. Похоже, Игнатий забыл об этом. Кроме всего прочего, любой ученик Господа обязан следовать за Ним, неся свой собственный крест, не озираясь по сторонам, чтобы убедиться, несут ли свои кресты его братья, следуя по тому же пути за своим Господом. Человеческое желание “делай как я” почти непреодолимо, и вот в эту-то западню и попала ранняя церковь. Конечно же, они начали с мысли, что всё, что они делают для церкви, служит для блага ее членов. Они полагали, что их желание всеобщего единомыслия по поводу того, как должна жить церковь необходимо для сохранения ее, однако закончили тем, что свои взгляды приписали взглядам Бога, свои истины стали называть истинами Божиими, а всех несогласных с этим, просто изгоняли из церкви. И, как это видно из трудов Игнатия, они воссели на месте Бога, заменив Его собой. А отсюда уж было рукой подать до учения о непогрешимости Папы. И разве очень далеко от непогрешимости Папы ушли те премудрые братья, которые говорят, что они ничего плохого не видят в брате “X”, или в сестре “Z”. Однако, если старейшины говорят, что это не так, что же, значит так оно и есть. Не мне судить о том, как относиться к этому брату и этой сестре, я просто принимаю мнение более старших и более духовных меня братьев.

Наше отношение к подобным вопросам является испытанием нас Богом. Ибо таким образом Бог испытывает самое сокровенное наше “я”, испытывает на самом ли деле мы верим, что лучше давать, чем получать, что лучше быть служащим, чем начальствующим, что мы прежде всего должны отчитываться в своем поведении перед Богом, и что прежде всего нам необходимо следовать за своим Господом Иисусом Христом, а не за своими человеческими начальниками. Таким образом по-настоящему испытывается наша вера в то, что полагаемся ли мы больше на жертвенную благодать Божию, или же на причастность в подчинении какой бы то ни было человеческой организации (ибо только так можно назвать любую, принадлежащую к лжерелигии группу верующих). Бог испытывает нас, готовы ли мы работать для других за одну только благодать Божию, не ожидая получить никакого видимого вознаграждения, будь то деньгами, личным уважением, подчинением и проч. Хотим ли мы служить Ему только потому, что чувствуем, что Ему нужно служить, потому что ощущаем себя Его рабами, просто рабами самого великого Отрока Господня.

5-6-10 Учение и законность

Первые братья обладали ясным и твердым пониманием основных учений, что привело их к опасному заблуждению, что для спасения достаточно одного знания, что закончилось гностицизмом, когда на передний план выдвинулось теоретическое знание, оттеснив на задворки практическое его применение. Мы стоим перед той же опасностью. Первые Христиане настолько ценили истинное знание, что старались систематизировать Истину Христову в “Символе веры”. В ортодоксальной церкви для людей приходящих к Богу, благовестие было подменено текстом “Символа веры”. Я не против того, чтобы и у нас было “Положение о вере”, я против того, чтобы кто-то был занят только им, прибавляя и прибавляя к нему все новые и новые пункты, дабы узаконить и ограничить общение и дабы иметь еще более мощное оружие нападения. Совсем не случайно, когда ранняя церковь перестала искать обращения Иудеев, начало расти отступничество. Церковь стала искать “символы веры” для упрочения Христианства, но символы отличные от Иудейских. Они стали поступать вопреки духу Павла, который стремился быть Иудеем, чтобы приобрести Иудеев. Некоторые из нас также оставили попытки приобрести этот мир, обратив свой взгляд вовнутрь себя, тогда как надо бы смотреть в противоположную сторону. И это также ведет ко все более растущему желанию узаконить истину Божию,

узаконить завет благодати, отделяясь от тех, кто не может подписаться под новыми прибавленными ими пунктами. Давайте не забывать, что мы, как сообщество, начали (и до сих пор начинаем!) с того, с чего начали первые братья в день Пятидесятницы. С того же главного Евангелия. С той же самой любви, которую предлагает нам его благовестие. С того же желания свидетельствовать о нем, отстаивая истинность его и призывая других в ту же радость. Но и у нас есть то же самое искушение, как и в 1-м и во 2-м столетиях, впасть в бесконечные узаконивания благодати, нападая и проклиная тех, кто не хочет согласиться с нами, что уже когда-то привело к потере истины, которую они так стремились сохранить. Сохраните ее, проповедуйте ее – ибо именно таково завещание 1-го столетия, оставленное нам. То, что случилось в 1-м столетии, может повториться и в наши дни.

Небольшая горстка самых простых и обыкновенных людей ради Христа поставила с ног на голову враждебный им мир первого столетия. Для меня это является постоянным источником поддержки и вдохновения. Перед нами стоят точно такие же препятствия, и мы обладаем почти теми же средствами, что и они, для преодоления их. Так же и нам дана возможность быстро разрастись, как разрослись тогда они, ибо и нам дано то же самое благовестие. Нет никаких намеков на то, что Богу было угодно только тогда такое широкое и быстрое распространение Его Евангелия. Он не изменяется, Ему и ныне угодно спасение людей через Его Сына. А потому нам стоит принять трудное решение: воистину последовать примеру первых братьев в их жизни, благовестии Царства, обращении и спасительной силе в Человеке Христе Иисусе.

“Если бы я верил в то, во что верите вы, Христиане, я бы прополз, если нужно, на четвереньках через всю Англию, рассказывая людям об этом”.

Генерал Бут